

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное образовательное

учреждение высшего образования

«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Т.Г. Лешкевич, А.А. Мотожанец, О.В. Катаева

**Цифровая детерминация и трансформации
смысложизненной рефлексии**

Монография

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2020

УДК [1+111.1+165]:004(075.8)

ББК 87.21+87.22 я73

Л53

Монография подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «Цифровая детерминация и трансформации смысложизненной рефлексии», грант РФФИ № 19-011-00298

Рецензенты:

доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора Междисциплинарных проблем научно-технического знания Института философии Российской академии наук *В.И. Аршинов*;

доктор философских наук, профессор, декан факультета социальных коммуникаций Астраханского государственного университета *Л.В. Баева*

Лешкевич, Т.Г.

Л53 Цифровая детерминация и трансформации смысложизненной рефлексии : монография / Т.Г. Лешкевич (отв. ред)., А.А. Мотожанец, О.В. Катаева ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2020. – 196 с.

ISBN 978-5-9275-3641-2

Монография посвящена эффектам цифровой детерминации и трансформациям смысложизненной рефлексии. Рассматриваются парадоксы цифровой эры, цифровое отчуждение и новые типы субъектности, амбивалентность Big data технологий и изменений жизненного мира под влиянием виртуализации. Представлен анализ многообразных граней смысложизненной рефлексии и моделей смысловой регуляции (обыденно-повседневная, прагматическая, экономоцентристская). Выявляются причины расширения пространства безрефлексивности. Обосновано значение ценностно-гуманистического измерения смысложизненной рефлексии.

УДК [1+111.1+165]:004(075.8)

ББК 87.21+87.22 я73

ISBN 978-5-9275-3641-2

© Южный федеральный университет, 2020

© Лешкевич Т.Г., Мотожанец А.А., Катаева О.В., 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
РАЗДЕЛ 1. Цифровая детерминация и ее эффекты	14
Глава 1. Что понимать под цифровой детерминацией? ...	14
1.1. Системные характеристики цифровой детерминации: онтологическая проекция	30
1.2. Антропологическая проекция цифровой детерминации и ее эффекты	37
Глава 2. Цифровая современность и ее оценки	48
2.1. Парадоксы цифровой детерминации	48
2.2. Цифра – наш друг? Позиция цифровых энтузиастов и цифровых скептиков	55
РАЗДЕЛ 2. Виртуализация жизненного мира	62
Глава 1. Семантика концепта «жизненный мир» и его эволюция	64
Глава 2. Понятие субонтологии: о соотношении виртуальной и производящей её константной реальности..	71
Глава 3. Амбивалентность оценок виртуализации жизненного мира: «pro & contra»	80
Глава.4. Виртуализация жизненного мира в ее проекции на виртуальную игру	88
РАЗДЕЛ 3. Трансформации смысложизненной рефлексии и смысложизненных ориентиров	94
Глава 1. Предварительные методологические замечания к исследованию смысложизненной рефлексии	94

Глава 2. Многообразные грани смысложизненной рефлексии	100
2.1. Не оставлять «без присмотра свое бытие»	100
2.2. Маркеры смысложизненного поиска и расширительные коннотации смысла жизни	108
2.3. Смысложизненная рефлексия–ретроспектива и значение фигуры Другого	114
Глава 3. Векторы трансформации смысложизненной рефлексии	120
3.1. Смыслосфера повседневно-обыденных регуляций	120
3.2. Цифровой поворот и технологическое расщепление смысловых регуляций повседневности.	126
3.3. Смысловая регуляция в рамках прагматической модели	134
Глава 4. Адаптивность и дегуманистические обертоны смыслового самоопределения	138
Глава 5. Информационная парадигма смысложизненного выбора: новые зоны смысла или расширение ареала безрефлексивности	150
Заключительные размышления	162
Литература	171

ВВЕДЕНИЕ

Уже стало привычным называть современный этап развития цифровым, а мир, в котором мы живем, дигитальным. Вместе с тем наблюдаемое скрещивание привычных, стереотипных физических аспектов существования человека и цифровых детерминант его современного функционирования дает возможность характеризовать настоящий период как гибридный. Трудно не согласиться с выводами об изменившемся эффекте «присутствия» человека сразу в двух накладывающихся друг на друга мирах, когда провозглашенные приоритеты цифровизации не отменяют наличие бумажных носителей информации и реальных физических действий. Возникают и удвоенные требования к формированию человеческого опыта, которые обуславливают уникальность современной ситуации, состоящей в том, что опыт формируется в процессе слияния физического мира и мира цифры. Поскольку «гибридная реальность» характеризуется симбиозом традиционного и цифрового, обыватель, а лучше сказать массовый человек или среднестатистический индивид, расценивает свое бытие как «ситуацию насто-роже». Он постоянно чувствует двойной прессинг как со стороны цифровых технологий, так и никем не отмененных требований до-цифровой эры. Этот двойной прессинг, как и натиск масштабной цифровизации, простирающейся вплоть до частного пространства индивидуальной жизни, порождает ощущение уязвимости и ведет к пересмотру смысловых опор существования человека.

Вместе с тем, именно смысло-жизненная рефлексия «управляет нашими практиками». Как «капитальный факт в структуре сущего» (С.Л. Рубинштейн) смысло-жизненная рефлексия выступает своего рода несущей конструкцией, образующей значимый канал

«выхода в бытие», направляющий поступки и поведение человека. Она порождает совокупность смысловых регуляций, влияет на смысложизненное самоопределение и смысложизненный поиск, смысложизненные ориентации и смысложизненный выбор, которые связаны с оценочным восприятием прошлого, настоящего и будущего и обладают программобразующим влиянием. Изучение ее трансформаций, обусловленных цифровой детерминацией, приобретает первостепенную актуальность в силу того, что стремительное технологическое развитие, граничащее с так называемым феноменом «шока будущего» (Э. Тоффлер), осуществляется как бы «вслепую». Исходя из этого, рефлексивное осмысление последствий глобальной цифровизации приобретает особую значимость. Ученые уверены, что негативные последствия развития технологий часто обнаруживают себя в непредвиденных формах, но они неизбежны! Поэтому современную эпоху можно охарактеризовать «как высочайший маршрут инкогнито», используя образный слог А.И. Герцена.

В представленной монографии проводится анализ цифрового мира с учетом трех исследовательских направлений. Во-первых, это исследование цифровой детерминации и сопровождающих ее эффектов, обусловивших новое измерение бытия; во-вторых, это рассмотрение процесса виртуализации жизненного мира в контексте его амбивалентных оценок; в-третьих, анализ трансформации смысложизненной рефлексии в условиях дигитальной среды.

В первом разделе раскрывается понятие цифровой детерминации в отличие от прочих видов детерминации. Авторы обращают внимание на специфику жесткой, вероятностной, технологической детерминации, основывающейся «на отчуждаемом, интересубъективном знании». Поскольку технологические практики присваивают себе статус универсальной движущей силы, а развитие социума рассматривается как движимое Большими данными, предлагается критический анализ Big Data – технологий с выявлением их достоинств и недостатков. Фиксируется заданный цифровой детерминацией сдвиг в сторону «даннофикации», а также потребность в новом типе исследователя – «data scientist», интерпретирующем Большие данные.

При рассмотрении системных характеристик цифровой детерминации с учетом их онтологической проекции интерес представляет понятие «цифровой онтологии», указывающее на тип объектности, возникающей в Интернет-пространстве и опирающейся на иную организацию пространства и времени. Значение имеет доступ к Сети, скорость пересылки, трафик и риски опасных сетевых ресурсов. Антропологический эффект цифровой детерминации проявляется в расширяющемся континууме социальности Сети, которая, оставаясь «невидимым слоем» современности, продуцирует новые типы субъектности, среди которых: «краудсорсинг», «ноосорсинг», «кибер-соборность», «цифровые аборигены», «цифровые иммигранты», «поколение Google», «многозадачник» и пр. Человек, становясь агентом сетевых практик, представляет, согласно метафоре А. Белого, «Чело Века». А эпоха порождает субъекта, именуемого *Homo Interneticus* или *Homo Supertechnologicus*. Встречаются наименования *User* (пользователь) или *Neet* (человек, живущий в Сети). Современный субъект оказывается «просмотрщиком контента» либо «информаноидом» – существом, способным быть действующим субъектом в информационной реальности. Выявляются и такие новые типы субъектности, которые условно могут быть обозначены, как: «лишенные места за компьютером», «базирующиеся на месте за компьютером», «имеющие место в киберпространстве», «имеющие место на платформах Интернета». Субъектность приобретает характер конвергентной, т. е. объединенной с возможностями Сети. Сильнейшая зависимость современного человека от новых технологий, заставляет говорить об «интерактивном» одиночестве.

Во второй главе особый интерес представляют выявленные парадоксы цифровой детерминации. Первый парадокс, указывая на интенсивное использование интеллектуальных систем в модернизации всех областей, фиксирует «опустошение» рынка труда, исчезновение невостребованных профессий и появление лишних людей. Второй парадокс выявляет то, что открытость и демократичность процесса цифровизации сопровождается цифровым разрывом и ростом «цифрового неравенства». Третий парадокс показывает расхождение установок на совершенствование цифровых навыков,

с одной стороны, и потребность личностного освоения глубинных пластов профессионального знания, с другой. Он связан с запросом на развитие базовых для XXI века цифровых навыков и с фиксацией ситуации, когда обладающие глубокими профессиональными знаниями специалисты не могут продемонстрировать столь же высокий уровень компетенций, обеспечивающих адекватные цифровой среде формы практик. В то время как молодая генерация, владея цифровыми компетенциями, идет по пути «аренды знания», сканирования и компиляции информации, мало погружаясь в содержательную суть процессов, которая для них выступает формой отчужденного знания.

Четвертый парадокс связан с несостыковкой предоставляемых Интернетом коммуникативных возможностей и усиливающейся тенденцией «цифрового затворничества», «цифрового одиночества», «цифрового солипсизма». Пятый парадокс выявляет несоответствие максимы: «данные решают все» социальной «зрелости» технологий Больших данных в их «сцепке» с социальными ценностями. Шестой парадокс представлен оппозицией детерриториальность – локальность, где первая фиксирует универсальность Интернета, а вторая – упирается в проблему доступа и сталкивается с зависимостью от возможностей информационного оснащения той или иной территории.

В решении вопроса, является ли цифра нашим другом, авторы сопоставляют позиции цифровых энтузиастов и цифровых скептиков, рассматривают амбивалентные оценки цифровой эры и сопровождающие их аргументы.

Во втором разделе дан анализ широкого спектра проблем, касающихся кардинальных трансформаций жизненного мира под влиянием процессов цифровизации. Они расцениваются как цифровая революция, ведущая к смене парадигмы жизнедеятельности. В первой главе данного раздела с опорой на наследие Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти, А. Шюца, М. Хайдеггера, Ю. Хабермаса, а также труды современных исследователей, авторы анализируют эволюцию смыслового содержания концепта «жизненный мир». При рассмотрении особенностей виртуализации жизненного мира на фоне

многочисленных технологических достижений выявляются также и негативы, привнесенные в жизненный мир симулятивными и имитационными эффектами ирреальной аналоговой реальности.

Теоретический интерес представляет решение вопроса о соотношении виртуальной и производящей её константной реальности, который поднимается в следующей главе. Авторы показывают, что виртуальная (и, по сути, производная) реальность проникает в «первичную», порождающую её реальность, подчиняя её и производя подмену событий действительного мира виртуальными образами и сценариями. Это отражено понятием субонтология, разработка которого является своеобразной новацией авторов. Субонтология указывает на продуцирование иного плана бытия, состоящего из квази-событий, но позиционирующего себя как самодостаточный и замещающий реальное виртуальным.

В заключительной главе данного раздела специфические особенности виртуализации жизненного мира анализируются с учетом его тематизации и, в частности, в его проекции на виртуальную игру. Авторы опираются на позицию Э. Гуссерля, стремящегося «вывести из игры» все обусловленные своим временем данности жизненного мира, и выводы Э. Финка, рассматривающего игру как способ понимания человеческого бытия, охватывающий всю человеческую жизнь. Но главное – это то, что правомерность обращения к игре в поисках спецификаций новых способов освоения мира, базируется на понимании игры как «арифметики социальных отношений» [Эльконин, 2013]. В игре заявляют о себе имитационные модели существования вне их утилитарной нагрузки, повседневное бытие освобождается от рутинности, предстает в образах «иного бытия» с разнообразными событийными возможностями.

Третий раздел, в котором идет речь о трансформации смысло-жизненной рефлексии и смысло-жизненных ориентиров, начинается с предварительных методологических замечаний. В их числе базовое понимание человека как предметно-деятельностного существа; обоснование эффективности такого методологического инструмента как энактивизм, сфокусированного на перестройку внутрен-

них смысловых регуляций вследствие производимых субъектом изменений внешних обстоятельств; учет эмерджентности и сложности, способствующих расширению поля охвата происходящих процессов, отклоняющих от выбранной стратегии поведения. Показано значение фрактальности, рекурсивности, целеполагания, где масштабная цель проявляет себя как аттрактор – своеобразный «тип саморегуляции», подчиняющий все промежуточные состояния. Рефлексивное осмысление происходящего в условиях возрастающей рискогенности направлено на «сшивание» фиксируемых и проективных планов бытия.

В фокусе внимания второй главы многообразные грани смысложизненной рефлексии и их концептуализация. Авторы уверены, что ядром смысложизненной рефлексии является идея «самовоплощенного существования» человека, стремление привносить ценностно-целевые ориентиры в многообразные жизненные коллизии, наполнять жизненные практики проявлениями подлинно человеческих качеств. С опорой на исследовательскую литературу анализируются расширительные коннотации смысла жизни и векторы смысложизненного поиска. Показано, что важные характеристики смысложизненной рефлексии можно обнаружить в контексте ретроспективного философского анализа и в проекции на значимость фигуры Другого. Смыслополагание в соотношении с персоной Другого – специфическая грань проблемы смысложизненной рефлексии, имеющая в философском наследии Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, Ж. Делеза, П. Рикера, Э. Левинаса целый ряд актуальных находок.

В третьей главе данного раздела проанализированы векторы трансформации смысложизненной рефлексии. В фокусе внимания модели персональной смысловой регуляции в условиях цифровой эры, в числе которых обыденно-повседневная, прагматическая, экономоцентристская, экзистенциально-дезориентированная, с выявлением специфики их цифрового поворота и технологического расщепления, вплоть до границы, обозначенной метафорой «лицом в

экран». Ценностно-гуманистическая модель смысложизненной рефлексии в силу своей многоаспектности является значимой тенденцией, общей для всех трех разделов монографии.

В следующей главе авторы рассматривают жизненно важную потребность в адаптации, связанную с необходимостью вписаться в стремительно меняющиеся условия цифрового мира. При этом делается вывод о значимости валеологического измерения, которое должно сопутствовать анализу всех трансформаций, вызванных цифровой средой. А адаптация понимается как быстрое и адекватное реагирование на возникшие вызовы, позволяющее системе обеспечить свою жизнеспособность.

Авторы анализируют феномен надэмпирической трансляции опыта как «лаборатории» моделирования жизненных сценариев и смысложизненных стратегий, напрямую затрагивающей психоментальный и энергетический уровень личностного смыслообразования. Вместе с тем анализ сложившейся ситуации показывает, что адаптация к новой форме технологического бытия ведет к сужению зазора для размышлений. Многообразные типы взаимодействий человек – компьютер способствуют тому, что в социальную память интегрируются не импульсы гуманитарных и рефлексивных потребностей, а алгоритмы технологических воздействий. Показана анти-рефлексивная природа экономизации, принуждающая индивида «выгодно продавать себя рынку». Сделан вывод, что ценностная шкала цифровой эпохи ориентирована на манипулятивный сетевой охват, помещающий современника в ситуацию тотального навязывания смыслов и расширения пространства безрефлексивности.

Процесс экзистенциальной дезориентации и эскапизм оценивается как острейшая проблема современности. Авторы приходят к выводу, что в современных условиях наибольшим влиянием обладает не понятийная смыслопорождающая культура, а информационные месседжи, активно ее вытесняющие. И если в рамках рефлексивной смысловой регуляции онлайн-возможности – это один из дополнительных каналов, связывающих индивида с современностью, то цифровая детерминация, закрепляя доминирующее воздействие за аналоговой реальностью, выносит самореализацию индивида в сферу виртуального. В информационной парадигме,

стремящейся ко все более маневренной сетевой архитектуре, акт освоения новаций информационных технологий воспринимается как акт создания краткосрочных смысложизненных ориентиров. Здесь имеют место три вектора: первый служит распределению виртуальной активности в коммерческих целях; второй направлен на удовлетворение потребности в имитации «самовоплощенного существования»; третий служит получению виртуального удовольствия. Цифровая эра низводит понимание рефлексии до процедур отслеживания собственных транзакций и состояния сопричастности инфособытиям. В то время как смысложизненная рефлексия предполагает не только независимое осмысление происходящего с выявлением его негативных последствий. Она обуславливает образ жизни, сконцентрированный на воплощении соответствия между осознанием личностью самой себя и осмыслением внешнего бытия, как пространства собственной самореализации. Отличие рефлексивной модели состоит в том, что она направлена на обнаружение подлинного смысла событий в сопряжении со смыслами разумного и полноценного существования человека.

В заключительной главе монографии авторы приходят к обоснованному выводу, что раз современное поколение и открывает этот мир, и моделирует реальность посредством IT-технологий, то совместно с развитием цифровых компетенций ему необходимо осваивать зоны смыслов, которые бы фиксировали потребность и значимость гуманизации цифровых взаимодействий. Триединство «человек – технологии – смысл» должно стать узловым моментом существующей информационной парадигмы. Приоритетом рефлексивной модели мироотношения является правомерность вмешательства общественного человеческого разума «на правах регулятора» в процесс цифровой детерминации, стремление сделать его в значительной степени управляемым под доктрину «человекоразмерного будущего».

Монография опирается на корпус фундаментальных исследований как отечественных, так западных авторов. Преимущество данного издания заключается в использовании современных англоязычных работ, направленных на анализ заявленной про-

блемы. К числу наиболее близких к исследуемой теме можно отнести работу Н. Негропonte с примечательным названием «Будучи цифровым» (1996), фиксирующую компьютеризацию самой жизни [Negroponte, 1995]. Специфические характеристики электронной культуры, впрочем, как и введение самого термина «E-culture», стало предметом исследований А. Ронки [Ronchi, 2009]. Наряду с попытками отграничить ключевые цифровые технологии от информационных, конвергентных и смарт-технологий [Ардашкин, 2018], распространено наиболее обобщенное понимание, относящее к эпохе цифры все, что связано с созданием электронных аналогов духовных и материальных объектов, а также собственно виртуальных пространств, процессов и явлений [Баева, 2013]. В число работ, направленных на исследование тех или иных аспектов цифровизации, входят труды, авторами которых являются: В. Аршинов, А. Асмолов, Н. Боргест, Н. Бостром, Ж. Бодрийяр, Н. Больц, П. Бурдые, В. Вахштайн, А. Войскунский, Д. Гвоздилов, Ф. Гиренок, А. Голубинская, Э. Гуссерль, С. Докука, А. Дроздова, Е. Журавлёва, Л. Закс, Д. Иванов, А. Иоселиани, К. Карпинский, И. Касавин, Н. Касавина, М. Кастельс, О. Катаева, Е. Князева, Э. Левандовски, Д. Леонтьев, В. Лефевр, Т. Лешкевич, Н. Луман, М. Маклюэн, Л. Манович, Е. Масуда, В. Миронов, А. Митрофанова, А. Пан, А. Паяль, М. Петров, Д. Поспелов, М. Пронин, П. Тищенко, Э. Тоффлер, М. Финн, В. Франкл, А. Фролов, Ю. Хабермас, Г. Харман, М. Хорост, А. Шюц и др. Значимыми для построения авторской концепции выступили современные англоязычные работы таких ученых, как: A. Balkan, M. Bauerlein, W. Bennett and A. Segerberg, S. Bookheimer, A. Beinsteiner, C. Cege, A. Clark, R. Clowes, L. Floridi, R. Heersmink, D. Ihde, A. Kirby S. Korupp, Metz T. T. Moody, T. Oakley, O. Ollinaho, O. Roubal, P. Siddarth, G. Small, J. Sullins, M. Quigley and S. Ayihongbe, J. Urry, J. Wajcman, A. Ward и др. При подготовке монографии проанализировано более 90 источников на английском языке и около 200 источников на русском языке. Многие выводы, сделанные авторами монографии, имеют прямое отношение к современным задачам, стоящим перед Россией.

РАЗДЕЛ 1.

ЦИФРОВАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ И ЕЕ ЭФФЕКТЫ

Глава 1. Что понимать под цифровой детерминацией?

Изучение дигитального мира и порожденной им цифровой детерминации предполагает не только анализ, уточняющий значение данных концептов, важно понять, в чем специфика цифровой детерминации в ее отличиях от прочих видов детерминации. Актуальный научный интерес представляет и выявление системообразующих характеристик цифровой детерминации в ее онтологической, антропологической, теоретико-методологической и аксиологической проекциях.

Решая задачу, связанную с корректным теоретическим дефинированием взаимосвязанных с цифровой детерминацией понятий, таких как цифровая реальность, дигитальный мир, детерминация, отметим следующее. В общем смысле цифровую реальность следует понимать как новое измерение, указывающее на аналоговую реальность, которая, предлагая множество вариантов, перспектив и альтернативных версий, сосуществует с миром реальных (доцифровых) физических контактов и взаимодействий. Дигитальный или дижитальный мир, часто выступающий в значении синонима цифровой реальности, рационален и функционален, в нем властвует алгоритм, и все поставлено под контроль. Можно встретиться с определением дигитального мира посредством указания на «формируемый новейшими эмерджентными технологиями многоуров-

невый ландшафт современности» [Гримов, 2019, с. 42]. Дигитальный мир производит фильтрацию образа мышления, памяти, понимания, предлагая иной тип опыта. Он сфокусирован на агрегации алгоритмически заданной информации, которую в свою очередь характеризует репликация и повторение. Дигитальный мир иногда называют миром дискретного, и существует представление, что в дигитальном мире все поддается формализации.

Понятие «детерминация» – от лат. определяю, обуславливаю – в общем смысле содержит в себе указание на факторы, механизмы и движущие силы, которые задают и порождают последующие состояния. Исходя из этого, предложим дефиницию, согласно которой цифровая детерминация предстает как процесс направленного влияния, определяющий функционирование систем и поведения людей в соответствии с алгоритмами, заданными данной стадией цифрового технологического развития.

Если обратиться к истории вопроса, можно увидеть, что к имени **Пьера Лапласа** восходит понятие «**жесткой детерминации**», в которой постулируется однозначная причинно-следственная зависимость, т. е. одна причина может породить такое и только такое следствие. Исходя из этого, «всеведущий разум» мог знать состояния прошлого также определенно, как и видеть образ будущего. В этом случае развитие отражено линейной схемой, где прошлое также однозначно определяет настоящее, как и настоящее однозначно определяет будущее. Ни о какой случайности и вероятности, ни о каком отклонении от заданной линейной магистрали речи быть не может. Обратной стороной «жесткой» детерминации является лишение участников взаимодействий какого-либо активного начала или инициативы. Не имеют значения и особенности внутренней природы того или иного процесса или явления. С точки зрения развития современной методологии такое воззрение, бесспорно, является идеализацией, порожденной механистической картиной мира, исключающей многообразие и различные варианты развития.

В современной научной картине мира ставка сделана на **вероятностную детерминацию**, опирающуюся на статистическую

закономерность, которая предполагает учет большого числа факторов, «веер» возможностей и вероятностное распределение исходов и следствий процессов. Вероятностная детерминация предполагает, что в сеть причинно-следственных отношений включено множество причин, обремененных множеством вероятных следствий, поэтому будущее состояние невозможно однозначно и строго определенно локализовать в пространственно-временных координатах. В обычной жизни человек часто сталкивается с такого рода вероятностной детерминацией, отраженной вопросом: «Что день грядущий мне готовит?» Можно сказать, что вероятностная детерминация напрямую связана с онтологией неопределенности. Мы не просто не знаем, что будет завтра, но сами системообразующие связи последующих событий еще не сложились, а их сочетание зависит от множества факторов. Возникают новые узлы каузальной сети, открытые неравновесные среды, активно обмениваясь энергией, веществом и информацией, генерируют события, отличающиеся спонтанным структурогенезом. Графический образ вероятностной детерминации описывается нелинейной ветвящейся графикой, отражающей ситуацию, в которой причина порождает множество следствий. В отношении такого произвольного мира событий с подачи И. Пригожина и И. Стенгерс утвердился метафора, указывающая на концепцию мира, «символизируемую Богом, играющим в кости», где царствует акаузальность и трудно, что-либо понять [Пригожин, Стенгерс, 1994, с. 261]. Таким образом, не только обычный опыт свидетельствует о вероятностной детерминации. Вероятностный стиль мышления утвердился науке и проник почти в каждую область нашей интеллектуальной жизни.

Представления о **«технологической детерминации»**, связанной с прогрессом техники, указывают на весомую и решающую степень влияния техники, ограничивающей круг возможных действий принятым технологическим базисом. Мы согласны с позицией исследователей, считающих целесообразным различать технику и технологии. И если техника понимается как средство действия, базирующееся на неотчуждаемом от субъекта знания и уме-

нии, то технология – это способ действия, основывающийся на отчуждаемом, интерсубъективном знании. Как отмечает П.Д. Тищенко, «в пределе, технологизация выражается в замещении действия ученого-мастера действием компьютеризированного автомата» [Тищенко, 2016, с. 71]. И если в отношении техники можно говорить о ее непосредственном влиянии на природные процессы, но весьма опосредованном на человеческую природу, то технологические системы выступают фундаментальными основаниями всех сдвигов в обществе. Они направлены не только на решение практических задач, но мыслятся как источник прогрессивного развития как такового. Именно вокруг них вращаются все изменения в человеческой жизни, охватывая не только экономические, социальные, организационные, управленческие, но и медицинские, валеологические и прочие взаимодействия. Кредо **«технологической детерминации»** состоит в утверждении, что то или иное состояние достигается на основе и благодаря применяемым технологиям. Они задействованы в определении направленности функционирования тех или иных систем. Иными словами, суть технологической детерминации в том, что порожденная технологиями техносфера воздействует на способы бытия, определяя и задавая тип функционирования того или иного объекта или процесса.

Технологическая детерминация высвечивает **эффект удвоения мира**, когда мир искусственных артефактов сосуществует с миром естественного, с природой и природными объектами. И хотя технологическая детерминация повинна во многих техногенных катастрофах, что объясняет широкое распространение технологического алармизма, пропитанного беспокойством по поводу негативных последствий развития техники, существует и противоположная позиция, получившая название технологический эвдемонизм (от греч. Eudaimonia – блаженство). Связав прогресс и благополучие человечества именно с развитием технологий, технических систем и устройств, технологический эвдемонизм намечает вектор поворота к количественным показателям, что впоследствии осуществится в технологии Больших данных. Современная цивилизация демонстрирует свою техногенную природу, поэтому привычная

среда проживания приобретает социотехнологический ландшафт, который пропитан как настроениями алармизма, так и настроениями, близкими к технологическому эвдемонизму, возлагающими на технологические инновации надежды на счастливое человеческое существование.

Поскольку технологические практики присваивают себе статус универсальной движущей силы развития, то возникает проблема противопоставления заимствования и «импорта» готовых технологий генерированию собственных, более адаптивных потребностям российской действительности в ее, так называемом, «культурном панцире». Вместе с тем, степень взаимосвязанности «игроков» на карте мира, равно как и их конкуренция побуждает к постоянному совершенствованию технологий, что необходимо для того, чтобы избежать инерционного энерго-сырьевого сценария отечественного развития. Интенсивное развитие технологий, свидетельствующее о формировании шестого технологического уклада, сопровождается развитием конвергентных **НВИС** (нано-био-информационных и когнитивных) технологий. Эти технологии взаимосвязаны и ориентированы на симбиоз и конвергенцию нано-, био-, инфо-коммуникативных и когнитивных процессов. Однако в новом технологическом повороте, заявившем приоритеты квадриума **НБИК**–технологий, именно в рамках отечественной философской школы был осмыслен в качестве главенствующего пятый элемент, указывающий на экспертное значение социогуманитарной рефлексии. С подачи отстаиваемого гуманистические приоритеты современного мировидения отечественных философов, **НБИК**–технологии приобрели форму **НБИКС**, поместив в фокус внимания острую проблему статуса субъекта социогуманитарной рефлексии.

Современный мир сделал ставку на **цифровые технологии**. Именно они задействованы в «преображении» современного социотехнологического ландшафта, они задают свойства референтов дигитального мира, влияют на настоящее и конструируют образ предпочитаемого будущего. В поисках специфических отличий цифровой детерминации подчеркнем, что цифровая детерминация не

имеет отношения к закономерностям природы. Обуславливая изменения всех сфер человеческой жизни, цифровая детерминация оказывает свое воздействие посредством технологий Big Data, интеллектуальных систем и искусственного интеллекта. Именно им делегируются функции основных «регулирующих» современной жизни. Технологии Больших данных, собирая и структурируя огромные объемы количественной информации, подчиняют своему влиянию различные области, как социально-экономического, финансового, медицинского, так и социально-гуманитарного профиля. Преимущество технологии Больших данных с характеризующей их опорой на «три V»: скорость, объем и разнообразие (volume, velocity, variety) позволяет произвести своеобразное «картографирование» реальности. Неслучайно все чаще слышится прогноз о трансформационном цивилизационно-технологическом сдвиге от цифровой эры к эпохе Больших данных.

Если обратиться к истории вопроса, то можно выяснить, что в контексте технологической детерминации и, в частности, в концепции известного экономиста Дж. К. Гелбрэйта, акцент был перенесен на значение количественных данных и показателей. А в отечественной науке еще В.И. Вернадский обращал внимание на получившее в среде ученых широкое распространение мнение, что для своего полного выражения наука должна быть охвачена числом и математическими символами. Он был уверен, что именно это способствовало огромному прогрессу науки XIX и XX столетий в целом ряде областей [Вернадский, 1991, с. 116]. О важности подхода, связанного с необходимостью использования математических моделей и вычислительной техники, которые бы позволили с учетом фактов и цифр обосновать проекты будущего, очень заинтересованно говорил академик Н.Н. Моисеев. Отечественный ученый подчеркивал необходимость создания банков данных и численных оценок, определяющих реальные тенденции развития на фоне мировой обстановки. Вместе с тем, Н.Н. Моисеев был уверен, что сами по себе новые математические методы и технологии моделирования в своем формально-абстрактном выражении вне гуманитарной сферы теряют всякий смысл. Путь, на котором человечество должно

сознательно и целенаправленно делать следующие шаги собственного развития, ученый называл путем «Восхождения к Разуму» [Моисеев, 1993].

Что касается термина **Big Data**, то традиционно считается, что он был предложен Клиффордом Линчем в 2008 году, который задумывался над вопросом, как же могут повлиять Большие данные на развитие науки? Вместе с тем, надо отметить, что в современной исследовательской литературе есть уточнения относительно фактографической истинности зарождения данного термина и его «бытования» в научной литературе [Корнеев, 2018]. Тем не менее, оценивая технологию, подчеркнем, что технология Больших данных выступала не просто хранилищем данных, она постоянно совершенствовалась. И поскольку, согласно философскому определению, количество понималось как безразличная к себе определенность, предполагаемый скачок от количественного анализа к качественному воспринимался как необходимый, связанный с необходимым повышением качества переработки данных. Очень перспективно оценивался этап, когда первоначальные «три V», которые воспринимались как основные характеристики данной технологии, расширились до семи, включив в себя помимо объема, скорости и многообразия, еще и достоверность, жизнеспособность, ценность и переменчивость

Не подлежит сомнению, что данные нужны не сами по себе, а чтобы на их основе можно было выявить существующие тенденции, скрытые взаимосвязи и закономерности, по-новому посмотреть на способы принятия решений с учетом процента вероятности, доступного для вычисления лишь машине. Предполагаемое движение от «сырых» данных к практически полезным рекомендациям имело целью не только оптимальное преобразование окружающей среды. Анализ на основе технологий Больших данных мог коснуться и моделей поведения людей. Поэтому сдвиг в сторону «даннофикации», заданный цифровой детерминацией теоретико-методологической сферы, свидетельствует о направленном изменении научных практик и построении теоретических моделей посредством

анализа совокупного объема данных. Big Data выступают действенным активом, направленным на коррекцию условий существования и стиля научного мышления. В настоящее время, согласно подходу зарубежных исследователей, фиксируется поворот к исследованиям, которые полностью управляются данными [Ceri, 2015, p. 17–18]. Примечательно, что даннологический поворот предлагает отход от традиционного гносеологического пути: от простого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике, минуя стадию как наблюдения, так и эксперимента. Как отмечает Е.Ю. Журавлева, «особое внимание уделено таким проявлениям данноизма в научной деятельности, как разведывательная наука, поисковая наука, наука, свободная от гипотез, наука, движимая данными, данноцентричная наука, эмпирическая эпистемология и наука «больших данных» [Журавлева, 2018, с. 50].

Отметим и то, что спрос на Big Data полностью согласуется с парадигмой синергетики как междисциплинарного направления, основанного на применении количественных методов и математики. Так, например, с точки зрения синергетики, чтобы проанализировать «коридор жизнеобеспечения», необходимо располагать всеми квалитетическими данными, представляющими в цифрах все затраты, производимые индивидом в процессе жизнедеятельности. Более того, на количественных показателях также основываются симптомы лидерства отраслей или дисциплин, определение «целевых драйверов», в счет идут наукометрические индикаторы персонального рейтинга, индикаторы статистики, материалы управляемого наблюдения. Методология Big Data позволяет понять строительство карьер, систему вознаграждений, кумуляции преимуществ, мобильность людей и идей. Вместе с тем, правомерен вывод, что феномен Big Data еще не обрел полного рефлексивного осмысления.

И если основная проблема Больших данных состоит не только в фиксации количественных соотношений, но в качественном фокусе их правильной интерпретации, то для ее решения необходимо вспомнить о всех ориентирах этой технологии. Это и достоверность,

и ценность, и тот конкретный контекст (т. е. жизнеспособность), который задает ракурс и целесообразность обработки «сырых» данных. Качественная интерпретация Больших данных должна дополнить возможности общественного разума человечества по прогнозированию современного развития. Таким образом, цифровая детерминация, осуществляемая посредством технологии Больших данных, свидетельствует о потенциале **Big Data** как действенном инструменте и жизненно важном активе, которому по силам изменить энвайронментальные условия современного существования и оптимизировать управление.

Иллюстрация именно такого применения технологий Big Data приведена С.М. Шахраем. Поскольку технологии Big Data позволяют получить и свести воедино все данные не только о том или ином государстве, но и о том или ином человеке, то модель будущего мироустройства с учетом этих технологий предполагает контроль над будущим цифровым миром. Как отмечает С.М. Шахрай, в Китае еще с 2014 года действует «План по созданию системы социального кредита доверия», в котором объединяются все данные о положении того или иного индивида с добавлением информации из социальных сетей и иных публичных ресурсов. На основе массива информации формируется индивидуальный рейтинг общественной полезности и благонадежности гражданина (т.н. «Общественный кредит доверия»). Для обладателей низкого рейтинга предусмотрены индивидуальные ограничения – запрет на работу в госучреждениях; отказ в доступе к социальному обеспечению; более тщательный таможенный досмотр при пересечении границ; запрет на занятие руководящих должностей в пищевой и фармацевтической промышленности; отказ в авиабилетах и спальном месте в ночных поездах; отказ в получении мест в гостиницах и ресторанах высокого класса; запрет на обучение детей в престижных учебных заведениях; и другие меры. Таким образом, считается, что «рейтинг социального доверия» и подобный тотальный цифровой контроль способствуют «укреплению атмосферы искренности и доверия» как между людьми, так и в экономических отношениях [Шахрай, 2018].

При этом следует обратить особое внимание на острую потребность в новом типе субъектности, а именно «**data scientist**» – исследователе, интеграторе и интерпретаторе данных, который должен быть причастен к формулировке условий их поиска, архитектуры и расшифровки. Поскольку, с одной стороны, с Big Data связывают оптимизацию всех областей жизни, а, с другой, их интерпретация во многом зависима от воли и установок заинтересованных сторон, важно, чтобы представитель этой новой профессии – «data scientist», в его усилиях по интерпретации Больших данных был нацелен на создание субъектно-ориентированной информационной платформы. Интерпретатор или интерпретант – это посредник, от которого зависят выводы, как относительно оценок сложившейся ситуации, так и рекомендаций по определению конфигураций дальнейших перспектив. Он тяготеет к разряду экспертов, стоящих между формальными данными и сознанием индивидов, обремененных конкретными потребностями. Поэтому здесь необходимо усиление значимости рефлексивного анализа, учет системы ценностей и установок, способствующих качественной теоретической интерпретации Больших данных. Информация о количественных соотношениях не отменяет понимания ценности качества транзакций и тенденций происходящего. В противном случае возникает ситуация «операциональной близорукости», когда Большие данные не находят своего качественного осмысления, а поиск причин, стоящих за явлениями, оттесняется на периферию. И если для науки главное – это понимание причин того или иного явления, состояния или процесса, то цифровая детерминация, делая ставку на количество и руководствуясь сложившимися количественными соотношениями, во многом сдвигает акцент в сторону функциональности, девальвируя регулятивы причинно-следственных зависимостей. Установка на то, что в проектах социотехнологического будущего решения будут принимать машины, а актору цифрового мира, всецело полагающегося на информационную систему Big Data, не придется ни самостоятельно думать, ни самостоятельно принимать решения, свидетельствует о «социальной и гуманитарной незрелости» формально произведенного поворота к даннофикации. Анализ

дальносрочных последствий цифровой детерминации выявляет в числе существенных негативов тенденцию, ведущую к их **диктатуре**. Это хорошо показано в работе В. Майер-Шенбергера, К. Кукьера с примечательным названием «Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живём, работаем и мыслим = Big Data» [Майер-Шенбергера, Кукьер, 2014].

Помимо, так называемого, даннологического поворота, эффект цифровой детерминации обнаруживается в ситуации, когда индивидуальная компетентность приобретает характер **конвергентной**, т. е. объединенной с возможностями Сети. Безусловно, интеллектуальные системы и память компьютера во многом превосходят естественные возможности человека, и их применение обеспечивает ряд преимуществ. Вместе с тем, обуславливая поведение людей алгоритмизированными решениями, цифровая детерминация воссоздает профиль человека как **агента сетевых практик**, нацеленных на быструю реакцию на возникающий вызов. Актор цифрового мира будет всецело полагаться на информационную систему ценностей и заданные ею приоритеты.

Другая значимая характеристика цифровой детерминации состоит в том, что она **не привязана к местным, локальным, этническим контекстам**, а имеет тенденцию проявляться унифицировано и универсально. Цифровая детерминация **детерриторизована**, она открывает пространства, и, как справедливо отметил С.М. Шахрай, цифровой мир трансграничен [Шахрай, 2018, с. 1073]. Поскольку нет привязанности к реальным географическим пространствам непосредственного пребывания коммуницирующих индивидов, то ключевым становится не географическое пространство, а отсутствие его границ. Эффект «**детерриторизации**» обеспечивает цифровые взаимодействия в глобальном масштабе и приводит не только к стиранию географических границ, но и границ социальных интеракций, границ между образовательными пространствами, публичными и частными сферами жизнедеятельности. Большее значение приобретает ментальное пространство, объединяющее участников IT-коммуникации единым полем сопряженных интересов и выборов.

Безусловно, цифровая детерминация подрывает традиционные практики и иерархии. Однако универсальность цифровой детерминации не следует понимать упрощенно. Претендуя на то, чтобы составить ядро культивируемых современностью практик, цифровая детерминация стремится **«забыть»** или вытеснить на периферию связи с предыдущим этапом развития и его культурно-антропологическими приоритетами. Дигитальный мир стремится признать за «материальными объектами всего лишь роль «декораций» социальных взаимодействий, либо принять их в качестве жесткого каркаса («сцены»)» [Вахштайн, 2017, с. 1]. Иными словами, цифровая детерминация не просто влияет, но задает и определяет функционирование как той или иной системы, так и индивида и общества в целом. Она опирается на присущий информационным потокам эффект генерирования бесконечного количества копий, позволяющий вернуться в ту или иную событийную точку.

Понятие **«цифровая тень»** как раз и указывает на канал отслеживания любой траектории того или иного периода существования индивида. На основе информации, поступающей с датчиков и различных аппаратных вычисляющих платформ, цифровая тень позволяет воссоздать детальную картину транзакций субъекта, все его как осознанные, так и нецеленаправленные действия, всю его совокупную онлайн активность. В памяти Сети сохраняется все, что искал, смотрел или делал субъект, что позволяет получить имманентную характеристику мира его интересов и склонностей, обнаружить скрытую информацию о субъекте, произведенную им нецеленаправленно. К цифровой тени относится не только информация о посещении тех или иных вебсайтов, файлы регистрации, информация о переводе денежных средств, звонки с мобильных устройств и записи о местонахождении; цифровая тень содержит в себе всю историю поисковых запросов [Hildebrandt, 2008].

Этот амбициозный замысел – проанализировать все действия пользователей, открывает мир полностью контролируемой ноосферы. Причем есть научные публикации, авторы которых уверены, что «мы должны следовать за перемещением пользователей по сайту, а вовсе не ограничиваться изучением его контента. Мы

должны следовать за игроками по мере их продвижения в видеоигре, не ограничивая анализ исследованием геймплея. Мы должны следовать за посетителями интерактивных инсталляций, изучающими пространство возможностей, заданное дизайнером [Манович, 2015, с. 199]. И если, по мнению автора, до недавнего времени записывать и анализировать эти взаимодействия было затратно, сейчас «алгоритмы используют сотни переменных, чтобы определить наиболее релевантные конкретному поисковому запросу веб-страницы, и одним из типов входных данных является информация о том, на какие из ссылок, выданных ранее по тому же запросу, кликали пользователи» [там же, с. 204]. Здесь новыми объектами опыта, представляющими цифровую онтологию, являются сконструированные пользователями медиа акты, а эффект «цифровой тени» убедительно свидетельствует о персональной цифровой детерминации. Смысл отслеживания данных, поступающих в опции «цифровая тень», позволяет заключить, насколько осознанно блуждание по Сети, насколько строго оно подчинено тематической направленности или же насколько бессистемно, хаотично, случаен и бессознателен поиск информации, производимый нашими современниками на просторах Всемирной паутины.

Конечно же, на этом пути встают серьезные операциональные трудности по управлению этой информацией. И при этом необходимо обратить внимание на детализацию технологий «цифровая тень». В частности, в настоящее время особую интригующую силу приобретают исследования, в которых поднимается проблема сокрытия или раскрытия конфиденциальных данных, фиксирующих низкий социальный статус активных участников интернет взаимодействий, но создающих видимость личной силы и эффективности [Marwick et al, 2017]. Это порождает проблему вторжения в личное пространство, которая беспокоит многих исследователей и влечет за собой вопрос о разработке так называемого цифрового права.

Мощный негативный эффект цифровой детерминации связан с **цифровым отчуждением**, которое обусловлено тем, что имитационная аналоговая реальность навязывает себя как самодостаточный тип бытия, вытесняющий реальные связи и отношения, живое

личностное общение. Фактическая, событийная данность физического бытия замещается его симулятивными проекциями, игнорирующими конкретные факты и состояния, создающими иную экспозицию реальности. Можно сказать, что виртуальная реальность функционирует как превращенная форма сложных отношений системы «техника-сознание», и берет верх над породившей ее фактической реальностью. Строго говоря, ситуация отчуждения, согласно классическим определениям, возникает, когда «собственное деяние человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того чтобы он господствовал над ней» [Маркс, Энгельс, 1955. Т. 3, с. 31–32]. Точно так же, как и в процессе генезиса исторического разделения труда, современные инет-взаимодействия навязываются индивиду, независимо от того, осознает он это или нет. В связи с этим резонно замечание М.К. Петрова, относительно того, что сама сущность процесса «отчуждена, оставлена «вне головы» [Петров, 1992, с. 31]. И точно так же информационная реальность превращается в какую-то вещную силу, господствующую над нами и вышедшую из-под контроля.

Если вспомнить хрестоматийные характеристики отчуждения, сформулированные К. Марксом еще в «Экономическо-философских рукописях», то можно обнаружить много общих мест. Маркс фиксирует три основных вида отчуждения: 1) отчуждение продукта труда; 2) отчуждение самого процесса труда (жизнедеятельности человека); 3) отчуждение родовой сущности человека (отчуждение человека от человека) [Маркс, Энгельс, 1956, с. 564, 567]. В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс предлагают следующую характеристику феномена отчуждения: «...Эта социальная сила... представляется данным индивидам не как их собственная объединенная сила, а как некая чуждая, вне их стоящая власть, о происхождении и тенденциях развития которой они ничего не знают; они, следовательно, уже не могут господствовать над этой силой...» [Маркс, Энгельс, 1955. Т. 3, с. 33]. Она не только не зависит от воли и поведения людей, а, наоборот, направляет эту волю и это поведение [там же].

На наш взгляд, эти положения сохраняют свою силу и по отношению к специфике современных цифровых форм отчуждения. Критерии, указывающие на власть внешней силы, в данном случае Всемирной сети и Интернета, фактор навязывания онлайн формата и фактор отсутствия контроля, – все это очень узнаваемо в современных обыденно-повседневных практиках. Поскольку серфинг по просторам Сети, имеющий визуальную привлекательность, становится устойчивым компонентом жизнедеятельности, в мировосприятии человека, это порождает двоякий эффект. С одной стороны, фиксируется чувство и состояние беспомощности перед все усложняющимися задачами компьютерных интеракций, с другой, продуцируется гипердоверие к машинным алгоритмам. Со ссылкой на исследователей стоит добавить, что в случае электронных медиа связь с миром выражается метафорой «канала». Человеческое бытие-в-мире «канализируется», отчуждаясь от привычного окружения, и вовлекается в события, происходящие или происходившие где-то в мире (или просто воображаемые) и непосредственно его не затрагивающие. Тем самым человек стоит перед риском отчуждения от своего «у-себя» [Фролов, 2018, с. 21–22].

Другая грань цифровой детерминации указывает на получивший широкое распространение **символический** характер человеческого опыта в противовес пониманию сущности человека как предметно-действующего существа, становление которого сопряжено с понятийной культурой. Цифровая детерминация оперирует символическим продуцированием, обменом и потреблением востребованных в Сети образцов. Это ведет к отчуждению внешней символики от внутреннего мира его носителей. Суть поведенческого отчуждения состоит в том, что человек помещен в ситуацию серийного порождения ситуативно значимых символических качеств и отбрасывания мало востребованных. При этом, как правило, символическая социальная связь не отличается устойчивостью, длительной связанностью и совместимостью внутреннего мира участвующих в компьютерных интеракциях субъектов. Цифровая личность посто-

янно выбирает свою идентичность, наращивая и сортируя базу контактов, она вынуждена отслеживать свое место в ней и постоянно маркировать свое присутствие.

И чем более в жизнь человека внедрены цифровые взаимодействия, тем весомей глубина цифрового отчуждения, которая может привести к **самоотчуждению**. Это вызывает множество вопросов. Будет ли индивид, занятый обслуживанием технологий и поглощенный миром виртуальных симуляций, соответствовать гордому имени Человек, или он будет представлять собой новую разновидность «частичного человека», агента сетевых практик? Нуждаются ли социальные роли, учрежденные в обществе, в сознании людей, выполняющих эти роли? Какого человека мы хотим видеть в будущем?

Однако ситуация такова, что именно технологическая оснащенность пространства личного существования присваивает себе статус своеобразного критерия, свидетельствующего о степени современности «здесь и сейчас» живущих людей. Человек XXI века считает себя тем более состоявшимся и способным к самореализации, чем более он успешен в освоении технологических новшеств и сервисов цифровой экономики. Вспоминая предостережения Э. Эриксона, следует не упускать из виду то, что «молодежь, которая стремится иметь доступ к господствующей технологии, но лишена его, почувствует себя отчужденной от общества; появятся нарушения и в половой жизни, но главное – агрессивная энергия не найдет конструктивного выхода» [Эриксон, 1996, с. 323].

С опорой на труды М.К. Петрова можно выявить другую форму **самоотчуждения** индивида, связанную со «срывом» имеющихся навыков и необходимостью приобретать все новые и новые цифровые навыки. Константой цифровых технологий является **практика их постоянного обновления**, которая ведет к срыву «наработанного автоматизма», требуя от человека отказа от уже приобретенных навыков и формирование иных. Стремительная смена инструментальной организации мира укрепляет ощущение уязвимости человека, вследствие его недостаточной компетентности в сверхсложных технологиях. Технологический формализм пре-

вращается в оторванную от субъекта систему отчуждения. Для рядового пользователя целостная супертехнология предстает как непознаваемая и довлеющая над ним сила [Петров, 1992]. Он напрочь лишен центрального места в этой технологической реальности и существует в контексте заданных условий и обстоятельств. Можно сделать вывод, что цифровая детерминация не имеет антропного характера, понимаемого в том смысле, что в ней акцентируется не центральное положение человека, а главенствующие системообразующие связи технологий. Именно они, являясь эффективно «действующими силами», претендующими на весомую степень доминирования в структуре реальности, редактируют онтологический «поток возможностей».

Таким образом, резюмируя сказанное, отметим, что развитие социума, рассматриваемое как движимое Большими данными, задает новые социокоды, противостоящие индивиду как превосходящая его сила. Вопрос о том, будут ли такие технологии наделены контролируемыми функциями, предположительно получает положительный ответ в силу того, что использование Больших данных происходит в «сцепке» с социальностью. Мы солидарны с обеспокоенностью исследователей, которые, подчеркивая внушительные масштабы происходящих изменений, связывают эти процессы с гуманитарно-технологической революцией, меняющей и самого человека, и алгоритмы развития человечества [Малинецкий и др., 2019]. Авторы категоричны в выводе, что мы не должны «перестраиваться под компьютеры, под их «быструю реальность». Человек не должен быть выключен из контура стратегического управления, особенно когда на карту поставлено будущее всей цивилизации» [там же, с. 65].

1.1 Системные характеристики цифровой детерминации: онтологическая проекция

Обсуждая системные эффекты цифровой детерминации, обратим внимание на фундаментальный **онтологический** срез данной

проблемы. Выделим заметные вехи внутри техногенной цивилизации, а именно движение от постиндустриального мира к информационному обществу, затем к цифровой эре и в качестве приоритета будущего – к сквозному применению искусственного интеллекта. Отягчающим обстоятельством является то, что стремительное развитие технологий не сопровождается всесторонней философско-методологической рефлексией, оно осуществляется как бы «вслепую», поэтому «безусловная» польза ускоряющейся цифровизации в мировом масштабе оказывается под вопросом. Все ощутимей становятся внутренние проблемы цифровой организации, сферы влияния, тиражирование цифровых услуг, корректность выбора программных продуктов, их последующее устаревание и девальвация и пр.

Тем не менее, обсуждая онтологический эффект цифровой детерминации, заметим, что понятие «цифровой онтологии» («digital ontology») было предложено философом Эдвардом Фредкиным, профессором Университета Карнеги-Меллона. Основой цифровой онтологии полагается двоичный код 0-1 по аналогии с первоначалом древнегреческих философов [Lovink, Hui, 2020]. Юк Хуэй использует понятие, введённое Э. Фредкиным, указывая, что цифровая онтология учитывает особенности современного технического прогресса цифровых объектов и в целом природу техники, так как говоря о бытии, необходимо учитывать природу техники. Это амбициозная отправная точка [там же]. Юк Хуэй пишет об онтологии как о схеме метаданных, которые становятся вещами, такими же реальными и материальными, как и чистые понятия Канта. В этом смысле можно говорить об «онтогенезе цифровых объектов», которые представляют собой новый тип объектности, возникающий в Интернет-пространстве; это такой тип объектов, с которыми человек взаимодействует, будучи онлайн. К цифровым объектам Юк Хуэйем относятся контент YouTube, профили и их содержание в социальных сетях, по сути дела, это данные и обобщаемые из них метаданные. С. Сеге приходит к выводу, утверждающему, что «дигитальность можно мыслить как маркер культуры, поскольку она включает как артефакты, так и означивания, и коммуникации, ко-

торые с наибольшей очевидностью отличают наш современный образ жизни от других» [Sege, 2008, p. 12]. Дигитализация мира задает символический порядок и неизбежно влечет за собой и дигитальное мышление, и «отцифровку» всех достижений субъекта вплоть до самой его личности, свидетельствуя о существенных онтологических трансформациях форм индивидуального бытия

Вместе с тем, появившийся в жизни современников дигитальный мир, связанный с битами информации, цифровым кодом и вычислениями, именуется еще и как **инфоцентричный**. Этим подчеркивается активное влияние информационных технологий на воспроизведение образа мира. Под сомнением находится интерсубъективная, т. е. общая для всех индивидов проекция бытия, особенно в условиях, когда образ реальности попадает в зависимость от того или иного угла зрения, способа подачи информации и ее интерпретации. Интенциональность, понимаемая как направленность внимания на тот или иной фрагмент реальности инфоцентричного мира, порождает определенную дигитальную предметность. Здесь эффект цифровой детерминации связан с замещением реальной физической среды его аналоговой или имитационной виртуальной проекцией, которая, пользуясь глоссарием В.И. Аршинова и В.Г. Буданова, порождает «интенциональный центр осмысленного поведения» [Аршинов, Буданов, 2020, с. 111]. «И тогда эта реальность становится процессуальной, интерактивной, динамичной и возникающей», допускающей «понимание цифровой среды как множества сетевых семиотических швов...» [там же, с. 110].

И если для технологического детерминизма характерно своеобразное удвоение мира в сопряжении мира естественного и мира искусственного, то цифровой детерминации, не ограниченной **монокаузальностью**, присущ эффект «множественного рождения» квазиреальных событий и планов бытия, сопровождаемых их репликацией. Таким образом, **цифровая полионтология**, делая акцент на множественности, предстает как совокупность продуцируемых и производных альтернативных версий реальности, существующих как символический универсум. Подчеркнем, что в зависимо-

сти от фокуса направленного внимания цифровая онтология располагает технологическими возможностями как образовывать и генерировать множество символических планов бытия, освободив их от «случайной» фактичности, так и деконструировать их. А поскольку однонаправленности и необратимости временного потока, т. е. так называемой «стрелы времени» здесь особого значения не придается, то образ реальности после деконструкции может быть и восстановлен, и трансформирован, и скроен под «здесь» и «сейчас» преобладающие интересы. Сетевые связи и технологии предоставляют возможности и стимулы активно трансформировать ситуацию, обеспечить «точку пересборки» социального, они предлагают найти и выделить ключевые ориентиры. Линии разделения социального и сетевого, таким образом, теряют своё значение. Тем самым, обрисовывается и задается новая перспектива или новое видение событий. Таким образом, в контексте многообразия комбинаций и множества онтологических альтернатив, о магистральной однонаправленности, позволяющей развитию протекать лишь в одном направлении, говорить не приходится. В этом смысле характеристика онтологической неопределенности, фиксирующая отсутствие конечного референта будущего, также применима и к экспозиции цифровых сценариев развития событий.

Особо отметим, что в онтологической проекции цифровой детерминации заявляет о себе такое свойство как **фрактальность**, которая указывает на самоподобие, фиксируемую инвариантность и тождественность. Речь может идти и о квазифракталах, отличающихся сходством и подобием, но не демонстрирующих точное воспроизведение структуры. При этом цифровая детерминация опирается на присущий информационным потокам эффект генерирования бесконечного количества копий, что обозначено термином **«амплификация»**. Термин этот многозначный, но в заданном контексте он допускает множество вставок и копий и обеспечивает возможность вернуться в ту или иную событийную точку или отрезок цифрового времени. Латинское значение термина амплификация указывает на расширение, усиление, обогащение, насыщение. Можно

говорить о множественности форм социально онтологической репликации, где присутствуют своеобразные петли повторения, усиливающие или насыщающие первоначальный прототип. При этом большое значение приобретает дизайн цифровых моделей реальности, ибо, как известно, **искусное эстетическое** оформление делает объект особенно привлекательным.

Подчеркнем, что реальность, выступающая в виде «отцифрованной» среды, в состоянии как исключить фактические внешние воздействия, энвайронментальный контекст в его геофизическом измерении, так и во многом исказить его. И можно образно сказать, что цифровая эра ведет «беспощадную борьбу» и с пространством, и со временем. Поражают скоростью темпоральные изменения, когда одного клика достаточно, чтобы последовали серьезные трансформации. Уже установился новый императив: «без перемещения в пространстве!», когда не нужно никуда идти, все можно узнать, заказать, оформить, сидя у компьютера, на расстоянии вытянутой руки или, что еще проще, с гаджетом в руке. Теряют смысл понятия «здесь», «близость», «удалённость», «дистанция», которые характерны для физического пространства [Пшегусова, 2003, с. 166]. Компьютер или смартфон выполняют роль «открытой двери» в пространство Всемирной паутины. Значение доминирующей ценности приобретает исправность Сети, программное обеспечение, а также некий значимый порядок в самом компьютере. Цифровая эра заставляет забыть о природе, реально существующем естественном мире. Её заместителем часто оказывается визуализация прекрасных мест, завораживающая экспрессивной красочностью и обеспечивающая своеобразный эффект сопричастности.

Несмотря на то, что отрыв человека от реальности мира естественного всегда квалифицировался как вынужденный, обусловленный какими-либо навязанными условиями, «поколение Z», рожденное в миллениум и с детства вовлеченное в цифровые технологии, принимает его как добровольный, предполагающий собственный выбор и уход от острых проблем повседневности. И поскольку информация наделяется статусом стратегического ресурса, а ин-

формационная среда постепенно становится основной средой обитания человека, **техносоциализация** выступает в качестве «исходной территории», на которой происходит встреча индивида с современной цивилизацией. Можно, перефразируя известный тезис о том, что «бытие определяет сознание», сказать: «технобытие детерминирует сознание представителей поколения Z». При этом степень насыщения приватного пространства технологическими новшествами, оценивается как своеобразный критерий современного качества жизни, соответствия человека приоритетам эпохи. Это усиливает цифровую детерминацию и ведет к серьезным изменениям не только социокультурного ландшафта, но и всей стратегии жизнедеятельности.

Подчеркнем, что с точки зрения структурной организации онтологический эффект цифровой детерминации проявляется в образовании и активном функционировании нового «невидимого» слоя бытия, так называемой «новой социальности Сети» или «сетевой жизни». Иногда эту проблему обозначают как «виртуализации социальности», для которой свойственны: выражение технологической дружбы или вражды, принятия или непринятия, многообразные эмерджентные эффекты и протестные настроения. Иными словами, вся турбулентность и неравновесность настроений социальной среды перенесена в виртуальное пространство.

Следует подчеркнуть, что этот новый слой бытия строится с опорой на иную организацию пространства и времени, допускающую скорости, во многом превышающие скорости реальных физических взаимодействий. Трансформируются как пространственные, так и временные связи и соотношения. **Топология** виртуальной среды существенно иная, чем пространственные соразмерности объектов физического мира. Здесь значение имеет очередность, скорость пересылки, трафики, переадресация, доступ к Сети и риски опасных сетевых ресурсов. Наземные каналы связи соседствуют со способами космической связи.

«Метареальность» дигитального мира может быть проанализирована с учетом **мега-, мезо-, макро и микроуровней**. Понятие

Всемирной паутины как раз и указывает на глобальный мега-уровень, включающий в себя миллионы и миллиарды пользователей сети. Еще в прошлом веке М. Мид прозорливо подчеркивала важное значение «объединения всех народов электронной коммуникативной сетью», что способствовало бы общности опыта и его всенародному распространению, утверждению нового образа жизни [Мид, 1988]. Всемирная паутина оценивается не просто как глобальная цифровая технология, но как новая универсальная сфера в системном строении универсума, пронизывающая и корректирующая всю совокупность социальных отношений и обладающая аттрактивным потенциалом. Именно на этом уровне становится понятно, как порождаются новые цифровые монополии. Между тем глобальный уровень с акцентом на магистральную унифицирующую тенденцию не позволяет локализовать историческое пространство-время. Другие же уровни, как например, микроуровень, охватывая семью, детский сад, школу, дает возможность понять трансформации бытия в его конкретных проявлениях. Мезоуровень, восполняющий пробел между микро- и макроуровнями, указывает на среды внешнего общения индивидов с учетом их конкурентных преимуществ и регионально-пространственных особенностей их формирования. Здесь фиксируются быстрые изменения в потребительском поведении субъектов и формирование нового опыта. А макроуровень включает в себя влияние со стороны различных институциональных организаций, совокупных требований с учетом социоэкономической ситуации, этнических норм и особенностей.

Все эти уровни пронизывают друг друга, демонстрируя определенную социальную фактичность своего времени и обладая определенным принудительным воздействием. Макромасштаб, мезо- и микромасштаб событий включает в себя все спецификации вплоть до национального образа мира. Это позволяет утверждать, что анализ тенденций цифровой детерминации, обуславливающей экзистенциальный сдвиг и изменение отношений «человек-мир», необходимо проводить с учетом конкретных геополитических и экономических возможностей той или иной страны, ее локальных особен-

ностей, выбора определенной стратегии, опосредованной механизмами политических институтов. Таким образом, онтологическое воздействие цифровой детерминации ощутимо в стремительном изменении темпа и ритма современного существования, его наполненности информационными и виртуальными вызовами. Под воздействием цифровой детерминации происходит как переформатирование настоящего, так и оформление цифрового проекта будущего.

1.2 Антропологическая проекция цифровой детерминации и ее эффекты

Антропологический эффект цифровой детерминации проявляется в том, что цифровая среда генерирует новые формы субъектности, новые социокоды и способы взаимодействия, обнажая зависимость основополагающих для человека смыслов от значений «дигитального мира». Антропологическая проекция цифровой детерминации очевидна при анализе расширяющегося континуума **социальности Сети**, продуцирующей новые формы сетевой субъектности. «Новая социальность» – социальность Сети, оставаясь «невидимым слоем» современности, выступает действующей платформой и динамично меняющейся онтологической данностью.

Обратим внимание на субъектность новой социальности Сети и, в частности на то, что среди многообразных Инет-сообществ демократической эквивалентностью обладает **«краудсорсинг»**, закрепляющий за всеми желающими, способными в ситуации запроса подать свой «сетевой голос», предложить персональный когнитивный ресурс, возможность участия и влияния. Причем, даже несмотря на то, что участники зачастую выступают обезличенно под Никами, они активно используют свое право на самовыражение и удовлетворяют индивидуальную потребность в свободном интернет-общении: производят эмоциональную оценку тех или иных событий, позволяют себе открытую формулировку собственной позиции, демонстрируют свою направленность на достижение успеха или стремление избежать неудач. Какое целеполагание заложено

в краудсорсинг? – вопрос сложный. Помимо явно выраженных мотивов самовыражения, повышения значимости собственной личности, самоутверждения и самоопредмечивания, стремления доказать свою состоятельность или, быть может, выплеснуть ситуативную реакцию на происходящие события и удовлетворить потребность быть включенным в глобальный информационный процесс, – о конкретных глубинных целях говорить сложно. Является ли это новым видом времяпрепровождения в цифровой реальности, стало ли уже сложившейся привычкой или это тип коммуникаций, доказывающий, что человек – существо общественное, – вопрос открытый, ответ на который вряд ли может вербализовать сам пользователь Интернета. Однако, ежедневные «походы» или частое присутствие в Сети, Инстаграмме, на Фейсбуке, Твиттере и прочих информационных каналах являются уже неотъемлемыми компонентами современной жизни. Подчеркнем, что в пространстве онлайн взаимодействий социальный статус субъекта нивелируется; возникает характерное ощущение корпоративности; проявляется большая активность социального агента, нежели она была в офлайновом (физическом) плане взаимодействий; возникает синхронное позиционирование, то есть возможность занимать одновременно больше позиций разного уровня.

Другая разновидность сетевой субъектности отражена термином **«ноосорсинг»** и предполагает взаимодействие профессионалов [Войскунский, 2017]. Дистантное сотрудничество между мало знакомыми людьми может рассматриваться как проявление эмпирического показателя «коллективного интеллекта» формирующихся групп. Для данного вида сетевой субъектности важна общая направленность интересов и удовлетворение потребности принадлежать к той или иной группе. Можно также предположить, что в данном случае работа в Интернете имеет экономические и коммерческие цели, скрытую или откровенную рекламу тех или иных достижений и услуг. Могут возникнуть также и мотивы поисковой деятельности, налаживания отношений с теми или иными специалистами, новые деловые контакты и связи, с сопровождающими их

возможностями. Вместе с тем, все чаще озвучивается проблема, свидетельствующая о том, что не просто отличить сообщества профессионалов от тех, где профессионалы уходят, остаются лишь любители, а также находят себе место и не-человеческие акторы, различного рода машинно-программное целеполагание и интеллектуальные системы. Вместе с тем и для «краудсорсинга», и для «ноосорсинга» отсутствие личного физического контакта «лицом к лицу» выступает основной характеристикой новой «социальности сети», что фиксирует фактическую социальную автономность и атомизированность индивидов. Причем, как для краудсорсинга, так и для ноосорсинга характерна «детерриториализация» социальных интеракций и культурного опыта, их нелокальность. Происходит стирание границ между государствами, между публичным и частным пространством. Сетевые сообщества весьма чувствительны не только к событийному ряду повседневности, но и к инфособытиям, указывающим на глобальные проблемы современности. Они могут демонстрировать определенный «уровень сопротивления» тем или иным мерам и институтам.

Исследователями фиксируется и другой специфический тип сетевых сообществ, получивших название **этических** сообществ (ethical communities). Их отличия состоят в том, что внутри данных сообществ их члены активно проявляют заботу друг о друге, демонстрируя иные модели поведения, нежели в реальном мире. В режиме онлайн члены этих сообществ более решительны и открыты, энергично отстаивают свое мнение и встают на защиту единомышленников, что, по мнению исследователей, объясняется отсутствием непосредственного физического контакта между членами такого сообщества и обязательствами, связанными с ним [Szecsi, Koller, 2017]. Пример таких сообществ с очевидностью показывает, как технологии влияют на модели поведения людей, принципиально их изменяя.

Интерес вызывает и иная разновидность цифровой субъектности, получившая название «**Интернет-соборность**» или кибер-соборность. Она представляет собой объединение многих пользовате-

лей на основе принятия идентичной ценностной системы. По мнению исследователей, «осуществление Internet соборности предстает не как дуальное противопоставление Я – сеть, а как непосредственное восприятие и осознание целого и его части, того факта, что я разбросан, растворен в сети [Орехов, 2002, с. 50]. Своеобразие этого коллективного виртуального в том, что в нем происходит самораскрытие себя, расширение собственного опыта, синтез индивидуальных сознаний. В противовес автономности и атомарности Internet соборность предлагает особый тип поведения, приобщение к опыту и ценностной системе других, наличие соборной (общей для всех) этики согласования общего и своего личного. Для индивидов, пребывающих в этом Интернет сообществе, характерна настроенность на открытость, общедоступность, человечность, заинтересованность, сочувствие, восхищение, одобрение. Фиксируется своеобразный акт некоего слияния с другими. Однако критики данного сообщества указывают на феномен «псевдоединения», некий коммуникационный медиум, в котором может быть подавлена целевая и синтетическая роль разума [Максименко, 2019].

Вместе с тем, анализируя антропологические трансформации, вызванные цифровой детерминацией, отметим, что они связаны со следующими обстоятельствами. Во-первых, новая «социальность Сети» предлагает своеобразную демократическую эквивалентность, где пользователи ограничены лишь своими цифровыми компетенциями, а никак не барьерами или запретами Сети. Во-вторых, для новой социальности Сети характерен достаточно высокий порог чувствительности, показывающий, что участники взаимодействия слышат друг друга, учитывают высказанные мнения, реагируют на них и могут тестировать событие или ситуацию с учетом ее оценки, сделанной другими участниками сетевого сообщества. В-третьих, в социальности Сети обнаруживает себя практика, обеспечивающая возможность сведения опыта Другого к специфически собственной сфере, дополняемая собственным стилем подтверждения. Применительно к данной ситуации вспоминается весьма значимый вывод С. Хоружего в отношении того, что подлинность взаимодействий

обусловлена «путем расположенного общения и участливого мышления» [Хоружий, 1998, с. 189]. При этом важными характеристиками возникающей сетевой логики общения должны быть как отзывчивость и связность, так и прочная позиция в одноранговой группе. В-четвертых, поскольку акторы глобального информационно-коммуникативного взаимодействия, как правило, довольствуются «никами», то можно говорить о своеобразной **надындивидуальности** представителей цифровой реальности.

На наш взгляд, пристального внимания заслуживает концепция понимания взаимоотношений между индивидом и средой его обитания, которая в XXI веке включает физические, пространственные, виртуальные и эмоциональные элементы [Misra, Stokols, 2012]. В ней учитывается эмоциональная связь индивида с физической и виртуальной средой его обитания, фокус самоидентификации индивида, состояние, свидетельствующее о той или иной мере удовлетворенности социо-эмоциональных потребностей индивида. Опираясь на эти особенности, авторы различают четыре категории Интернет-пользователей, что, на наш взгляд, указывает на видимые трансформации новых типов субъектности. Авторы описывают отличия: «*Placeless*», «*Place-Based*», «*Place-Cyber Based*», «*Cyber-Based*», которые условно могут быть обозначены, как: «лишенные места за компьютером», «базирующиеся на месте за компьютером», «имеющие место в киберпространстве», «имеющие место на платформах Интернета». У категории «*Placeless*» нет привязанности ни к реальным пространствам их непосредственного пребывания, ни к виртуальным, поскольку это не входит в их социо-эмоциональные и межличностные потребности. Данную категорию, как правило, составляют мигранты и лица без определенного места жительства. Причиной может быть также неспособность справиться с объемами информации или же опасения, связанные с киберпреступлениями или вредом Интернета и т. д. Сюда же относятся люди, не имеющие необходимых навыков пользователя. Следующую категорию «*Place-Based*» составляют лица, сознательно отказавшиеся от пользования Интернетом временно или на постоянной основе. Их преимущества состоят в том, что они отключены от настройки виртуального поведения.

В «*Place-Cyber Based*» категорию входит группа индивидов, которая демонстрирует одинаковую степень привязанности к реальному физическому пространству и виртуальному пространству. Как считают авторы, эта группа людей связана как с их непосредственными настройками на основе места, так и с конкретным виртуальным поведением в сфере интересующих настроек. Здесь важно учитывать степень интеграции виртуального в реальное. В данной группе виртуальная активность проходит в основном в электронной почте, WhatsApp, поисковых системах, виртуальных сообществах. Среди представителей этой группы есть менее «зависимые» от виртуальных пространств, но есть и те, кто демонстрирует постоянную включенность, например, приносит с собой смартфон на физические встречи.

И, наконец, представители категории «*Cyber-Based*» идентифицируют себя исключительно с виртуальным пространством. Физические реальные пространства, как и реальные социальные взаимодействия не являются частью их самоидентификации. В фокусе их жизни и деятельности находится именно виртуальный мир и виртуальные взаимодействия. Это заядлые геймеры, инстаграммики, блогеры. Активность представителей этой группы не направлена на реальные социальные взаимодействия, они не ищут контактов и в виртуальном пространстве. В этой категории часто наблюдается интернет-зависимость [Misra, Stokols, 2012]. Таким образом, цифровая детерминация ответственна не только за формирование и дисциплинирование тех или иных типов поведения, она характеризуется определенными степенями причастности к компьютерным интеракциям.

Обзор разновидностей форм цифровой субъектности будет неполон, если не обратить внимание на самое яркое и, пожалуй, одно из наиболее ранних подразделений, а именно на то, что в исследовательской литературе получило именование «**цифровых аборигенов**» и «**цифровых иммигрантов**» [Herther, 2009]. Причем поколение коренных жителей Сети, т. е. поколение Z («Зет») включает в себя всех родившихся после 2000-х годов. Предшествующие поко-

ления относят к поколениям X. В более детальном членении поколений, родители поколения Z именуются как Y поколение. И это справедливо, так как авторы «теории поколений» У. Штраус и Н. Хоув определяют «поколение» как «когортную группу, продолжительность которой приближается к продолжительности фазы жизни, границы которой фиксированы личностью сверстников» [Strauss, Howe, 1991, p. 429]. Они выделяют поколение X (1964–1984 гг.), Y (1985–2000 гг.) и Z (начиная с 2001 г.). Эти поколения связывают не только хронологические точки рождения и продолжения жизни, но и ощущение принадлежности к одной социальной общности с узнаваемыми чертами ментальности. Возможно также наличие «пограничных групп», которые сочетают в себе черты как предшествующих, так и последующих поколений.

Поколение живущих в Сети «цифровых аборигенов», называемых также «поколением Google», характеризуют избыточные цифровые связи, умение разыскать нужную информацию с любого устройства, быстрая обработка и обновление информации и, конечно же, высокий уровень вовлеченности в инет-коммуникации, а как возможные последствия информационные перегрузки, зависимость от цифровых технологий и инфомания. Примечательно и то, что поколение Z («Зет») воспринимает «умные» устройства как интеллектуальных **партнёров**, в том числе с функцией трансактивной памяти, традиционно понимаемой как совокупная и объединенная память группы людей. Примером трансактивной памяти может служить память супружеской пары или память родственников, которые совместно по деталям воспоминаний каждого из членов восстанавливают те или иные эпизоды и события, факты биографии или личностные характеристики.

Однако, при всех «партнерских» отношениях с компьютером исследователи с удивлением фиксируют, что представители поколения Z запоминают не саму суть проблемы, ее содержание, развитие и причинно-следственные связи явлений и процессов. В фокусе их внимания путь информационного поиска, который может привести к обнаружению искомой информации, касающейся поставленного вопроса. И как особо подчеркивают исследователи, поколению

З свойственно не столько запоминать информацию, полученную из сети, сколько запоминать место в киберпространстве, откуда эту информацию можно извлечь [Sparrow et al, 2011, p. 776–778]. Таким образом, в памяти закрепляется **путь к информации**, а не её содержание.

Причем ответы, полученные из глобальной Сети, воспринимаются эквивалентно собственным умственным способностям, а успешно осуществленный поиск вызывает избыточное чувство удовлетворения несмотря на то, что найденная информация не является личностным знанием субъекта. Возникает опасная иллюзия, согласно которой информация, содержащаяся в Сети, воспринимается как часть личных умственных способностей и личностных компетенций индивида как пользователя Сети. Все это свидетельствует о предельной «сращенности» цифрового поколения с Интернет-ресурсами и демонстрирует такое новое явление **как конвергенция** (взаимопроникновение) субъектности и цифровых систем. При этом процесс «конвергенции» можно понимать двояко. Он означает как синтез и интеграцию цифровых навыков субъекта и сетевых возможностей и ресурсов [Лешкевич, 2018], так и симбиоз субъектов естественно-физического типа и искусственного интеллекта (ИИ), искусственного Суперинтеллекта (АСИ).

Подчеркнем, что в этой ситуации познавательные и интеллектуальные потребности удовлетворяются не стремлением обдумать ситуацию, прибегнув к поисковому мыслительному процессу с сопоставлением и оценкой тезисов и антитезисов, аргументов и контраргументов, а обращением к веб-ресурсам с целью заимствования контента. Поэтому бурные негодования вызывают компьютерные или информационные ограничения, недоступность сайтов, длинные тексты, долгий путь перебора вариантов, не обеспечивающих нужный запрос или не удовлетворяющих его параметрам.

Обратим внимание, что изучение антропологических трансформаций под воздействием цифровизации нашло отражение в ряде концепций. Такие теории, которые анализируют внешние расширения человека и могут быть поименованы как «Человек, про-

долженный технологиями» [Маклюэн, 2007]; «Человек Достроенный и этика» [Фейгенберг, 2011], а также концепция А. Кларка, указывающая на процессы закономерной интеграции человека и технологий [Clark, 2004], обосновывают новую ступень антропо-технологической эволюции, для которой характерна «сращенность» человеческих способностей с Интернет-средой. Так, например, согласно теории Андрою Кларка, разум человека регулярно вовлекает в своё поле целый ряд устройств (ручка, записная книжка, телефон и др.). Человеческое мышление не ограничено мозгом, черепной коробкой и даже телом. Автор предполагает и дальнейшее естественное включение новых технологий в процесс взаимодействия современного человека с миром. По его мнению, человеческий разум с необходимостью будет дополняться технологическими достижениями. В этой связи, А. Кларк даже предлагает такой термин как «электронные расширения возможностей мозга» («electronic brain enhancements» «ЕВЕs») [там же, 2004].

Одним из очевидных следствий выступает то, что цифровая эра генерирует «новые нормы» существования человека. Мощным фактором изменении смысложизненных ориентаций в ситуации универсальной дигитализации является **многозадачная активность**, объединяющая потребности и требования, обусловленные планом реального физического существования индивида, с различными информационными потоками и видами сетевого взаимодействия. Как объясняют исследователи, многозадачность является «побочным эффектом» «ускорения» времени и «компрессии» пространства в восприятии человека вследствие развития информационных технологий (возможность молниеносно передавать информацию на огромные расстояния, общаться с людьми в любой точке Земного шара, доступность онлайн-образования, удаленной работы, развлекательного онлайн контента и пр.). Один из социально значимых эффектов многозадачности, который непосредственно отражается на формировании смысложизненных ориентиров, состоит в размывании границ между выполнением профессиональных обязанностей и личным временем, между работой и отдыхом. Современная многозадачность – это не только привычка и способность

совмещать работу с «потреблением» развлекательного контента, это и сама психологическая готовность переключаться с одного вида деятельности на другой. Частое потребление развлекательного контента не имеет четкой цели, а связано с психологическим и эмоциональным удовлетворением. Исследованиями установлено, что многозадачниками обычно становятся молодые люди, в то время как люди старшего поколения, привыкшие к четкому разграничению рабочего и свободного времени, скорее испытывают дискомфорт от необходимости «пропускать через себя» разнонаправленные информационные потоки [Roubal, 2015]. Это позволяет прийти к выводу, что цифровая среда генерирует такие смысложизненные ориентации, которые нацелены на удовлетворение потребности визуального и эмоционального наслаждения.

Стоит обратить внимание на пока еще фиксируемое наличие людей, как правило, представителей поколения X, которые стремятся к делегированию многообразия цифровых практик, функций и вызовов другим индивидам, более продвинутым в освоении новейших технологий. Строго говоря, эту немногочисленную когорту людей нельзя даже отнести к категории пользователей. И, с одной стороны, это может рассматриваться как реликт прошлой доцифровой эры, а, с другой, как особая привилегия и показатель высокого социального статуса. В связи с этим, исследователи отмечают, что «в итоге меняется нормативный уровень включенности в цифровое взаимодействие» [Гримов, 2019, с. 47]. Ценности и «новые нормы» цифрового мира вынуждены сосуществовать с иным здравомыслием, иным понятийным способом мировосприятия, испытывать сопротивление сложившихся в «доцифровую эру» культурно-антропологических приоритетов., о которых цифровая эпоха предпочитает забыть.

Таким образом, очевидные негативы антропологических деформаций, сосредоточенные в плоскости трансформаций субъектности, спроецированы на вопрос: каков профиль субъектов XXI века? Цифровых аборигенов, например, характеризует не только, так называемая, «гуглизация мышления» и подстройка к кибер-реальности, но беспомощность в повседневных практиках в ситуации

отсутствия информационного устройства. С точки зрения долгосрочных последствий цифрового будущего уход в сферу виртуальных симуляций генерирует угрозу утраты способности к существованию в реальной культуре, деструкцию когнитивно-понятийных процессов и формирование различного рода зависимостей, порожденных дигитальным миром. Но именно личностное освоение информации, сопровождаемое процессом мышления и связанное со всем комплексом когнитивных способностей индивида, где имеют значение нейрофизиологические, умственные, эмоциональные и волевые характеристики, а также мотивация, персональные стремления и ценностная система, обогащает познающего, свидетельствуя об уникальности его личности. Имеющий место информационный контент не является интериоризированным содержанием личностного знания индивида, а попперниканский мир объективированного знания не тождественен миру субъективных состояний сознания индивида.

Таким образом, в условиях интенсивного разрастания цифровой среды наличие многообразных видов субъектности, а также возникновение гибридных антропосоциотехнических форм свидетельствует о новом парадигмальном сдвиге в существовании человечества. В качестве мощного суператтрактора выступает «черная дыра» монитора, с огромной силой втягивающая и поглощающая поколение Net, жонглирующая и манипулирующая смысложизненными ориентирами. Вместе с тем, как мы полагаем, в ситуации, когда цифровые технологии становятся формообразующим ингредиентом современности, их реализация требует активной позиции субъектов, защищающих приоритеты человекообразного мира. В число значимых инициатив должны быть включены совокупные рычаги влияния на применение технологических инноваций в соответствии с допущениями общественного стратегического разума и привнесением в жизненные практики гуманитарных смысловых ориентиров.

Глава 2. Цифровая современность и ее оценки

2.1. Парадоксы цифровой детерминации

Анализ цифровой детерминации показывает, что она сталкивает человечество с рядом парадоксов, сопровождающих его современное существование. **Первый парадокс** связан с тем, что благая тенденция техноэволюции, ведущая к интенсивному использованию интеллектуальных систем в модернизации всех областей: от сектора реальной экономики, образования и здравоохранения и до сферы частного мира человека, оборачивается **«опустошением» рынка труда** и исчезновением невостребованных профессий. Исследователи обращают на это внимание, как на самое очевидное следствие, которое приходится констатировать. При уничтожении целых профессий, речь идет, прежде всего, об избавлении от всех тех, кто по старинке выполняет рутинные функции [Шестакова, 2018]. Тем более, что человеческий фактор достаточно часто предстает причиной неудач и неполадок, именно с ним связывают причины существенных негативов и деформаций. Считается, что интеллектуальная машина может куда качественнее справиться с исполнением однотипных функций, в то время как индивиду не всегда хватает специальных навыков и сноровки в человеко-машинном взаимодействии.

Аргументов здесь достаточно. С точки зрения экономического подхода, очевидно, что человеческий фактор повышает стоимость услуги или продукта. Особой проблемой является то, что именно человеческий фактор ведет к неинституциональным (теневым) формам взаимодействий. Применение же технологий будет способствовать тому, чтобы сделать нашу жизнь прозрачной, независимой от субъективных предпочтений и чьих-либо частных интересов. Но если человек – существо социальное, то потребность живого общения, равно как и различных договоров, конвенций, партнерских отношений не может быть отменена в пользу формального исполнения функций. Вместе с остроактуальным вопросом, в состоянии ли

искусственный интеллект отринуть психологическую потребность в человеческом общении, «нужде» и «нехватке» других людей и сообществ, возникают и многочисленные социально-этические вопросы. Например, все ли можно делегировать интеллектуальным системам и искусственному интеллекту? Может ли он обесценить талант врачей, учителей, воспитателей и других представителей творческих профессий? Отдает ли современное поколение себе отчет в последствиях преобразования жизненного мира, производимых этим могущественным посредником человеческого существования?

Историческая ретроспектива показывает, что все научно-технические революции сопровождались процессом вытеснения рабочих рук. В этом отношении вряд ли эпоха цифровизации должна быть исключением. Однако скорость и масштабы производимых цифровизацией трансформаций не имеют аналогов. Проблема «лишних рабочих рук» обостряется на фоне все увеличивающегося населения Земного шара, которое стремится быть востребованным. Все чаще раздаются обеспокоенные голоса в пользу того, что современная наука и институциональная мысль должны объединить свои усилия, чтобы найти и установить баланс между развитием интеллектуальных систем и количеством рабочих мест. Недопустимо, чтобы человек как предметно-деятельностное существо, жизнь которого связана с осуществлением его деятельностных способностей, был лишен этой возможности.

Вместе с тем, стратегия, декларирующая интенсивное развитие ИИ, провозглашена как приоритет отечественной и мировой науки. Сформулированные цели, среди которых обеспечение роста благосостояния и качества жизни, обеспечение национальной безопасности и правопорядка, достижение устойчивой конкурентоспособности российской экономики, в том числе лидирующих позиций в мире в области ИИ [Указ, 2019], носят гуманный характер и заслуживают одобрения. И проблема запретительных мер и барьеров на пути развития искусственного интеллекта, которая иногда поднимается в рамках академического дискурса, сфокусированного на его негативных последствиях, оттесняется на периферию. Заметим,

что для специалистов и лидеров в области ИИ, наделение ИИ наличием свободы выбора в альтернативных ситуациях и способностью «к рефлексии, позволяющей разумному существу ставить себя на место другого существа и прогнозировать возможные решения этого «другого» ценится как основополагающее [Поспелов, 2003].

Второй парадокс цифровой детерминации выявляет то, что несмотря на открытость и демократичность процесса информатизации и цифровизации, он сопровождается ростом **«цифрового неравенства»**. Цифровое неравенство, равно как и цифровой разрыв указывает на разделение людей с точки зрения вероятности их доступа и использования компьютеров и Интернета. Научная значимость цифрового разрыва предполагает введение нового взгляда на изучение социальной стратификации и отношений поколений. Цифровой разрыв связан не только с исследованием по поводу Доступа к Сети. Очень часто цифровой разрыв проявляется в неспособности людей адекватно применять технологию, т. е. чувствовать себя достаточно компетентным. Цифровая экспансия порождает проблему, указывающую на то, что стремительное развитие компьютерных инноваций вкупе с их сложностью составляет существенный барьер в их освоении. Рядовой пользователь не успевает обновить свои цифровые навыки в темпе, заданном развитием интеллектуальных систем, так сказать «усыновить» новые технологии и сделать их удобными инструментами.

Обратим внимание, что логика освоения инновационных информационных ресурсов включает в себя: новаторов и ранних последователей, стремящихся попробовать что-то новое и приступающих первыми к использованию новой технологии. За ними следует позднее большинство, и, наконец, отстающие, которые составляют весьма распространенное явление и зачастую так и не осваивают новейшей технологии [Korupp, Szydlik, 2005]. Структура инет-взаимодействий приобретает вид следующих оппозиций: во-первых, это взаимодействие «(человек-технология) – среда», именуемое как отношение воплощения и подчеркивающее, что технологии «срас-

таются» с человеком. Во-вторых, это оппозиция: «человек – (технология–мир)», где важны условия существования, измененные развивающимися технологиями [Ihde, 2009].

Сегодня становится ясно, что цифровая современность не свободна от внутренних противоречий и **ожесточенной борьбы за зоны и объем влияния**. В этом также можно увидеть определенный аспект проявления цифрового разрыва. Внутри цифровой современности есть платформы, которые более преуспевают, увеличивая ресурсы и потенциал собственного влияния, а есть серверы, которые во многом отстают. Их консенсус и скоординированность действий остается большой проблемой, в силу того что все медиа-корпорации движимы стремлением к максимизации прибыли.

Третий парадокс, указывающий на актуальный **запрос цифровых компетенций**, сталкивается с тем, что специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями, в настоящий период не могут продемонстрировать столь же высокий уровень онлайн компетенций, обеспечивающих адекватные цифровой среде формы практик и алгоритмы индивидуального и социального поведения. В то время как молодая генерация, обладающая цифровыми компетенциями, следует по пути «аренды знания», сканирования и компиляции информации, мало погружаясь в содержательную суть процессов. В любом случае конвергенция человеческого интеллекта и технологического обеспечения свидетельствует о повсеместном возрастании цифровой детерминации. Как отмечают исследователи, в докладе Нью-йоркского института AI Now (декабрь 2018 г.), одной из острых проблем названо «углубление неравенства между теми, кто владеет, и теми, кто не владеет технологиями ИИ; а другой – критичность ошибок для тех, кто становится их жертвой» [Шнуренко, 2018–2019]. К этому можно присовокупить и другие грани данного парадокса «века цифры». Одна из них заключается в том, что, хотя продукты технологического прогресса направлены на экономию времени, темп жизни «разогнался» настолько, что на практике люди испытывают постоянную нехватку времени и ощущение «загнанности» [Wajzman, 2015]. Дру-

гая показывает, что содержащийся в Интернете контент Инет-информации в отличие от личностного знания человека выступает формой отчужденного знания.

Четвертый парадокс связан с несостыковкой глобальных коммуникативных возможностей, предоставляемых Всемирной паутиной, и усиливающейся **тенденцией «цифрового одиночества»**. Человек затворник, человек заложник, так называемый, *homo solus* или «хикки» – человек одинокий становится типичным представителем эпохи цифры. Появляется субкласс компьютерных людей, ведущих затворническую жизнь и добывающих себе средства к существованию в Интернете. «Скитаясь по Сети», они проживают «вторую иную жизнь». Становится широко распространенным новый феномен «цифрового солипсизма». В радикальном случае речь может идти об утрате способности к существованию в реальной культуре, о девальвации значения подлинного личностного общения, о стремлении к полной виртуализации образа жизни и трактовке действительности как рудиментарной формы существования.

Пятый, бросающийся в глаза парадокс, связан с тем, что укрепившаяся в массовом сознании идея - «данные решают все», укрепила доминирующую роль технологии **Больших данных** в процессе принятия решения и организации жизнедеятельности. Однако управление на основе данных упирается в ряд острых вопросов. Насколько Big Data обладают качеством «социальной зрелости» и соответствуют стратегии развития общества с человеческим лицом? Является ли стремление все сосчитать отвечающим всей полноте притязаний человека разумного? Как ведут себя Большие данные, которые не интересуются причинами, стоящими за теми или иными явлениями, в «сцепке» с социальными ценностями? В этом контексте возникает правомерная оценка цифровой детерминации как новой формы экономического господства.

Шестой парадокс, который может быть представлен бинарной оппозицией **детерриториальность – локальность**, связан с экономической подоплекой цифрового разрыва, выводящей на проблему цифрового неравенства. Здесь процедура доступа к техноло-

гиям сталкивается с зависимостью от возможностей информационного оснащения той или иной территории, региона и области, которые неоднородны. Таким образом, общая характеристика, указывающая на универсальность и «детерриторизацию» Интернета, упирается в реалии конкретного географического положения местности, в наличие как пространственно-географических, так социально-экономических границ. Подчеркнем и то, что «его величество Доступ» к интернет-ресурсам еще не обеспечивает эффективное использование технологий; необходима нацеленность на практическую пользу, возможность получать выгоду от использования новейших технологий и соответствующая субъектность, обладающая должным уровнем цифровых компетенций. Здесь в качестве «вечной проблемы» выступает проблема соотношения интенсивного развития технологий и степени их освоения конкретными индивидами. Причем значение приобретает не только простота технологий и их полезность, но и то эмоциональное удовольствие, которое сопровождает их эффективное использование.

Возникает и вопрос можно ли причислить цифровую детерминацию к ведомству **гибкой детерминации**? Здесь также следует соотнести аргументы и контраргументы. С одной стороны, инфоцентричный мир проявляет себя как чрезвычайно гибкая и текучая форма реальности, с другой, – цифровая детерминация базируется на алгоритмах, и только следование им обеспечивает желаемый результат взаимодействий в цифровой среде. Существующие технологии приносят в современную цивилизацию черты программированности. Вы не можете добиться успешных транзакций, игнорируя заданный алгоритмом способ и порядок действий, диктуемых пользователю. Очень часто этот скрытый механизм принуждения прячется в форму обыденного вопроса: «Так на какую кнопку нажать?» Получив на него ответ, обыватель удовлетворяется, оставив в стороне все глубинные системообразующие взаимосвязи и размышления по этому поводу.

Однако, с методологической точки зрения эффект гибкой детерминации связан с тем, и это было нами отмечено ранее, что «лю-

бая из систем для своего функционирования и адаптивного вписывания в существующие средовые факторы должна получать информацию о «потоке возможностей» и осуществлять свой выбор. Тем самым, система, (в том числе и различные формы субъектности, как индивидуальные, так и коллективные), осуществляя свои ситуативные выборы, изменяется сама и оказывает определенное воздействие на сложившуюся совокупность условий и обстоятельств [Лешкевич, 2018, с. 73].

Более того, эффект гибкой детерминации предполагает «схватывание» «размытых» возможностей бытия, т. е. того, что могло бы быть. Это означает, что в фокусе внимания оказывается своеобразный «веер» потенций бытия: либо в их латентном состоянии, либо проявленных случайно и спорадически, либо с необходимостью. Тем самым, гибкая детерминация допускает, что данное явление может быть, а может и не быть, может состояться и стать действительностью, а может существовать в качестве нереализованной в данной ситуации возможности. В этом смысле, прав М. Б. Менский, утверждающий, что «все возможные варианты (альтернативные состояния) этого мира сосуществуют как миры Эверетта. Наше сознание воспринимает их все, но отдельно друг от друга: субъективное ощущение, что воспринимается один из альтернативных миров, исключает какие бы то ни было свидетельства о существовании остальных. Но объективно они существуют» [Менский, 2011, с. 28]. Мир, в котором живет человек, обладает множеством модальностей, т. е. тех проектных возможностей, которые в нем либо порождены и опредмечены, либо нивелированы и утрачены. Действительная реальность оказывается во многом воплощением выбора человеческих решений и поступков. Но, вряд ли возможно проигнорировать тот факт, что в современных реалиях именно количественные параметры Больших данных задают ограничения и играют решающую роль в принятии того или иного решения. Иными словами, в цифровой цивилизации управляющее воздействие связано с Большими данными и формализуемом на их основе алгоритмом.

2.2 Цифра – наш друг? Позиция цифровых энтузиастов и цифровых скептиков

Амбивалентные оценки цифровой эры, имеющие как положительные, так и отрицательные коннотации, нашли свое отражение в противостоянии позиций «цифровых энтузиастов» и «цифровых скептиков», которые просматриваются с достаточной очевидностью. Заметим, что эстафета противостояния подхватывается «цифровыми оптимистами» и «цифровыми пессимистами», но по сути высказываемых аргументов скорректированные наименования спорящих групп особого значения не имеют. Значение имеет то, что анализ позитивных и негативных последствий цифрового мира, нацеленного на технологические потребности будущего, оформляется в специальный исследовательский ареал.

С точки зрения «цифровых энтузиастов», цифровизация прочно закрепила за собой инициативу превосходства. Новые технологии ускоряют все виды взаимодействий, улучшают все типы коммуникации, способствуют качественной трансформации всех жизненно важных сфер и оперативности управления. В лучшую сторону процесс цифровизации изменяет и коммуникацию в научном мире, предоставляя широкие возможности для расширения кругозора, удовлетворения разнообразных познавательных потребностей и «сетевого сотрудничества». Предоставляемые цифровым миром инструменты являются не только основой коннективных действий, указывающих на кооперацию на основе информационных технологий [Bennett, Segerberg, 2013]. Цифровые инструменты становятся продолжением физических и ментальных способностей индивида. Память компьютера обеспечивает ряд преимуществ, во многом превосходя естественные возможности человека. Стандартное традиционное знание, по их мнению, является «мертвым знанием». Со стороны «цифровых энтузиастов» выдвигаются аргументы в пользу масштабных инфовзаимодействий в силу того, что они представляют собой совершенно новую практику для ЦНС человека, обладающую стимулирующим эффектом [Small et al, 2009]. «Цифровые энтузиасты» уверены, что вся человеческая культура

будет оцифрована, обеспечивая тем самым своеобразный эффект доступности. А информационно-коммуникативные технологии заявляют о себе как об основе «общества знания» – базиса современной культуры.

Обратим внимание на то, что цифровые энтузиасты – это, как правило, активные пользователи Сети, отличия которых воспринимаются как ожидаемые продукты сетевой социализации. В противовес «интернет туристам» они – «постоянные жители» Интернета. Подавляющее большинство «цифровых энтузиастов» проводит часы своей жизни перед экранами компьютеров, вследствие чего не считают компьютерные Сети лишь внешним средством интеллектуальной деятельности, а уверены, что устройства становятся «умными» и «сверхумными». Примером тому, как отмечают исследователи, являются многочисленные технологические новации, когда навигаторы разговаривают с потерявшими дорогу, SIRI вступает в беседы с владельцем смартфона иногда даже без веских на то причин, а поисковые системы вроде Google становятся библиотекарем, подбирающим пользователям ответ на любой вопрос из самой огромной библиотеки, которую только можно себе вообразить [Ward, 2013, p.12–13].

Позиция, так называемых, цифровых оптимистов обозначена подходом E. Ruppert, J. Law, M. Savage [Ruppert et al, 2013]. Информационные технологии лишают кого-либо монополии на знания, сетевые практики и онлайн услуги имеют тенденцию к масштабному распространению. Фактом остается то, что в настоящее время важным является не просто «алфавитный набор» знаний, так называемое «мертвое знание», но умение найти и использовать необходимую информацию, а, следовательно, активное использование цифровых технологий, развитие навыков по овладению ресурсами Интернета. По мнению Д. Тапскотта, сетевое поколение за счет использования предметов цифровой эпохи более подготовлено и осведомлено, нежели их родители. Это движущая сила грядущей цифровой трансформации [Tapscott, 2009]. В этом контексте понятно, почему оптимистично настроенные исследователи оценивают сложившуюся ситуацию выводом: «Друг наш цифра» [Ершова, 2019, с. 1].

Однако цифровые **скептики**, а пуще того пессимисты с этим соглашаться не спешат. Несмотря на утверждения цифровых энтузиастов относительно того, что технологические изменения всемерно облегчают современную жизнь, цифровые скептики жалуются на информационную перенаселенность и перегруженность, на то, что они больше не могут отличать важное от необязательного, не в состоянии ни воспринять, ни переработать лавины поступающей информации. Обычный пользователь Интернета чувствует симптомы стресса, усталости и умственного истощения. Интернет обеспечивает своеобразный микс разномастных знаний и сведений, зачастую лишенный системности, логики и обоснованности. Более того, современники в массе своей не успевают осваивать новейшие технологии, им не хватает специальной сноровки в инет-взаимодействиях. Расхождение в оценках связано как с тем, что новые технологии могут быть обременены негативными последствиями, так и с тем, что тот или иной ученый или группа ученых публично высказывают свою критическую настроенность в отношении технологического «улучшения» природы человека.

Алармистские настроения «цифровых скептиков» сфокусированы на обнаружении новых **зон риска**. Они уверены, что современный инфоцентричный мир с его виртуальными имитационными эффектами имеет гибкие инструменты для воздействия на сознание человека и его психоментальную сферу. «Человек за компьютером» становится послушным реципиентом. Упрощенность и фрагментарность мышления в купе с информационными перегрузками, уменьшением концентрации внимания и стремлением перенести собственную самореализацию в Сеть – вот, что характеризует субъекта XXI века.

«Цифровые пессимисты» подчеркивают, что в западной литературе оформилось критическое отношение к новой цифровой генерации, у которой нет необходимости и потребности познавать внешний мир, кругозор и интеллектуальные способности которой сужены, страдает навык чтения и глубокого понимания содержания текстов. Критическое отношение сопровождается весьма хлесткой оценкой: «The Dumbest Generation» – «Самое тупое поколение»

[Bauerlein, 2009]. Действительно, черпая информацию из Сети, индивиды превращаются в «просмотрщиков контента». Возникает и широко распространяется такое явление как «аренда знаний», указывающая на то, что нужные сведения можно с легкостью найти в Сети, освободив себя от необходимости постижения предмета и специальной профессиональной подготовки. Согласно выводам Д. Рашкоффа, который оценивает программирование как «новую грамотность» цифровой эпохи и фиксирует все большую зависимость от машин, вербальное общение составляет лишь 7 % от всего межличностного общения. В книге с примечательным названием «Program or Be Programmed» («Программируй или будешь запрограммирован»), автор остро формулирует злободневный вопрос: руководим ли мы технологиями или позволяем им руководить собой и теми, кто ими овладел? «Выберите первое, – пишет Рашкофф – и вы получите доступ к панели управления цивилизацией. Выберите последнее, и это может быть последний реальный выбор, который вам предстоит сделать» [Rushkoff, 2010]. Все это, бесспорно, влияет на строй общения, приводит к когнитивным деформациям, искажает восприятие реальности и меняет культурный код.

Следует обратить особое внимание на то, что цифровая среда генерирует **особый тип рациональности**. Во-первых, быть рациональным – означает смело вступать в пространство технологических новаций, экспериментально примерять на себя новейшие высокие технологии и совершенствовать цифровые навыки. А, во-вторых, новый тип инструментальной рациональности допускает случайное заимствование и компиляцию информации, а чтение становится процессом «пропускания лишнего». Вследствие того, что «человек цифровой эры» стремится использовать готовые информационные ресурсы, девальвация авторского права является симптомом, который беспокоит научные когорты. Как мы знаем, индикатор авторства и достоверности научных открытий имеет огромное значение для науки в целом. Плагиат, компиляция, агрессивный научный дискурс неприемлемы. Поэтому «аренда знания» указывает на антагонизм между понятийным процессом индивидуального

предметно-деятельностного мышления и цифровым способом освоения мира, лишаящим его смысловой персональной значимости.

Имеющий хождение эпитет «цифровые туземцы» возник вследствие установления изменений мозга под влиянием компьютерных цифровых технологий. При общем пассивном восприятии, области особенно молодого мозга, отвечающие за интеллектуальное развитие и эмоциональную сферу, могут быть деформированы и подвержены поражению [Smoll et al, 2009]. Причисленное к аргументам цифровых пессимистов повсеместно фиксируемое стремление индивида найти и использовать готовые информационные ресурсы, трансформирует понятийную культуру и процесс мышления. Беглый просмотр информации доминирует над постижением ее смысла. Переход к быстрому «экранному чтению» транслирует в фокус сознания лишь часть содержания. Согласно позиции цифровых пессимистов, весомым деформирующим фактором является отсутствие личного физического контакта «лицом к лицу», что выступает атрибутом новой «социальности сети», предлагающей тип взаимодействия «лицом в экран». А вследствие того, что поведение в Сети принципиально отличается от поступков в реальной жизни, дети «цифровой революции», величаемые «коренным населением» мира цифры, оказываются социально незрелыми.

В числе весомых аргументов в арсенале цифровых пессимистов присутствует и тема **«цифрового разрыва»** между поколениями, в конечном счете обусловленная противостоянием между традиционными жизненными практиками и алгоритмами «дигитального мира», разрывом между понятийным и цифровым способами мышления, классическими и цифровыми ценностями. В эпоху пандемии онлайн-услуги имеют тенденцию становиться «вирусными», то есть «заражать» собой все сферы жизнедеятельности и образовательного процесса в том числе. И производимые этим цифровым сдвигом эффекты остаются непредсказуемыми и недостаточно осмысленными. В ситуации, когда цифровая эра стремится «забыть» или вытеснить на периферию предшествующий культурообразующий опыт поколений, советы родителей обесцениваются и

воспринимаются как архаика, неприемлемая в условиях современности. В цифровом мире опыт старшего поколения, не владеющего тайнами «цифровой» культуры, оказывается малоприменимым. Не секрет, что представители старшего поколения в отношении цифровых транзакций обращаются за советами к своим детям, кто в них сведущ. Тем самым обнаруживается новый паттерн межпоколенческого взаимодействия, а именно зависимость родителей от своих детей, которая усиливается по мере интенсивного развития технологий.

Как считают исследователи, «термин «цифровой разрыв между поколениями» традиционно привлекается в качестве объяснительного конструкта: его преодоление должно решить проблему неэффективности помощи взрослых детям и подросткам в осознанном, критическом и безопасном освоении и использовании информационных технологий» [Солдатова и др., 2017, с. 230]. Здесь, на наш взгляд, фиксируются два аспекта, во-первых, факт неэффективности помощи старшего поколения, его своеобразной девальвации, при которой ведущий и ведомый меняются местами. Во-вторых, отказ от осознания рисков полного погружения в мир цифры, доступный старшему поколению с его рефлексивными возможностями и не столь ясный младшему, прошедшему свою социализацию уже в ином, цифровом мире. Ими Интернет воспринимается сугубо положительно.

Вместе с тем, согласно данным, приведенным М. Шпицером, около 250000 молодых людей Германии в возрасте от 14 до 24 лет признаны интернет-зависимыми, а еще 1,4 миллиона – «проблемными» пользователями Интернета. Также в США подростки уже сегодня тратят больше времени на цифровые СМИиК (добрые 7,5 часа ежедневно!), чем на сон. Это показал репрезентативный опрос более двух тысяч юных американцев в возрасте от 8 до 18 лет. В результате у молодых и взрослых людей участились случаи нарушения памяти и способности к концентрации, выявляется рассеянность внимания, а также явное снижение глубины эмоций и общее притупление чувств. Описанные симптомы, как подчеркивает автор, позволили врачам выявить новое заболевание – цифровое сла-

боумие [Шпицер, 2013]. Обсуждается идея дополнения Международной классификации болезней новыми диагнозами, связанными с зависимостью человека от виртуальной реальности.

Свою негативную оценку последствий стремительно развивающихся технологий «цифровые» скептики выражают вопросами: зависит ли проект нашего счастливого будущего исключительно от цифровых технологий? Как связано социальное и цифровое? Могут ли образовательные практики быть полностью поглощены цифровыми? Насколько возможно, что стремительно развивающиеся технологии Big Data будут генерировать надличностные масштабы контроля и принуждения как индивида, так и всего общества?

В целом, цифровые пессимисты обеспокоены тем, что масштабное влияние цифровых технологий на все сферы жизни во многом превосходит возможности человека по их освоению и контролю. Они склонны считать, что технологический мир подавляет само желание быть свободным и человечным. Шелдон Унгар подчеркивает, что цифровая трансформация эстетической и интеллектуальной сфер угнетает воображение, творческий процесс и интеллектуальное развитие. Вся интеллектуальная сфера становится под контроль, тем более, что увеличение количества информации, (которая в эпоху цифровизации получила статус знания, знания в свою очередь сводятся к данным, а данные превращаются в товар), идет рука об руку со снижением грамотности. И как говорит Ш. Унгар, «процессы, лежащие в основе информационной революции, порождают «культуру неприятия знаний», понимаемых в их традиционном значении [Ungar, 2003, p. 332]. Таким образом, цифровая детерминация выступает в роли могущественного «посредника» современного существования и претендует на весомую степень доминирования.

РАЗДЕЛ 2.

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА: К КОНТУРАМ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ

В книге с характерным названием «Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств» авторы Э. Шмидт и Дж. Коэн (первый из авторов является техническим специалистом, занимающим руководящую должность в Google, а второй – исследователем в области международных отношений) так оценивают влияние современных технологий на современную жизнь: «Мы одинаково смотрим на потенциал высокотехнологичных платформ и на власть, которой они обладают, и это наполняет особым смыслом всё, что мы делаем, и не только в компании Google. Мы уверены, что такие современные высокотехнологичные платформы, как Google, Facebook, Amazon и Apple, даже мощнее, чем считает большинство людей, и будущий мир ждет глубокие изменения в результате их успешного развития и повсеместного распространения. Эти платформы представляют собой настоящую смену **парадигмы**, подобно изобретению телевидения, и основная их сила заключается в способности расти, то есть в скорости изменения масштабов. Почти ничто не может сравниться со скоростью, эффективностью и агрессивностью распространения этих платформ – разве что биологические вирусы, и это наделяет

соответствующей властью тех, кто их строит, контролирует и использует. Никогда прежде столько людей не были связаны сетью, сообщения по которой распространяются мгновенно. Возможности коллективных действий, появившиеся (у потребителей, творческих личностей, разработчиков, активистов и так далее) благодаря этим платформам, способны перевернуть мир» [Шмидт, Коэн, 2013, с. 18]. При этом технологии не воспринимаются в качестве чего-то агрессивного и устрашающего, а как то, что сделает жизнь человека иной, предоставив ему больше возможностей и позволив более свободно раскрывать его способности. В этой характеристике современного мира ключевыми моментами являются, во-первых, указание на потенциал и власть технологий, которые наполняют особым смыслом всё, что мы делаем; во-вторых, понимание того, что их сила заключается в способности расти и в скорости изменения масштабов; в-третьих то, что именно современные технологии готовят настоящую смену **парадигмы**.

В контексте современного мировоззрения технологические достижения воспринимаются как бесспорная ценность социокультурного бытия. Современный человек не мыслит себя вне масштабного информационного технологического окружения, вне виртуальной организации социума. «Беспокоящей очевидностью» становится тот факт, что в XXI веке степень насыщения приватной жизни возможностями, предоставляемыми Интернетом, становится предельной. Интернет выступает как «уникальная по своей функциональной универсальности культурная институция, которая одновременно банк и магазин, биржа и аукционный дом, почта и собес, библиотека и архив, консалтинговая служба и кинотеатр, музей и концертный зал, научная организация и дискуссионная площадка, игротка и всезнающее справочное бюро, служба знакомств и разведслужба, образовательная организация и работающий на гигантскую аудиторию массовик-затейник» [Закс, 2016, с. 15]. Особая роль в «дигитализации» социальной жизни возложена на онлайн-банкинг, ведущий жизнь людей к качественно иному типу взаимоотношений [Иоселиани, 2020]. Эффекты, предлагаемые виртуальными

технологиями, встраиваются в повседневную жизнь человека и задают новые социокоды. В исследованиях учёных поднимается тема о приобщении всей социальной жизни к категории «цифровое», о смещении социальных и гуманитарных исследований к информационной индустрии [Sullins, 2018]. Всё больше даёт о себе знать, так называемый, цифровой критерий существования, гласящий: «Если событие не отражено в Сети, следовательно, оно не существует». И это, пусть гротескно, но все же свидетельствует о тех компонентах жизненного мира, в котором процессы виртуализации и цифровизации приобретают детерминирующее значение. Примечательно и другое. В новой парадигме жизненного мира имитационный и симулятивный характер виртуализации оценивается как нечто данное и само собой разумеющееся. «Метареальность» виртуального предоставляет возможности проектирования альтернативных конфигураций будущих состояний, связанных с предпочтениями и субъектным выбором траекторий построения собственного жизненного мира. Масштабные процессы технологического опосредования приводят к кардинальной переконфигурации жизненного мира. Более того, высокие технологии как эффективные «действующие силы» формируют «актуальное бытие» человека, значительно меняя и телесность человека, и его ментальность.

На наш взгляд, преломления жизненного мира, вследствие его «сращённости» с виртуальной средой, становятся тем более очевидными, чем более детально осмыслена его специфика. Поэтому исследовательская задача, направленная на анализ смыслового наполнения концепта «жизненный мир» с учётом его историко-философской реконструкции, приобретает особое значение.

Глава 1. Семантика концепта «жизненный мир» и его эволюция

Виртуализация жизненного мира ведёт к становлению новой парадигмы жизнедеятельности нашего современника. Предложив

альтернативную версию реальности, иную организацию пространства и времени, она погружает нашего современника в иные, ирреальные отношения. Поиск значимых ориентиров современного существования в условиях виртуализации жизненного мира упирается в необходимость понимания семантики концепта «жизненный мир», как она представлена в историко-философском контексте мыслителями XX века¹. С опорой на концептуальную разработку Э. Гуссерля, базовая онтологическая характеристика жизненного мира обозначает всё существующее «в непосредственной достоверности опыта» до всех физиологических, психологических, социологических и прочих определений [Гуссерль, 2005, с. 446]. Ключевым здесь оказывается наличие «непосредственной достоверности опыта». Жизненный мир – это «само собой разумеющимся образом существующий, постоянно созерцательно предданный мир» [там же, с. 453], донаучные, субъективные структуры опыта, отличающиеся осознанностью и смыслообразованием.

По мнению исследователей, Э. Гуссерль использовал это понятие для разграничения повседневного мира существования субъекта и математизированного, рационализированного, физикалистски определённого предметного мира. Жизненный мир «представлял собой исходные, непроблематичные и взаимосвязанные структуры сознания, характеризующиеся целостностью и стабильностью» [Касавин, 2005, с. 8]. Но не только исходные и непроблематичные структуры сознания выступают значимыми элементами жизненного мира. Стоит подчеркнуть, что уже М. Мерло-Понти обращает внимание на фактор жизненного опыта, благодаря которому происходит первичное открытие мира. В поисках основания естественного единства с миром Мерло-Понти оборачивается к телу как

---

¹Имеются в виду не только концептуальные исследования жизненного мира в контексте историко-философской традиции, в частности Э. Гуссерлем, М. Мерло-Понти, М. Хайдеггером, Г. Гадамером, Ю. Хабермасом, А. Шюцем, П. Бергером и Н. Луманом, Ж. Бодрийаром, но также и выводы современных отечественных исследователей, в число которых входят: И. Касавин, М. Антипов М.А. Базаров, В. Бодрова, А. Войскунский, В. Волков, Е. Емченко, Т. Лешкевич, Д. Мартьянов, О. Новикова, Ю. Резник, Ж. Тощенко, В. Федотова и др.

«вещи, где я живу, и одновременно как «чувствующей вещи», которая является проводником в мир и закрепляет человека в мире [Мерло-Понти, 1999, с. 265]. Отметим также, что первоначальная онтологическая сращённость жизненного мира и субъекта была воспринята и М. Хайдеггером. Согласно его позиции, «прояснение бытия в мире показало, что не «бывает» ближайшим образом и никогда не дано голого субъекта без мира» [Хайдеггер, 2003, с. 139–140]. Однако, в жизненном мире необходимо ещё увидеть и «повседневное бытие-друг-с-другом» [там же, с. 146], не существующее без со-присутствия других людей.

Щюц А. обосновывал многослойное и «спрессованное» понимание жизненного мира как «сцены и одновременно объекта наших действий и наших взаимодействий» [Щюц, 2003, т. 3, с. 4] и как «системы взаимных социальных отношений стоящих в них акторов» [Щюц, 2003, с. 125–126]. Причём у Щюца повседневность с самого начала «предстает перед нами как смысловой универсум, совокупность значений, которые мы должны интерпретировать для того, чтобы обрести опору в этом мире, прийти к соглашению» [Щюц, 1988, с. 130]. Мир повседневной жизни испытывается человеком именно как реальность в естественном её понимании. Это мир intersubjective, но при этом существовавший до нашего рождения как мир переживания и интерпретации другими; это мир нашего непосредственного опыта и опыта, полученного нами в форме знаний. Это мир – объект наших действий, мы его не просто интерпретируем, но деятельностно-практически с ним взаимодействуем.

Особенно важно то, что, говоря о верховной реальности повседневной жизни и её первостепенном статусе, А. Щюц упоминает о некоторых «конечных областях смысла» или «квазиреальностях», которые также могут получить «акцент реальности». Он пишет о «мире сновидений, мире грёз и фантазий, особенно мире искусства, мире религиозного опыта, мире научного созерцания, игровом мире ребёнка и мире безумия» [Щюц, 2003, т. 3, с. 18–19]. Мыслитель предполагает, что, осуществляя переход от одной реальности к другой, мы изменяем наше внимание по отношению к реальности: «то, что

раньше казалось реальностью, когда мы направляли на неё внимание, теперь может измеряться другой линейкой и оказывается нереальным или квазиреальным, но в специфической форме настоящей нереальности, реальность которой можно восстановить» [там же, с. 34]. Тем самым, в рассуждениях Шюца о квазиреальностях и их взаимоотношениях с верховной реальностью повседневной жизни можно усмотреть проект соотношения виртуальной и производящей её (константной) реальности.

Весомые дополнения к расшифровке семантики жизненного мира присутствуют в контексте размышлений Ю. Хабермаса, где жизненный мир предстаёт в значении «фона коммуникативных действий» [Хабермас, 2010, с. 5]. Он соотнесен с процессами взаимопонимания, наполнен коммуникацией и противостоит жизни отдельного индивидуального сознания. На наш взгляд, в интерпретации Ю. Хабермаса жизненный мир не только оформляется посредством реконструкции дотеоретического знания, которым обладает говорящий субъект, и не просто предстаёт как горизонт, образующий контекст понимания, обсуждения и интерпретации. По мере «развития, усложнения и дифференциации общества жизненный мир трансформируется в сторону значительной рационализации, превращаясь в одну из подсистем общества. Это сопровождается, с одной стороны, обеднением культуры и частной жизни, которые всё в большей степени вбирают в себя ориентиры и требования рынка. С другой стороны, укоренённостью в жизненном мире индивидов системных механизмов институционализации социального пространства [там же, с. 17]. Таким образом, согласно выводам Ю. Хабермаса, ведущей тенденцией становится рационализация жизненного мира, в то время как изначально объективирующая научная рефлексия оценивалась и воспринималась как второстепенная по отношению к жизненному миру, а по сему жизненный мир представал как нечто предданное, не обремененное ношей рефлексивного анализа.

Подчеркнем, что Э. Гуссерль в «Логических исследованиях» не только постулирует первичность жизненного мира, но и говорит о

«необходимости проведения редукции по отношению к науке с целью восстановления мира повседневной жизни, выступающего как совокупность первичных, фундирующих интенций, которые должны раскрыть процессы возникновения из них различных систем знания, в том числе позитивных наук, наделять их чисто человеческим содержанием» [Гуссерль, 2011, с. 253]. В поздней работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию» Гуссерлем выделяются значимые характеристики жизненного мира, состоящие в следующем. Во-первых, это мир конкретной жизни субъекта, полагающий возможность бесконечного опыта («мир, данный нам в нашей конкретно мирской жизни как действительный мир, с открытой бесконечностью возможного опыта...» [Гуссерль, 1992, с. 167]. Здесь многообразие опыта потенциально предполагает некую вариативность мысленных формообразований бытия, сопряжённых как с обыденным употреблением некоего сослагательного наклонения: «а если бы...», так и с выходом на конструирование возможных миров.

Во-вторых, по мнению Гуссерля, этот мир предан научному познанию, он имеет донаучные значения. Иными словами, он как первое в себе бытие включает в себя все возможные идеи универсального бытия, в него внедрено как рациональное целеполагание, так и пёстрое многообразие «регионов» обыденного бытия. В-третьих, жизненный мир является источником смыслов и значимостей; пред- и вненаучный жизненный мир является «живительным источником всех самых утонченных смыслообразований» [там же, с. 172]. Это свидетельствует о том резервуаре, который вмещает в себя смысловую сферу как реального, так и желаемого, мысленно проектируемого существования. В-четвертых, тело человека всегда присутствует в процессе восприятия любой конкретной вещи. Тем самым, показания телесности, «каждая деятельная вариация», Я- функционирующее в модусах видеть, слышать, воспринимать, нести, толкать и пр. во многом определяют координаты жизненного мира со всеми проблемами «случайной фактичности». При этом следует подчеркнуть, что «естественный интерес к жизни удерживается только в сфере жизненного мира... » [Гуссерль, 2005, с. 447].

В-пятых, жизненный мир предстает как замкнутое в себе субъективное, «существующего своим [особым образом], функционирующего в любом опыте, в любом мышлении, в любой жизни, т. е. повсюду и непрерывно, и всё же ни разу не ставшего предметом рассмотрения, не постигнутого и не понятного» [там же, с. 454]. Это свидетельствует об уникальности индивидуального жизненного мира каждого индивида, о наличии персональной значимости событий его наполняющих.

Стоит подчеркнуть, что в связи с такой многозначностью интерпретаций «жизненного мира» в отношении данного концепта высказывается идея о том, что это не просто понятие, которому можно дать строгое определение в классическом философском смысле, а, скорее, концепт, который может иметь множество ситуативных значений, вследствие этого является относительным и описательным. Анализируя исследования в области проблемы жизненного мира с опорой на выводы целой плеяды мыслителей, среди которых не только Э. Гуссерль, А. Шюц, Ю. Хабермас, но и Х. Ортега-и-Гассет, Л. Витгенштейн, К. Касториadis, Ж. Делёз, выделяются такие черты жизненного мира как субъективность, целостность, структурность, горизонтность, intersубъективность, коммуникативность, динамичность, телесность, значимость, прагматичность, погружённость в повседневность, опыт Другого и телеология разума [Волков, 2012].

Вопрос о том, утратило ли понятие «жизненный мир» в его гуссерлианской экспликации своё значение **в современную цифровую эру**, имеет ряд ответов. Так, И.Т. Касавин, противопоставляя жизненные миры современного человека и субъекта в его классическом традиционном понимании, приходит к выводу, что жизненный мир утрачивает смыслы, которые вкладывал в это понятие Э. Гуссерль. «Обнаруживается историческая изменчивость жизненного мира» [Касавин, 2005, с. 8], вследствие исследований, проводимых представителями социально-гуманитарных наук (история, социология, психология, лингвистика, культурология). Произошло постмодернистское разрушение субъективности, которую наделили

иррациональными и бессознательными характеристиками, сравнимая с ризомой, где нет центра и периферии. Процессы виртуализации привели к тому, что жизненный мир оказался расширенным посредством вынесения вовне повседневного опыта и реальных практик человеческого существования. Жизненный мир становится ареной коммуникативных процессов, в котором исчезают рефлексия и понимание. Он также теряет характеристики стабильности и нормальности, поскольку включает в себя риск и неопределённость. Современный человек остро ощущает одиночество, несмотря на коммуникативный характер его бытия, рутинность и обыденность жизни толкают его к тому, чтобы наполнять свой жизненный мир экстремальными видами деятельности, асоциальными по своей сути, а иногда и грозящими смертельной опасностью. Цифровая культура, включающая в себя владение компьютерной грамотностью и постоянный опыт общения через социальные сети и Интернет, разрушают национальные, языковые, сословные границы. По сути дела, можно сказать, что происходящие изменения в современном мире, обусловленные развитием цифровых технологий, позволяют уточнить понятие жизненного мира, во-первых, как принципиально нестабильного, неопределённого и динамичного. Во-вторых, как мира открытых коммуникативных взаимодействий, который детерминирован процессами виртуального снятия ограничений, наложенных традициями, языковой, национальной и сословной принадлежностью. В-третьих, жизненный мир сегодня предстает как сфера существования современного человека, наполненная такими явлениями, как одиночество, рутинность, риск, значимость бессознательного и иррационального.

Часть исследователей, вслед за известным французским философом Ж. Бодрийяром, указывают на симулятивный статус виртуальной реальности, пронизывающий жизненный мир. Ж. Бодрийяр в работе «Войны в заливе не было» рассуждает о роли средств массовой информации в современном мире. Он обращает внимание на то, что подача реальных событий в средствах массовой информации представляет собой преломленную интерпретацию этих событий и оказывает влияние на сознание человека. Философ делает

вывод, что «всё перемещается в сферу виртуального». Он также считает, что виртуальное и реальное находятся в отношении логической зависимости: «в наши дни виртуальное решительно берёт верх над актуальным; наш удел – довольствоваться такой предельной виртуальностью, которая, в противовес аристотелевской, лишь устрашает перспективой перехода к действию. Мы пребываем уже не в логике перехода возможного в действительное, но в гиперреалистической логике запугивания себя самой возможностью реального... Война, превратившись в информацию, перестаёт быть реальной войной и становится войной виртуальной», «всё, что пропускается через информацию, становится предметом нескончаемой спекуляции, то есть тотальной неопределённостью» [Бодрийяр, 1994]. На наш взгляд, диагноз Ж. Бодрийяра очень точен и направлен на фиксацию пусковой спирали, разворачивающей мощь имитационного плана бытия и поглощения им реальности. Поэтому вопрос, который задаёт автор в «Фатальных стратегиях» о том, нужно ли человечеству создавать институты дезинформации [Бодрийяр, 2017], подтверждает не только верховенство виртуального, но и потребность в его институционализации. Это, в свою очередь, выступает своеобразным типом легитимизации существования жизненного мира как ирреального и виртуального плана бытия – своеобразной субонтологии реальности.

Глава 2. Понятие субонтологии: о соотношении виртуальной и производящей её константной реальности

Массовое и масштабное приобретение социальными процессами имитационного характера, появление таких новых социальных слоев, как нетократия и консьюмериат [Bard, Soderqvist, 2002] порождает справедливый вопрос. Что поставлено на карту вместе с виртуализацией современного общества? По мнению О. Ollinaho, суть трансформаций жизненного мира в том, что распространение деятельности в виртуальных мирах, виртуальных социальных сетях и активная работа в разных виртуальных сферах порождают

совершенно иное состояние, по сравнению с тем, когда человек был просто пассивным воспринимающим в эпоху телевидения и радио. Делается вывод, что благодаря виртуализации мы больше не можем приравнять первостепенную реальность – физический мир конкретных объектов к зоне первостепенной актуальности. Виртуализация общества побуждает нас воспринимать виртуальные миры как области, преобразующие конечные смыслы существования и, прежде всего, мир труда [Ollinaho, 2018]. С этой точки зрения процессы виртуализации «берут верх», присваивают себе первенство и главенство по отношению к производящей их константной физической реальности.

И действительно, виртуализация политической и финансовой жизни, постоянно расширяющиеся сервисы виртуальных услуг, реклама, создающая образ товара, фирмы и имидж самого потребителя, приводит к пониманию того, что происходящие в серии различных сфер процессы виртуализации объединены сходными трансформирующими тенденциями. Производится не вещь (шампунь, костюм, автомобиль), а образ (привлекательности, уверенности, стиля, уникальности и респектабельности). Прибыльными, обеспечивающими фиксируемый статистикой экономический рост, являются отрасли, в которых создаются образы. Более того, как отмечает российский исследователь Д. Иванов, политическая борьба сегодня – это борьба образов, политических имиджей, которые создают рейтинг-мейкеры, имидж-мейкеры, пресс-секретари и «звезды» шоу-бизнеса, рекрутируемые на время политических кампаний [Иванов, 2002].

В общем плане виртуализацию можно определить как наделение всех сфер человеческой жизни чертами и особенностями ирреальной аналоговой реальности. Традиционное понимание виртуальной реальности связывается с созданной компьютерными средствами средой, в которую погружается пользователь. Он воспринимает данную среду как объективную, то есть независимую от самого субъекта и технических средств, продуцирующих эту среду. В современном мире данное понимание виртуальной реальности включает

в себя не только реальности, создаваемые компьютерными технологиями, но более широко цифровыми технологиями (компьютерные виртуальные реальности, компьютерные игры, видеоигры, мессенджеры, Интернет, социальные сети, телевидение и т. п.). Специфические свойства виртуальной реальности обусловлены эффектом погружения в неё субъекта; восприятием этой реальности как объективно существующей. Виртуальная реальность, оказывая реальное воздействие на действительность, сама остаётся не реализованной и не актуализированной в физическом мире. Таким образом, онтологически виртуальная реальность есть «производная» реальность от порождающей («первичной») реальности, то есть объективной действительности. Но субъект, погружённый в виртуальную реальность, воспринимает её как существующий объективно жизненный мир.

Виртуальная сфера как особый план бытия расширяется, охватывая все новые и новые сегменты бытия. Так, деятельность человека, его трудовые отношения всё чаще осуществляются в виртуальном мире. Причем речь идёт как о людях, которые профессионально зарабатывают в Интернете и с помощью Интернета (копирайтер, контент-менеджер, SMM-специалист и т. д.), так и о тех, основная деятельность которых непосредственно не связана с Интернет-пространством. Им приходится использовать информационные ресурсы Интернета (преподаватели, научные работники, представители властных структур и пр.), без которых выполнение трудовых функций будет во многом затруднено. В современных условиях удаленного доступа виртуальный план бытия становится доминирующим. В виртуальных мирах также перемещаются огромные суммы денег, как реальных, так и виртуальных. Кроме того, «лайки» и иные многочисленные символы одобрения или неприятия в социальных сетях имеют последствия не только в виртуальном мире, но и в реальном, в частности, в мире межличностных, профессиональных, экономических, а иногда и юридических отношений.

В свете сказанного становится ясным, что теоретико-методологический поиск, направленный на выявление того константного, что свойственно жизненному миру, причём как в отношении тех

или иных свойств объективной реальности, так и с учётом процессов её виртуализации, приобретает особую актуальность. Здесь следует вспомнить, что, согласно выводам П. Бурдьё, созданные постиндустриальной цивилизацией программы, связанные с особыми условиями существования, функционируют как габитусы, включающие в себя принятые типы практик, интересующую нормативность сложившихся установок и регулятивов [Бурдьё, 1998]. А следовательно, установки и нормы, порождённые виртуализацией жизненного мира, будут действовать как программы принятых типов практик. Несмотря на то, что жизненный мир в координатах современности вообрал в себя риск и неопределённость, нестабильность и хаосомность, он пронизан императивом каждодневного выбора. Человек должен каждый день жить и действовать, а значит осуществлять свой выбор, воплощая сложившиеся установки.

Развитие **глобальных** информационно-коммуникативных процессов в рамках четвертой промышленной революции выпукло показывает качественные трансформации жизненного мира. Дают о себе знать такие особенности современного существования, как инет-поглощённость, изменения привычного ритма жизни, иная организация пространства и времени, стремление к быстрому реагированию на поступающие сигналы Сети. Бесспорно, современное наполнение жизненного мира во многом отлично, однако, заметим, что и в гуссерлианской его характеристике, полагающей возможность бесконечного опыта, присутствует онтологическое преддверие конституирования возможных виртуальных миров.

Виртуализация жизненного мира вскрывает такие совокупные эффекты, которые заставляют отказаться от прежних стереотипов, привычных способов освоения жизненного континуума, порождают иные установки и образцы поведения. Другими словами, они приводят к формированию **новой парадигмы**, которая демонстрирует все необходимые атрибуты собственного воспроизводства и функционирования. Её онтология включает в себя системообразующие связи нового «слоя современности» – социальности Сети, в которой главным ресурсом является информация, а распространён-

ным видом коммуникации становится сетевое взаимодействие и содействие. И если ранее за информацией закреплялось понятие четвёртой власти, то теперь она воспринимается ещё и в значении ресурса, необходимого для самовывживания. Среди особенностей новой парадигмы важно подчеркнуть трансформационный сдвиг, указывающий на количественные данные и рассматривающий развитие социума как движимое большими данными.

Порожденная виртуализацией онтология имеет собственные пространственно-временные особенности. Для виртуальной реальности характерно изменение таких пространственных характеристик как дальше—ближе, ниже—выше, право—лево. В виртуальном взаимодействии эти физические размерности становятся понятиями относительными, связанными с наличием или отсутствием у человека доступа к цифровым информационно-коммуникативным технологиям. Такое традиционное свойство существования как «здесь и сейчас» в виртуальной реальности накладывается на понимание «там и сейчас», которое, однако, не теряет своей актуальности. С развитием технологий человек может находиться одновременно в разных виртуальных пространствах, при том что телесно, физически он существует в данном и определённом пространственно-временном измерении.

Виртуализацию жизненного мира характеризует и произвольное обращение со свойствами «стандартного времени», включенность в своеобразную «игру» с его необратимостью. Рушатся стереотипы и традиционная привязанность людей к течению дел и событий в реальности. Временной поток, характеризующий события виртуального мира, может занимать микросекунды. Виртуализация жизненного мира помещает индивида в лоно имитаций и симуляций, обеспечивая, тем самым, «побег» от острых проблем повседневности. Вместе с тем, виртуальный мир может также внезапно перестать существовать для человека, когда, например, компьютер выключается, связь недоступна, и человек должен срочно «катапультироваться» в мир реальных физических отношений.

Ещё одной особенностью виртуализации жизненного мира является то, что современный человек постоянно присутствует в контексте множества виртуальных реальностей (миров) и смыслов одновременно. Повседневные действия человека в Сети не подчиняются чёткому планированию и последовательному исполнению. Такую ситуацию можно сравнить с гиперссылкой, а гиперссылочность обозначить в качестве одной из особенностей жизненного мира человека цифровой эпохи. Информационный поток, в который ежедневно погружается человек, детерминирует деятельность человека по аналогии с гиперссылкой, поскольку происходит стремительная постоянная смена одной задачи на другую, изменение приоритетов, ломка первоначальной траектории действий и целевого поиска. Контексты и смыслы информации, получаемой в результате этих процессов, не успевают быть осознаны в полной мере, отрефлексированы и критически проанализированы. Человек как бы перескакивает с одной гиперссылки на другую, теряя связность и смысл информации. Таким образом, виртуализация делает жизненный мир человека нелинейным. В определённом смысле данная особенность подтверждает идею о сложном, многомерном, неопределённом, поливариантном и децентричном мире, в котором человеку приходится жить, неосознанно подстраивая его под внешнюю реальность.

Символическим маркером новой парадигмы является специфический **дискурс инет-коммуникации**. Как способ передачи мыслей и чувств интернет-сленг предельно ограничен, отражает лишь поверхностные и примитивные пласты мировосприятия. Он провоцирует упрощение и высокую степень рефлексивного отчуждения. Отметим и то, что новые модели речевого поведения, опирающиеся на интернет-язык и не стесненные никакими культурными рамками, могут быть восприняты как «атака» на языковое воплощение разумной осмысленности мира. Однако, именно интернет-сленг выступает «визиткой» виртуализованного жизненного мира, широко распространенным способом как индивидуально-личностного, так и группового общения. В радикальном случае

речь может идти о девальвации привычных обертонов подлинного личностного общения.

В новой парадигме, фиксирующей стремление к полной виртуализации образа жизни, даёт о себе знать иная система **ценностей**, отражающая претендующие на устойчивость значения дигитального мира. Они становятся ориентирами современной личности, демонстрируют отличия встающих перед ней задач, свидетельствуют об ином качестве отношения к реальности. Так, виртуальная свобода предполагает неограниченную вариативность идентификации, ибо цифровая личность может, как присвоить себе любую, избранную личину, так и неоднократно её поменять или принципиально сохранять свою анонимность. Индивидуальная компетентность приобретает характер конвергентной, т. е. объединяющей личные умения и навыки с возможностями и ресурсом Сети. К трансформированным ценностям может быть причислена персональная защищённость личной информации, утраченная под прессом масштабной цифровизации, равно как и ценность активной предметно-практической деятельности. Производная от неё ценность самовыражения сводится к онлайн-активности, успех которой связан с количеством лайков и подписчиков.

При том, что, согласно расхожему мнению, в Сети субъект раскрывает свои границы, тем не менее, поглощенный чёрной дырой монитора **Homo Solus** (человек одинокий) в реальности оказывается такой же «совершенно в себе замкнутой субъективностью» подобно той, о которой писал Э. Гуссерль.

Виртуальные образы, игнорирующие конкретные факты и действительные состояния, способствуют созданию иной экспозиции реальности. Посредством виртуализации над естественной природной средой и второй «очеловеченной» природой надстраивается ещё одна сфера, средоточием которой становится объективация иллюзий, визуализация образов и желаемых моделей существования. Виртуальная реальность есть производная реальность, но её специфика заключается в том, что она проникает в «первичную», порождающую её реальность, подчиняя её и, тем самым, ви-

доизменяя жизненный мир повседневного бытия. Происходит подмена событий действительного мира его виртуальными образами и сценариями и это порождает особую социальную **субонтологию**.

Следует подчеркнуть, что субонтология не связана необходимостью адекватного отражения реального физического бытия, она выступает как моделирующая мир онтология, свободно задающая «новый порядок» реальности, избирательно её идеализируя или искажая. Воздействие субонтологии основывается на создании квази-событий, их дальнейшего развития, распространения и потребления. Поэтому следует различать двоякую коннотацию концепта «субонтология». Во-первых, это указание на продуцирование иного плана бытия, в котором происходит замещение реального виртуальным, а, во-вторых, субонтология означает искажение реальных и конструирование квази-событий. В качестве примера, иллюстрирующего процесс симуляции реального события, можно предложить художественный фильм, который в отечественном прокате имел название «Плутовство» («Wag the Dog», 1997 г., режиссер – Барри Левинсон). Сюжетная линия фильма представляет собой борьбу за власть во время президентских выборов в США, в которой действующий президент сталкивается с необходимостью скрывать от избирателей нелицеприятные подробности своей личной жизни. Одним из таких средств сокрытия проступков президента становится индустрия кинопроизводства и средства массовой информации, которые создают (только на экране) маленькую победоносную для США войну. Эта виртуальная война поднимает рейтинги президента и позволяет ему одержать уже реальную политическую победу на выборах. Таким образом, происходит переход к преобладанию культурно-символических, не привязанных непосредственно к материально-физической стороне действительности, форм и способов поддержания и воспроизводства социальности. При этом субонтология претендует на онтологическое равноправие [Лешкевич, 2015].

Как мы показывали ранее, влияние субонтологии, имеющей по сути имитационный характер и опирающейся на симулякры –

неправильные копии копий [Лешкевич, Катаева, 2013] распространяется, прежде всего, на ментальный и эмоциональный строй сознания, под управляющее воздействие которого попадают рациональные оценки и решения. Не будь воспринимающего, не возникнет и возможность искаженного преломления продуцируемых на него образов. Но если в роли пассивно воспринимающих оказываются массы, то это приводит к существенным деформациям всей системы коллективного восприятия. Возникают новые психоэмоциональные состояния, подогреваются страсти, продуцируемые той или иной информацией. Конструирование и упорное навязывание инакового образа окружающей действительности влечёт за собой изменения в протекании психических процессов, обуславливает нетипичный для реальной жизни характер поведенческих реакций.

Под воздействием субонтологии виртуальной реальности формируется новый тип виртуального мировоззрения, в котором симуляция, имитация, неопределённость и непредсказуемость находятся в свободном, не связанном реальностью сочетании. Виртуальные интерфейсы создают эффект телеприсутствия. Они воздействуют на мозг человека, и уже не реальные обстоятельства, а фантазийный мир превращенных представлений заставляет стучать сердце, переживать, испытывать чувство страха и беспокойства либо ликовать. Порождённый при этом эффект детерминации виртуальным приобретает универсальное значение. Он оказывает управляющее воздействие, задаёт надличностные масштабы контроля и принуждения. Ситуация, позволяющая «выносить» свою субъективность, то самое «Я-функционирующее в модусах видеть, слышать, воспринимать» на просторы Всемирной паутины, ведёт к изменению «типа саморегуляции» как индивида, так и социума. Поскольку информационное пространство, не столько отражательное, сколь конструктивное, то и биография, и события личной приватной сферы, будучи вынесены в виртуальную реальность, приобретают качества симулятивной трансформации в зависимости от намерений и потребностей актора виртуальных операций. С учётом того, что «когнитивные акты наблюдения» в условиях «наличной социальности инфомира» имеют по большей части не понятийный, а

клиповый и фрагментарный характер, в жизненных стратегиях современников присутствуют черты принципиальной индетерминированности. В радикальных случаях это приводит к тому, что отдельное «Я» становится принципиально несвязанным, «недетерминированным фрагментом возмущения».

Глава 3. Амбивалентность оценок виртуализации жизненного мира: «pro & contra»

Жизненный мир человека, всё более и более вбирая в себя современные цифровые технологии, тиражирует уже не просто виртуальную реальность, а, как подчеркивают ученые, создает «реальную виртуальность». «Реальная виртуальность» трактуется как такая реальность, то есть материальное и символическое существование людей, которая «полностью погружена в виртуальные образы, в выдуманный мир, мир, в котором внешние отображения находятся не просто на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом» [Кастельс, 2000, с. 351–352].

Несмотря на то, что нескончаемый «сёрфинг по Сети» чреват не просто усталостью, но серьёзными когнитивными и психо-ментальными деформациями, а медики бьют тревогу в связи с очевидным уменьшением концентрации внимания, снижением способности к аналитической деятельности, ухудшением зрения, оценки виртуализации жизненного мира амбивалентны. Аргументы по поводу плюсов и минусов этого процесса многочисленны. Очевидно, что **положительные эффекты** связаны с ускорением всех транзакций, с «прерывом» рутинной монотонности повседневного бытия, увеличением многообразия контактов и способов общения, построением внутренних программ жизнедеятельности и конструированием моделей, отвечающих глубинным потребностям. В этом качестве виртуальные технологии приближают к распознаванию намерений индивида, способствуют воплощению попыток овладеть жизненной ситуацией, получить лучшие условия существования и

выверить стратегии жизнедеятельности. Тем более, что цифровая парадигма обладает инструментами для снятия многочисленных ограничений, способствует удешевлению и ускорению получения сервисных услуг, ведет к объединению участников для доступа к пулу имеющихся ресурсов. Виртуализация социальной реальности предлагает разномастную индустрию развлечений, типы досуга и отдыха, развивающие курсы и тренинги, даёт возможность нового опыта межличностной коммуникации и реализации творческого потенциала. Она способствует приобщению к творчеству других и к сокровищнице мирового искусства. Современные виртуальные технологии позволяют расширить возможности человека, и совершенно обоснованно масштабный объём компьютерной памяти и поисковые возможности интеллектуальных систем оцениваются как весомое преимущество. И поскольку виртуализация жизненного мира стала реальностью, всё активнее звучат голоса в пользу того, чтобы способствовать правильной адаптации к сложившимся условиям Интернет-существования [Heersmink, 2018]. Исследователи считают, что необходима когнитивная экология Интернета, направленная на то, чтобы понять и использовать новые возможности и преимущества среды артефактов [Clowes, 2018].

На виртуализацию жизненного мира можно посмотреть, как на дополнение жизненного мира человека возможностями виртуальной реальности. В работе исследователя Хельсинкского университета О. Оллинахо виртуализация жизненного мира определяется как продолжающийся процесс перехода людей в виртуальные миры [Ollinaho, 2018, p. 206]. Этот переход проявляет себя в том, что эмпирически, а также исходя из собственного повседневного опыта, мы постоянно сталкиваемся с тем, что современный человек уже не представляет себя без цифрового устройства, осуществляющего виртуально связь, коммуникацию с другими людьми, поиск информации и знакомство с новостями, выполнение рабочих обязанностей и отвлечение на развлекательный контент, реализацию увлечений и хобби и т. п. Поэтому можно утверждать, что виртуализация жизненного мира – это проникновение и включение в жизненный мир виртуальных процессов и взаимодействий в качестве

важных составляющих; это дополнение жизненного мира ресурсами виртуальной реальности, продуцируемой современными цифровыми технологиями.

В смелых суждениях авторов цифровые технологии и технические устройства рассматриваются как продолжение человеческого мозга и познания, что ведет к возникновению концепций расширенного познания/мышления (the extended cognition/mind). Согласно одной из таких концепций, мышление человека всегда больше, чем его мозг. Это и тело человека, и реальность, находящаяся вокруг человека. Например, бумага, карандаш, ручка, а также язык – всё это инструменты для осуществления мышления и познания, которые человек использовал и ранее. В этом смысле люди – это естественные киборги [Clark, 2004], опирающиеся в процессе взаимодействия с окружающей средой на использование всё новых технологических устройств и инструментов. Этот процесс, получивший название «электронного расширения возможностей мозга», можно рассматривать как один из вариантов эволюции человека, прогресс которой будет состоять во включении и совершенствовании технологических средств-посредников, позволяющих раздвинуть границы человеческого, как в интеллектуальном, так и в физиологическом аспектах.

В противовес такому пониманию к негативам причисляется неоправданность прогрессистских ожиданий, состоящих в том, что именно процессы виртуализации, воплощающие в себе доминирование символических форм и непосредственно не связанные с материально-физическим аспектом существования, обеспечат расцвет подлинной человечности и воспроизводство социальности. Так представители неолуддизма и его разновидности кибер-луддизма яростно протестуют, акцентируя внимание на том, что существующий мир создан компьютерами (аппаратное обеспечение) и сетями (программное обеспечение) [Tolu, 2014].

К обрисованным перспективам можно относиться неоднозначно, однако фактом является то, что в современной ситуации пандемии онлайн-ресурсы являются жизненно необходимым

фактором. Они представляют собой определённую ценность для образования, деятельности научных сообществ, для коммуникации, досуга, релаксации, осуществления трудовых функций. Но главное — это то, что Интернет-ресурсы необходимы для функционирования предприятий жизнеобеспечения. И хотя процессы эти по своей значимости выдвинулись на передний план, вместе с тем, нельзя упускать из виду **негативные эффекты** виртуализации жизненного мира, указывающие на релятивизацию образа мира, расколотость индивидуального Я, эффектно предъявляемые стратегии успеха, обременённые последующим разочарованием, а также различные формы зависимостей. Вызовы электронной культуры, которая поглощает человека, переполняя его жизнь многообразными информационными шумами, привлекают внимание многих исследователей. Некоторые из них, предпочитают занять позицию, подчёркивающую амбивалентный характер происходящих трансформаций [Касавина, 2018].

Нельзя оставить вне поля зрения тот факт, что наиболее значительным из отрицательных последствий виртуализации жизненного мира является Интернет-зависимость, действие которой исследователи объясняют, исходя из привычки. Виртуальные миры «формируют привычку», а привычки вызывают зависимость — как игры, так и социальные сети порождают эффект привыкания — и по мере развития процесса зависимости люди начинают проявлять меньший интерес к другим сферам, включая «реальную» [Ollinaho, 2018, p. 207]. Интернет-зависимость, как правило, сопровождается отстранённостью от потребностей повседневной и обыденной жизни, постепенно перерастая в состояние «бегства» от реальности, ухода в мир иллюзий. Обратим внимание на образное сравнение, предлагаемое В.В. Мироновым, который, размышляя о виртуализации повседневности, сопоставляет её с миром теней пещеры Платона. Человек сознательно приковывает себя к виртуальному миру в смартфоне, и, таким образом, отказывается от решения реальных проблем действительности, принимает за истину только то, что дано ему непосредственно, в данном случае, в мире виртуальном, на экране смартфона [Миронов, 2019].

Интерес представляет оригинальная позиция британского теоретика культуры Алана Кирби. Этап, порождённый развитием цифровых технологий (начиная с конца XX века и продолжившийся в XXI веке), автор называет **диджимодернизмом**, стремящимся на примере массовой культуры, кино, телевидения, музыки, литературы, компьютерных игр осмыслить современную социальную реальность. По отношению к обществу А. Кирби вводит понятие **псевдоаутизма**, которое рассматривает в качестве «приемника постмодернистской шизофрении и модернистского невроза» [Kirby, 2006, p. 188]. Псевдоаутизм, по мнению А. Кирби, отражает одну из негативных сторон современного общества. Важнейшей причиной возникновения данного явления в обществе стало развитие массовых цифровых технологий, благодаря которым естественный личный процесс общения свёлся к текстовым сообщениям. Псевдоаутизм имеет сходство с известным психическим расстройством – аутизмом, поскольку проявляет себя в замкнутости человека, закрытости, отчуждённости от личного взаимодействия, оторванности от общества. Это новая и достаточно критичная оценка негативных последствий виртуализации.

Вместе с тем, воздействие виртуализированного мира воспринимается как токсичное еще и в силу того, что страдает человеческая телесность, которая оказывается выключенной из процессов виртуальных взаимодействий. Человек может общаться, писать, играть, читать, просматривать, то есть заниматься тем или иным видом активности, не предполагающим непосредственного участия тела в виртуальном пространстве. Уже разошелся на цитаты вывод Н. Журавского, гласящий, что физическое тело – это запрещённый эффект в Интернете [Zurawski, 2000].

Однако той специфической особенностью виртуализации жизненного мира, беспокоящей философов и всех гуманитариев, является стремительное снижение рефлексивного отношения к действительности и к самому себе. Это проявляется, прежде всего, в некритичном восприятии и потреблении информационного контента, а также в преобладании эмоциональной реакции на события вирту-

ального пространства: в Интернете, социальных сетях, мессенджерах. Эмоция, возникающая как быстрый ответ на виртуальное событие, препятствует осознанному, рефлексивному, критическому восприятию данного события, затрудняет независимый анализ разных позиций, точек зрения, фактов и логики событий. В сложном переплетении информационных сообщений, человек, как правило, не рефлексивирует относительно свободы поиска альтернативного информационного контента в Сети. Исследователи упоминают, что в литературе имеется понятие «архитектура выбора» [Беляков, Кургачева, 2019]; [Володенков, 2017], существует также понятие «таргетинг» [Рябченко, Шестакова, 2018, с. 121–122]. С помощью этих понятий описывается ситуация отсутствия выбора информации в Интернете. Избирательные технологии, изначально применяемые только в рекламе, отслеживают и запоминают интересы пользователя Сети, формируют необходимое представление о событии, выгодное отношение к нему, один из возможных смысловых контекстов, которые, по сути дела, есть результат синтеза запросов и интересов человека, обработанных с помощью технологий манипулятивного воздействия. При этом любая альтернативная информация оказывается скрытой и недоступной. Тогда «реальность для человека» будет сгенерирована в виртуальном информационном пространстве на основе его собственных потребностей, реакций, мнений и т. п. Таким образом, нереплексивный характер потребления Интернет-ресурсов открывает возможность непрямого манипулирования сознанием, отвлекая внимание от важного события, создавая новости, предлагая информацию, образы, можно сказать, симулякры, не имеющие отношения к реальному положению дел. При этом, подчеркнем, что целью манипулятивного воздействия на сознание является влияние на поведение и поступки людей не в виртуальном пространстве, а в реальной социальной действительности. В результате намеренно создаётся образ реальности, который выгоден тем или иным социальным, экономическим или политическим «заказам».

Справедливости ради следует отметить также и исследования, которые не делают категорических выводов о негативном воздействии цифровой культуры, цифровых технологий и компьютерных игр не только на взрослых, но и на подростков и детей. Так, например, в статье «Связь между благополучием подростков и использованием цифровых технологий» были опубликованы результаты масштабного исследования, проанализировавшего данные о 355358 подростках. Цель исследования заключалась в тщательном изучении влияния цифровых технологий на подростков: исследование зависимости психического состояния подростков от технологий (гаджетов, социальных сетей, видеоигр и т. п.). Центральным выводом стало положение о том, что связь между использованием цифровых технологий и благополучием подростков достаточно мала и объясняет не более 0,4 % различий в уровне благополучия [Orben, Przybylski, 2019]. Это исследование показало, что психическое благополучие подростков зависит от множества факторов, в которых цифровые технологии играют лишь одну из ролей. Но авторы исследования не ставили перед собой цели рассмотреть перспективное, с точки зрения течения времени, влияние технологий на психическое состояние детей, которое может иметь более серьёзные последствия в отдаленный период, чем те, что зафиксировали авторы. Не случайно считается, что в современных условиях прогноз о негативных сдвигах затруднен, ибо сравнение не валидно в силу того, что результаты жизнедеятельности поколения Z еще не дали о себе знать.

Тем не менее с очевидностью ясно одно, вопрос о субъектности в контексте виртуализации жизненного мира выводит на проблему самоидентификации человека, которая представлена явлением полиидентичности. Выделяются два крайних варианта этой многомерности – деидентификация и гиперидентичность. Суть первого состоит в сокрытии, в стремлении не афишировать своё истинное отношение к чему-либо. Второй вариант – это постоянное проявление себя как иного, открытая демонстрация любой позиции [Спичева, 2016]. Это свидетельствует о том, что жизненный мир совре-

менного человека, с внедренными в него цифровыми информационными технологиями, объединяет онлайн и офлайн аспекты. Виртуальный и реальный образы человека становятся необходимыми составляющими его функционирования. При этом современные молодые люди не видят опасности подмены или заметного контраста между реальной и виртуальной (сетевой) идентичностью, так как «для подавляющего большинства современных молодых людей нет разницы между этими видами идентичности, поскольку их межличностное общение протекает в условиях отсутствия чётких границ между миром виртуальным (сетевым) и реальным» [там же, с. 102]. Виртуальный (онлайн) имидж современного человека не отделяется от его реального (офлайн) образа, они находятся по отношению друг к другу в отношении взаимодополнительности, воспринимаются самим человеком как целостность, имеющая различные грани и проявления.

Можно предположить, что сетевая полиидентичность, оперируя различными образами представленности собственного Я, тем не менее, приоткрывает завесу над лабораторией внутреннего мира реальной личности. Особенностью онлайн имиджа, например, в социальных сетях, является то, что, во-первых, внутренний мир человека может проявлять себя свободно, открыто, разнообразно и нелинейно. Во-вторых, за собственным онлайн имиджем можно наблюдать со стороны, при этом управляя им, улучшая, изменяя или подстраивая под выбранный контекст. В-третьих, в виртуальной реальности субъективный мир может становиться внешним, а через это внешнее, в свою очередь, будут просвечивать аспекты глубинного внутреннего наполнения личности.

Таким образом, хотя уже сейчас фиксируется своеобразная ностальгия по «настоящей реальности», все «pro & contra» в оценках виртуализации жизненного мира отражены в «конкурентной борьбе» онлайн взаимодействий и реальных взаимодействий, исход которой в период пандемии предрешен. Фактом остаётся то, что цифровой мир стимулирует стремительное распространение паттернов поведения, ориентированных на сетевые взаимодействия. Они включают в себя виртуальную коммуникацию, онлайн книги,

фильмы и театральные представления, развлечения и игры, равно как и онлайн и дистанционное образование вместе с виртуальной медициной.

Глава 4. Виртуализация жизненного мира в её проекции на виртуальную игру

При изучении виртуализации жизненного мира правомерен подход, моделирующий его трансформации с учётом тематизации того или иного конкретного типа воздействий сетевых структур на сознание человека. Вслед за Э. Гуссерлем, который, как свидетельствуют исследователи, стремился «вывести из игры» все конкретные, обусловленные тем или иным временем данности жизненного мира [Мотрошилова, 1998, с. 177], обратимся к анализу **воздействия компьютерных игр**. Этот выбор не случаен. Э. Финк – ученик и последователь Э. Гуссерля, также рассматривал игру как способ понимания человеческого бытия, охватывающий всю человеческую жизнь [Финк, 1988]. В отечественной философии правомерность обращения к игре в поисках спецификаций новых способов освоения мира, обосновывалась в силу того, что именно игра оценивается как «арифметика социальных отношений» [Эльконин, 2013]. В настоящее время в более поздних оценках присутствуют указания на медиа индустрию, которая воспроизводит и транслирует «потенциальные сценарии жизни, где все жизненные события переживаются как реально-нереальные игрища, задают стандарты поведения, иные технологии предъявления самого себя» [Новикова, 2016, с. 9]. Человек играющий – Homo Ludens предстаёт внутренним измерением человека умелого – Homo Faber. В игре заявляют о себе имитационные модели существования вне их утилитарного значения, а повседневность освобождается от рутинных и стандартных процедур, сопровождаясь сознанием «иного бытия». Подражание, цепочка похожих действий, которым игра может придать

характер инверсии (т. е. «начать все сначала»), случайные направления активности и динамика постоянного выбора проникают в основания виртуализованного жизненного мира. Более того, как считают исследователи, именно компьютерные игры способствуют удовлетворению психологических потребностей, необходимых для благополучия индивида: автономия, компетентность и взаимосвязь с другими индивидами [Uysal, Yildirim, 2016]. Под автономией понимается восприятие своего поведения как соответствующего собственным интересам и ценностям; в основе автономии лежат поддержка и отсутствие контроля со стороны других людей. Потребность в компетентности – это стремление к эффективной деятельности; она поддерживается такой средой, которая выдвигает перед человеком задачи оптимального уровня сложности и даёт ему положительную обратную связь. Наконец, под потребностью в связи с другими понимается стремление к близости с другими людьми; она развивается, если человек получает тепло и заботу от окружающих.

Виртуализация жизненного мира может быть рассмотрена через компьютерную игру в силу отношения тождества, поскольку именно компьютерные игры, или, в более широком значении, электронные игры (видеоигры), имеют виртуальный характер. Они наиболее репрезентативно воплощают в себе основные свойства виртуальной реальности: «порождённость, автономность, актуальность, интерактивность, пространство «между», иммерсивность (погружение) и спонтанность» [Катаева, 1999, с. 11]. Большинство компьютерных игр погружают пользователя в особую реальность виртуального мира. Как правило, онтология компьютерной игры предполагает усиление различия с миром реальным, привнесение в реальный мир особых специфических сверхъестественных явлений. Отличие виртуального компьютерного мира от реальной действительности также предполагает наделение персонажа особыми способностями (за счёт расширения реальных человеческих способностей или за счёт появления у персонажа сверхъестественных возможностей – супергерой, демиург, волшебник, или маг, бессмертие, перевоплощение в других образах и т. п.). Компьютерные игры создают особый виртуальный мир, обладающий отличными от мира

реального онтологическими, антропологическими, социальными и иными характеристиками. Виртуализация жизненного мира уподобляется погружению игрока в захватывающий мир виртуальной компьютерной игры, которая становится самым близким миром, жизнью субъекта на определённый промежуток времени.

Сопоставляя жизненный мир в традиционном его понимании и «жизненный мир» в интерпретации влияния онлайн компьютерных игр на сознание, необходимо иметь в виду следующее. Согласно выводам М.А. Антипова, традиционное понимание жизненного мира характеризует: напряжение сознания, проявляющееся во внимании к жизни; отсутствие сомнения в реальности внешнего мира; «осмысленная спонтанность, основанная на проекте и характеризующая намерение вызвать желаемое положение дел посредством действий, вторгающихся во внешний мир»; особая форма испытывания Я; признание Я как элемента интерсубъективного мира коммуникации и социального действия; особая временная перспектива; «наличие уверенности в собственной смертности и сопоставление с этим своих жизненных проектов» [Антипов, 2016, с. 69].

Указанные особенности жизненного мира трансформируются при вовлечённости в сетевые компьютерные игры. Во-первых, ослабляется внимание к жизни, поскольку сознание игрока захватывает виртуальный мир игры. Во-вторых, реальность замещается виртуальным игровым миром. Для игрока, находящегося в процессе игры, реального мира не существует, особенно в случае выполнения сложной игровой задачи (миссии). В своих крайних формах это может привести к инверсии реальности и виртуального мира. В-третьих, подвергается сомнению осмысленность действий геймера в игровой ситуации, поскольку осмысленность действий зависит от жанра игры: менее осмысленными являются действия в шутере, в то время как, например, в квесте или стратегии игроку приходится обдумывать совершаемые действия. В-четвёртых, целостность Я может быть нарушена, поскольку человек начинает отождествлять себя с игровым персонажем, что может повлечь отчуждение и от самого себя, и от социальных ролей в реальном мире. В-пятых, геймер оказывается в особом виртуальном пространстве

коммуникации игроков, которое отличается особыми правилами и этикой. В-шестых, для геймера объективное и субъективное время дополняются ещё одним типом временных отношений, а именно, игровым временем, которое имеет такие свойства как динамичность, событийная наполненность и наполняемость возможностями, сжатость. В-седьмых, смертность игрового персонажа, с которым идентифицирует себя геймер, является относительной, потому что во всех играх имеется возможность сохранения игры и воскрешения героя. В итоге, можно говорить о «переходе геймера от реального жизненного мира к игровому жизненному миру» [там же, с.70]. Этот переход может быть временным и ситуативным, существующим только в процессе игры, а может стать невозвратным, если игрок окажется настолько погружённым, втянутым в виртуальное игровое пространство и зависимым от него, что произойдёт переключение реального жизненного мира на виртуальный мир игры.

Подытоживая сказанное, подчеркнем, что виртуализация жизненного мира включает в себя получение нового опыта, расширение возможностей, развитие творческого воображения, снятие психологического напряжения благодаря тому, что компьютерные игры (видеоигры) стали повседневностью для современного человека, а для многих – элементом собственного жизненного мира. Виртуализация жизненного мира, с одной стороны, может быть описана, исходя из аналогии погружения сознания человека в компьютерную виртуальную реальность. С другой стороны, компьютерные игры трансформируют жизненный мир, налагая на него такие специфические особенности, которые искажают реальность, изменяют атрибуты бытия, способности человека, ценностные установки, социальные взаимодействия.

Таким образом, обобщая выявленные особенности виртуализации жизненного мира, можно прийти к следующим выводам. Во-первых, виртуализация жизненного мира, сопровождаемая новыми социокодами и трансформацией системы связей и отношений, рождает амбивалентное к ней отношение. Ускорение всех

транзакций, использование многообразных ресурсов, предлагаемых Интернетом, расширение объёма памяти приветствуется представителями цифровой эры. Однако, расколотовость индивидуального Я, неоправданность ожиданий, порождённых стратегиями виртуального успеха, рост различных форм зависимостей, оцениваются как ее негативные эффекты.

Во-вторых, виртуализация жизненного мира указывает на конструирование «иного бытия», нежели «обыденная жизнь», с весомыми темпоральными изменениями. Это свидетельствует о замещении фактической реальности её виртуальными проекциями, о создании субонтологии. Участие массмедиа, рекламы, шопинг индустрии, новостных каналов и пр., направленных на подчинение взаимосвязи фактов тем или иным манипулятивным целям, а также генерирование квази-событий релятивизируют сам «порядок» реальности.

В-третьих, маркером новой парадигмы жизненного мира является смещение в сторону создания «гибрида» человеческого и артефактного. В современную эпоху пандемии массовая вовлечённость людей в сферу виртуального, свидетельствует о выносе их деятельных способностей в имитационный план бытия, изменении ментального ландшафта жизненного мира, сопровождаемых негативными воздействиями на интеллект, телесность и психику человека.

В-четвертых, аксиологические трансформации свидетельствуют об изменении ценностных координат, оформлении новых критериев успеха, форм мотивации и норм существования в цифровом мире. Утверждается самодостаточность сетевой коммуникации, «ценностный» маркер «двойного обновления» дополняется ориентацией на положение в сетевой группе. Современные мобильные устройства не только берут на себя функции навигатора в жизненном мире, но еще и маркируют статусные отличия индивидов, косвенным образом свидетельствуя о социальном неравенстве. Виртуальная активность рушит привязанность к реальности. Однако, доминирование символических форм, не связанных с реально-физической стороной существования, не в состоянии обеспечить воспро-

изводство социальности и расцвет подлинной человечности. Размывание границ между реальным и виртуальным требует осуществления социально-гуманитарной рефлексии, которая бы позволила обнажить проблемы виртуализации жизненного мира, акцентировать внимание на данном процессе, выявить, осознать и проанализировать отрицательные последствия виртуализации жизненного мира.

Высказывается настоятельное требование проведения гуманитарной экспертизы для всех человекообразных технологических систем, в которые оказывается включённым человек в качестве важнейшего элемента. Гуманитарная экспертиза – это «социальная практика, сутью которой является защита человека в той мере и в тех ситуациях, когда он подвергается воздействию (или, иначе говоря, когда ему приходится взаимодействовать) многочисленных новых технологий, включая технологии социальные» [Юдин, 2008]. В настоящее время внимание гуманитарной экспертизы направлено, прежде всего, на трансформации сознания человека, потерю им человеческих качеств под воздействием цифровых и виртуальных технологий.

В качестве базового основания для проведения гуманитарной экспертизы технологий виртуальной и дополненной реальности исследователи предлагают использовать философию. Философско-антропологический подход позволит исследовать не только саму виртуальную реальность, осуществляющую «редактирование сознания», но также позволит осмыслить инструменты создания этой реальности (технологии), а точнее «природу их воздействия; вопросы безопасности их применения» [Пронин, 2018]. В поле зрения окажутся мировоззренческие установки, картина мира и система ценностей разработчиков технологий виртуальной реальности, которые будут отражены в конечном продукте, в созданной им реальности. Философия, опирающаяся на методологию, использующая потенциал аксиологического и этического мироотношения способна рационально и целостно осмыслить статус и специфику виртуального во всем многообразии его влияния на жизненный мир человека.

РАЗДЕЛ 3.

ТРАНСФОРМАЦИИ СМЫСЛОЖИЗНЕННОЙ РЕФЛЕКСИИ И СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТИРОВ

Глава 1. Предварительные методологические замечания к исследованию смысложизненной рефлексии

Современный научно-теоретический анализ трансформаций смысложизненной рефлексии и **смысложизненных ориентиров** отталкивается от понимания человека как предметно-деятельностного существа, сущность которого вбирает в себя «совокупность всех общественных отношений». Зависимость стремлений и исканий человека от приоритетов эпохи и ее духа отражается принципом социокультурной детерминации, дополненным инновационным концептом **энактивизм**, который обладает дополнительным объяснительным и эвристическим потенциалом. Принцип социокультурной детерминации показывает, что окружающие человека обстоятельства являются значимыми факторами, обуславливающими его жизненное самоопределение. Этот принцип указывает на эффект системного социокультурного воздействия со стороны сложившихся цивилизационных отношений. Поскольку наш современник сталкивается с необходимостью включиться в ту или иную «ячейку актуализированного мира», смысл и логика его деятельности сопрягается как с существующими обстоятельствами, так и с его целями,

желаниями, мотивацией и потребностями. Концепт «энактивизм» отражает эффект «вдействия системы в среду», и то, как человек, стремясь к самореализации, видоизменяет и себя, и конфигурации существующей реальности. Энактивизм сфокусирован на процессе участия в «со-возникновении» новых качеств [Князева, 2013]. Иными словами, энактивизм обнаруживает перестройку внутренних смысловых, семантических регуляций вследствие производимых субъектом изменений внешних обстоятельств. Мы солидарны с позицией А. Ноя, объясняющего суть энактивизма тем, что наше восприятие зависит не только от того, что случается с нами или от того, что в нас, а от того, что мы делаем [Ное, 2009]. Концепт энактивизм обретает особое значение в ситуации отсутствия стабильности «зон взаимодействия».

Важным методологическим потенциалом обладают концепты **эмерджентность** и сложность, способствующие расширению поля охвата и понимания происходящих в современный период процессов. Концепт эмерджентность нацеливает на учет внезапно возникающих ситуационных сценариев, их спонтанность, на появление новых обстоятельств, отклоняющихся от выбранной стратегии поведения. Исследователи, говоря об эмерджентности, метко отмечают ее «бытийственную отделенность от хронологически породивших корней» [Князева, Курдюмов, 2002, с. 26]. При этом особой чувствительностью обладают системы, функционирующие в режиме «с обострением», в число которых входит человеческое сознание во всем многообразии его функциональной динамики. Здесь требуется многократное увеличение скорости актов рефлексивного осознания происходящего и расширение горизонтов, обеспечивающих «сшивание» фиксируемых и проективных планов бытия. В целом эмерджентные эффекты оцениваются как инновационные, указывающие, с одной стороны, на многообразие степеней свободы, а с другой, на уязвимость допущений о полностью управляемых событиях. На наш взгляд, контекст цифровой цивилизации увеличивает рискогенный потенциал эмерджентности в силу того, что в поле взаимодействий вступают новые игроки – интеллектуальные си-

стемы со свойственными им ускоренными темпоральными режимами. И, как метко сказал С. Лем: «быстрые системы быстро ошибаются» [Лем, 2003, с. 550–551].

Проблематичность современного существования требует осмысления «движения в сложности», что на сегодняшний день стало уже достаточно привычной повесткой рассмотрения. В выводах Э. Морена сложность современного мира описывается так: «беспорядок и порядок смешиваются, вызывают друг к другу, нуждаются друг в друге, состязаются друг с другом, противоречат друг другу. Этот диалог осуществляется в необыкновенной великой игре взаимодействий, превращений, организаций, где каждый работает за себя, каждый за всех, все против одного, все против всего» [Морен, 2013, с. 14]. Вместе с тем, следует иметь в виду, что и индивидуальная активность включает в себя все возможные, в том числе и незавершенные, неуспешные и частичные попытки трансформаций, взятые во всей их параллельности, взаимосвязанности и сложности [Меськов, Мамченко, 2010]. Поэтому поставленная цель может расходиться со своими результатами и сопровождаться «веером» различных, в том числе и негативных последствий.

Обратим внимание и на столь часто и повсеместно наблюдаемый **«обратный эффект»**, который имеет своим основанием, как утверждал французский социолог Р. Будон, эгоистический принцип взаимодействия одного человека с другим. «Обратный эффект» иллюстрируется ситуацией, когда индивид поступает, руководствуясь лишь своими эгоистическими целями, не сообразуясь с интересами других, в результате же получается нечто, что противостоит исходным интересам всех» [Boudon, 1977, р. 202–203]. И оказывается, что человек в своей жизнедеятельности должен быть готов к ситуации «обратного эффекта», понимая, что он сам своим эгоистическими действиями его и производит. Это может быть воспринято как призыв к перестройке всех поведенческих стратегий и совместных действий людей с ориентацией на высокие идеалы подлинной человечности. Ибо вибрации эгоизма, агрессии и зависти столь ощутимы, что деформируют не только конфигурации индивидуального

бытия, выступая существенной преградой личностному развитию, но и антропосфере всей жизни.

К значимым инструментам, предоставляющим возможности анализа современного существования с учетом их цифровой трансформации, относится фрактальность и рекурсивность. Концепт фрактальность акцентирует свойство самоподобия, показывая, что часть в состоянии предстать репрезентантом целого. В контексте поставленной проблемы фрактальность обосновывает возможность по отдельному поступку предположительно выявлять общую направленность смыслового поля регуляции. Рекурсивность указывает на естественную необходимость сопряжения внутреннего и внешнего, при котором происходит осознаваемое наблюдение ситуации при одновременном конструировании ее смысла [Аршинов, 2015, с. 86].

Традиционно, речь велась о многофакторной детерминации смысложизненной рефлексии, включающей в себя полюс субъектности: внутреннего мира человека, его задатков, способностей и предпочтений (вплоть до гендерной и акмеологической специфики), и, конечно же, зависимость от онтологии той или иной жизненной ситуации, характеризующей бытие человека и конкретно-исторические условия эпохи. Современная постнеклассическая методология выявила очень важный системный эффект, который, будучи привлеченным к анализу смысложизненной рефлексии, высвечивает весьма интересные особенности. А именно, любой нормально функционирующей системе свойственен уход от возрастания меры хаотизации и стремление минимизировать энтропию. Причем, если первоначально предполагалось, что энтропия как хаотизация свидетельствует о безостановочном соскальзывании системы к состоянию, лишенному какой бы то ни было организации, то И. Пригожину удалось сформулировать теорему о минимуме производства энтропии. Из этой теоремы следует, что, когда граничные условия мешают системе перейти в состояние равновесия, она делает лучшее из того, что ей остается – переходит в состояние энтропии, настолько близкое к состоянию равновесия, насколько

это позволяют существующие обстоятельства. Иными словами, минимальный рост энтропии как стремление к наименьшей из всех прочих степеней хаотизации – одна из существенных эволюционных особенностей [Пригожин, Стенгерс, 1989, с. 193].

На первый взгляд кажется, что эти теоретически загроможденные положения весьма далеки от непосредственного анализа смысложизненной рефлексии. Тем не менее они дают общее понимание того, что любой системе в ее функционировании свойственно стремление к параметрам порядка, воспроизводящим, прежде всего, характерный для неё тип саморегуляции. Эти методологические выкладки показывают, что система не будет метаться, беспорядочно меняя траектории своего функционирования, общей тенденцией окажутся ее пробы функционирования и взаимодействия с минимальным производством энтропии.

Обратим внимание на важный фактор **взаимодействия**, которое оценивается как «*cause finalis*» – т. е. конечная причина любого изменения и развития. Оно вплетено в цепь причинно-следственных связей и отношений и конституирует тип самопроявлений системы. Сопрягая внутренне-субъектное с внешне-реальным, взаимодействие позволяет провести некое тестирование сложившейся ситуации, определить потребность ее трансформирования, обрести смысловую определенность конфигураций проекта будущего. Если взаимодействие, проявляется как непринужденная активность, то оно выводит субъекта на «след свободы» и позволяет преодолеть самозамкнутость. Понимание взаимодействия как процесса опредмечивания и объективации внутренних интенций, значимых целей и намерений индивида указывает на актуальный жизнеобразующий вектор его существования, своеобразный «коридор», обозначающий жизненный маршрут.

Продолжая методологический «поход», тем не менее отметим, что интенсивность смысложизненной рефлексии, обусловленная взаимодействием, вбирает в себя вибрационные характеристики любого психо-ментального состояния. Здесь небезынтересно обратиться к размышлениям С. Хоружего, который опирается на извест-

ный с древности путь – «сведение ума в сердце», когда ум «прекращает быть головной активностью, внешней по отношению к сердцу» [Хоружий, 1989, с.107]. Ум вместо того, чтобы рассматривать сердце извне, присоединяется к его работе. При этом происходит смена всех умственных энергий, т. е. желанная «умоперемена». «Сцепка умственных и душевных энергий (куда возможно подключить и энергии телесные) обладает известной прочностью и устойчивостью» [там же, с.108]. Автор подчеркивает, что это «специфическая операция! Для ее осуществления необходимо внимание, способность концентрации и интроспекции, внутреннего самонаблюдения и самоконтроля...» [там же, с.107]. Таким образом, к специфическим условиям, способствующим смысложизненной рефлексии и определению смысложизненных ориентаций, привлечены не только феномены внимания, концентрации, интроспекции, но и совокупная работа ума и сердца. С одной стороны, выбор, самоконтроль, внимание, и с другой, – фокус предпочтений, свобода воли и мотивация – вот, что влияет на характер и избирательную направленность самопроявлений и самореализации индивида, отливаясь в ее смысложизненные ориентации.

Если привлечь **телеологический аспект** смысложизненного выбора, указывающий на значение целеполагания, то важно отметить, что именно энергия целеориентиров порождает способы самореализации, а масштабная цель проявляет себя как **аттрактор**, привлекающий в сферу своего притяжения многообразные элементы и подчиняющий стремлению к достижению цели все промежуточные состояния. Интенсивность цели выступает как своеобразный «тип саморегуляции». Значимая цель организует активность личности в сопряжении с ценностно-целевыми установками, что свидетельствует о необходимости формулировать смысложизненную идею, заключающую в себе высокий гуманитарный смысл.

Таким образом названный методологический инструментальный предоставляет дополнительные возможности анализа современного существования и концептуализации современной смысложизненной рефлексии и смысложизненных ориентаций.

Глава 2. Многообразные грани смысложизненной рефлексии

2.1. Не оставлять «без присмотра свое бытие»

Как удачно подметил в свое время Д. Леонтьев, **категория смысла** указывает, прежде всего, на действие, которое сопровождается мыслью. По мнению В. Налимова, именно смысл является организующим началом человека [Налимов, 2013]. Личности свойственно стремление к смыслу. И как полагают исследователи, «смыслы могут «передаваться» из головы в голову, подобно вещам, переходящим из рук в руки. Сам факт встречи когда-либо с тем или иным смысловым содержанием обеспечивает беспрепятственное тиражирование последнего по всему пространству наблюдателей (непрерывность «я мыслю»)» [Свирский, 2001, с. 46]. Вместе с тем, смысл жизни обладает некоей личностной автономией и сформированное представление о смысле жизни способствует осуществлению выбора, инициирующего тот или иной поступок, деятельностный акт или же пребывание в зоне бездействия. Это позволяет говорить, помимо побуждающей и направляющей функций, еще и о функции субъективизации, имманентно встроенной в смысл жизни, которая базируется на личностном фундаменте и личностном потенциале. Кредо Р. Декарта: «мыслю, следовательно, существую» [Декарт, 1953, с. 33] показывает фундаментальное значение смысла для человеческого существования на все времена и для всех народов.

Концептуально-теоретическое исследование смысложизненной проблематики и поиск ответа на вопрос, насколько смысложизненная рефлексия «управляет нашими практиками», предполагает включение в круг значимых понятий (помимо смысложизненной рефлексии), еще и совокупность близких концептов, таких как: **смысловые регуляции и регулятивы, смысложизненное самоопределение, смысложизненные ориентации, а также смысложизненный поиск и смысложизненный выбор.** Это взаимодополняющие понятия, и несмотря на семантическую

родственность, экспликация их содержательного объема способствует детальному прояснению векторов трансформаций смысло-жизненной рефлексии.

На наш взгляд, **смысловая регуляция** является системообразующим элементом человеческой жизнедеятельности и понимается как целостный акт, определяющий направленность поведенческих и коммуникативных практик, их ценностно-целевое преломление в отношении к действительности. При общей тенденции, привязывающей регулятивные модели к типичным социокультурным образцам, (что дает возможность оценить человека как прагматика, обывателя либо глубоко мыслящего интеллектуала), смысловые регуляции «сращены» с субъектом и позволяют ему выстраивать индивидуальные траектории свой жизнедеятельности. Важной характеристикой смысловой регуляции является ее программирующее влияние. Общим и базовым основанием смысловых регуляций является потребность. Однако способ ее удовлетворения конституируется типом смысловой регуляции, включающим в себя в свернутом виде то или иное понимание причинно-следственных связей, возможный проект действий и нацеленность на ожидаемые результаты. Смысловые регуляции сокращают амплитуду выборов субъекта и могут быть опосредованы культурными нарративами, сопровождающими жизненную историю и становление индивида.

Регулятивы в их отличие от регуляций, вбирая в себя совокупность смыслов, определяющих практические, теоретические или управленческие действия, относятся не к объектам, с которыми субъект взаимодействует, а к тем операциям, которые он осуществляет над объектами. Здесь фокус внимания перемещается на средства деятельности. В свое время М. Каган, особо подчеркивал именно отнесенность регулятивов к операциям, которые человек осуществляет над объектами, и к способам осуществления этих операций [Каган, 1997, с. 141]. Регулятивы показывают, как должно строиться человеческому поведению, они сопровождаются правилами, выраженными в вербальной форме. Так, например, врачи, давая клятву Гиппократу, принимают принцип «не навреди» как

базовый регулятив, ставший строгой детерминантой профессиональной деятельности медиков.

Смысложизненные ориентации тесно связаны с оценочным восприятием прошлого, настоящего и будущего. Базируясь на учете достижений человека, и опираясь на ресурсы той или иной личности, смысложизненные ориентации принимают во многом индивидуализированные формы. Они свидетельствуют об уровне личностной зрелости и самодетерминации индивида в системе взаимодействия «человек – жизненная среда». В гуманитарной методологии хорошо зарекомендовал себя тест «Смысложизненные ориентации» по методике Д.А. Леонтьева, который позволяет оценить «источник» смысла жизни, который может быть найден человеком либо в будущем (цели), либо в настоящем (процесс) или прошлом (результат), либо во всех трех составляющих жизни [URL: <https://psycabi.net/testy/256-test-smyslozhiznennye-orientatsii-metodika-szho-d-a-leontev>]. Эмпирический анализ показывает, что смысложизненные ориентации могут проявляться весьма и весьма разнообразно. Помимо ориентаций на творчество и активную деятельность, они могут включать в себя как эстетический вектор – например, стремление к красоте и сохранение красоты; валеологический вектор – сохранение здоровья, гедонистический – состоящий в достижении удовольствия. Нельзя игнорировать и вектор карьерного роста, и стремления к власти. Хотя для избранного меньшинства людей путь самосовершенствования и жизнь ради близких составляет главный ориентир существования.

Концепт **смысложизненный поиск** указывает на то, что понимание смысла жизни не дается в готовом виде, но является продуктом внутренней активности человека. Этот процесс распадается на две противоположные ипостаси: дискретность и континуальность. Дискретность спроецирована на значимые смыслы конкретных этапов и периодов жизни, в том числе возрастных и гендерных. Континуальность показывает, что поиск смысла жизни – это процесс его обретения в единой линии жизни человека, это «сквозной процесс», опирающийся на вехи жизненного пути. Жизнь нельзя построить по чужому сценарию, а смыслу невозможно научить, его

нельзя преподать. Смысл должен быть самостоятельно найден с опорой на фактор мотивации как на своеобразный «навигатор».

На наш взгляд, для разумного человека вектор, задаваемый «навигатором» смысложизненного поиска, указывает на магистральное направление построения жизни на полюсе подлинной человечности и в соответствии со стремлением к самоосуществлению. В ситуации, когда смысложизненный поиск приобретает **интровертную направленность**, обращен к глубинам внутреннего мира, «великая гармония» достигается посредством колоссальной внутренней работы по гармонизации мира внутреннего. Происходит подмена вовлеченности индивида в обстоятельства внешнего характера активностью интериоризованной, направленной вовнутрь. Вместе с тем, этому мировидению противостоит установка на обретение смысла в борьбе за жизненные ресурсы. Тогда смысложизненные поиски связываются с экономической целесообразностью, окрашиваются соревновательными стратегиями, стимулирующей стремление к победе агональностью и подпитываются неискаемой потребностью в достижении успеха.

Смысловое самоопределение человека базируется на принятии и усвоении определенного мировоззрения, ценностной системы, норм и установок с последующим нахождением баланса между осознанием своих субъективных качеств и общественных требований. Оно предполагает «погружение», «вживание», «вчувствование» в ситуации своего времени и не является константной характеристикой. Смысловое самоопределение подвержено коррекции и может трансформироваться в зависимости от включения личности в те или иные отношения, изменения жизненных стратегий, принадлежности к тем или иным стратам, особенно в связи с поляризацией общества. Следует иметь в виду, что смысловое самоопределение личности, строго ориентированной на достижение поставленной цели, порождает эффект сужения интереса к жизненным событиям и уменьшения эмоционального отклика на них.

Смысложизненный выбор соотносится с построением жизненного пути в соответствии с предполагаемым смыслом в его дис-

кретном (краткосрочном, рассчитанном на этапы и периоды), и континуальном (долгосрочном) значениях. Он свидетельствует о том, что человек выступает субъектом собственной жизни, регулирует ход жизненного процесса, освобождая его от случайных импульсов. Он позволяет прерывать стимульно-реактивные взаимодействия, «рабскую» зависимость от собственных влечений, подчинить прихоти и страсти магистрали смысложизненного выбора. Можно сказать, что смысложизненный выбор выполняет роль своеобразной причины, которая порождает следствия. Однако при этом, фиксируется своеобразная амбивалентность, с одной стороны, приверженность к смыслу своей жизни необходима, но с другой, полная в нем растворенность превращает субъекта в средство для его осуществления. И получается, что собственная концепция смысла жизни нуждается в некоем отделении и дистанцировании, в постоянной работе по осмыслению. Это отлично улавливается фольклором, запечатлевшим максимум: «ничто человеческое нам не чуждо», и показывает, что при анализе смысложизненного выбора никуда не деться от диалектики возможного и действительного, необходимого и случайного, автономии и социальной обусловленности.

Можно согласиться с выводом К.В. Карпинского относительно того, что «смысложизненный выбор, который сделан под «диктовку» внешних обстоятельств, социальных ожиданий, ситуативных желаний и эмоций, чреват негативными последствиями для здоровья, адаптации и развития личности» [Карпинский, 2012, с. 18]. Отсюда правомерно заключение, что смысложизненный выбор – это не только стратегическая линия, проходящая через всю жизнь человека, подчиняющая его поступки и поведение, но одновременно и выбор себя самого. Выбор человека в значении агента миропорядка должен согласовываться с реализацией морального закона. И поскольку данный концепт обсуждается в тональности этического должностования, то мотивирующей силой любого поступка должно стать «золотое правило» – поступай по отношению к другому так, как приемлемо поступать по отношению к тебе.

Рефлексивность в самых общих коннотациях указывает на состояние, когда люди размышляют о своем положении, своей роли,

месте и предназначении в контексте эпохи и сложившихся жизненных обстоятельств собственного существования. С логико-методологической точки зрения рефлексивный подход означает некое **челночное движение** к исходным предпосылкам, условиям и причинам того или иного явления или состояния. В свое время применительно к контексту философии науки В.С. Степин подчеркивал, что «рефлексия направлена на осмысление ценностно-целевых структур научного познания и их социокультурной обусловленности» [Степин, 2015, с. 526]. Для рефлексизирующего человека сигналы, поступающие извне, от внешней среды, касающиеся острых проблем современного существования, являются весьма чувствительными, а для общества запрос на рефлексии над целями, причем не в их изолированной направленности, а в купе с ценностями очень актуален.

Однако в зону рефлексивности попадает не только стремление размышлять о проблемах мира, общества и науки, но и способность к самосовершенствованию, стремление определять и осмысливать свои желания, намерения и цели. Результаты своих размышлений рефлексизирующие субъекты учитывают в своем поведении, взаимодействии с другими людьми и общественными структурами, в принятии важных решений. Не случайно выдающийся отечественный ученый С.Л. Рубинштейн оценивал значение осознанности как капитальный факт в структуре сущего, он подчеркивал, что осознающий – значит как-то охватывающий все бытие, созерцанием его постигающий, в него проникающий, это часть, охватывающая целое [Рубинштейн, 2003]. Это приводит к пониманию значимости совершенствования сознания и ценностей разума.

Очевидно, что состояние рефлексивности не может быть ни навязано, ни запрограммировано и вряд ли оно возникнет по принуждению. Рефлексия предполагает нацеленность сознания на действия, ситуации и отношения, в которые вступает человек. Она оперирует такими мыслительными моделями, в которых действительность считывается, раскрывается и вновь на нее проецируется. Работа рефлексии связана с осмыслением ценности собственной жизни и судьбы человечества. Рефлексия образует значимый жизнеобразующий вектор, который может быть истолкован как канал

«выхода в бытие», предлагающее иное существование. Можно заключить, что рефлексия выступает в качестве своего рода несущей конструкции, в которой содержится явный элемент «начала» – источника нового, проект перехода к иному типу бытия. Оборачиваясь на смыслы, обозначенные историей, вычерпывая их содержание и соотнося с реалиями человеческой жизни, рефлексия порождает активность индивида, способную на сопротивление тотальному духу неопределенности. Стремления человека-разумного должны сохранить за собой статус базового основания человеческого существования. В силу этого в процессы современного технологического развития должны быть изначально встроены приоритеты рефлексивного осмысления его многообразных последствий.

Тем не менее связь рефлексии и осознанности в контексте адаптации к цифровой среде в современном академическом дискурсе отзывается иным определением сознания человека. Сознание предлагается понимать как интегральную модель мира и самого себя, отвечающую требованию максимальной вероятности для заданных условий и позволяющую действовать на эти условия [Величковский, 2012, с. 54]. В этом определении сознания ни о самосознании и самооценке, ни о целеполагании, саморегуляции и смысложизненный рефлексии речи не ведется. В то время как «расчеловечивание» человека силами технологий должно быть остановлено скрепляющей мощью сознания, направленного на увеличение именно рефлексивного жизнеосмысляющего слоя [Лешкевич, 2018]. Прав Д.В. Иванов утверждая, что человек обладает особым знанием о данностях своего сознания – знанием, полученным из перспективы первого лица [Иванов, 2016]. Философская рефлексия не ограничивает смысл пределами того или иного конкретного акта или разового действия, она представляет его как нечто объединяющее, длящееся и всепроникающее. В этом можно усмотреть метафизическую трансцендентность смысла человеческого существования, где смысл становится идеальной сущностью, превосходящей телесность вещей. Явный и скрытый, глубинный и поверхностный – эти модальности смысла указывают на наличие основания, стремящегося к воплощению.

И хотя поиски смысла человеческого существования захватывают масштабные ментальные пространства и широко распространены в философской, психологической и художественной литературе, они, как правило, мало концептуализированы и не отлиты в те или иные действующие императивы. На наш взгляд, **ядром смысложизненной рефлексии** является идея **«самовоплощенного существования»** человека. Смысложизненная рефлексия обусловлена внутренними устремлениями человека, подпитываемыми ощущением своего предназначения, она не растворяется в свойствах и отношениях, проявляющихся в наличном бытии, а направлена на поиски констант человеческой жизни. Её обращенность к глубинам и особенностям внутреннего мира сопрягается с эпохальными изменениями мира внешнего. Таким образом, смысл разворачивается в секущей плоскости трансцендентного и имманентного. В то время как стихия жизненного процесса предстает во многом как сфера неопределенности, смысложизненная рефлексия нацелена на самореализацию человека, на то, чтобы привносить целевые и ценностные ориентиры в многообразные жизненные коллизии, сделать осознанным выбор и наполнять жизненные практики проявлениями подлинно человеческих качеств.

Важно подчеркнуть, что смысложизненная рефлексия не есть логоцентристское предприятие, она переживается, улавливая внутренние позывы сознания. В симфонизме образования смысла участвует информация, поставляемая всеми органами чувств. Очевидно и то, что проблематика смысложизненной рефлексии наиболее стойко ограждена от инъекций сциентизма. Смысложизненная рефлексия свидетельствует о сдвиге логоцентристских приоритетов к горизонтам целостного чувственно-духовного существования во всем многообразии человеческого отношения к миру. Она порождает энергию освобождения от умственного угнетения и «стучится в дверь» и лишает покоя, когда критическая масса событий, противоречий, недоразумений, запутанных конфигураций жизненного пути встречается нас повсеместно, а рассогласование целей и первоначальных намерений с результатами и последствиями, прочувствовано и пережито.

2.2. Маркеры смысложизненного поиска и расширительные коннотации смысла жизни

Многие современные авторы стремятся к расширительным коннотациям смысла жизни, другие же пытаются связать смысложизненные поиски с тем или иным конкретным маркером. Так, L. James обсуждает значение **активности**, которая направлена на внутренние и внешние блага и наполняет жизнь смыслом [James, 2010]. Здесь, на наш взгляд, уместны некоторые дополнения, указывающие на смыслообразующий потенциал как самого процесса, в данном случае активности, так и на его персонифицирующую проекцию, т. е. субъекта. Так, если концепт «смысл жизни» указывает на энергично заряженный, порождающий сущностные взаимодействия источник человеческой созидательной деятельности, то, видимо, следует обратить пристальное внимание на мощное смыслообразующее влияние, которое оказывает харизматическая личность, (вспомним феномен пассионарности, о котором писал Л. Гумилев, и который указывает на исключительный энергоемкий потенциал пассионариев). Позиция А. Богданова, обнаруживающая значение персоны, «выходящей из ряда», и поименованной им латинским термином «эгрессия» – (буквально означающим «выхожде-ние из ряда») – не столь популярна [Богданов, 1989, с.101]. И, тем не менее, человек как носитель энергии и вибраций всегда представлял фактором, воздействующим на окружающую его как субъектную, так и внесубъектную реальность. И сложная корреляция реальности и ее восприятия всегда упиралась в проблему качественной «распаковки» смыслов существования.

Другой, бросающийся в глаза маркер смысложизненного поиска, средоточие которого в обращении к постоянно текущим ситуациям и их преобразовании, в извлечении возможностей из настоящего, в намерении сделать выбор, принять решение, исходя из того, что представляется ценным, рассматривает А. Лангле [Лэнгле, 2004]. Такому подходу близка трактовка, связанная с пониманием смысла жизни как вечного **самосовершенствования** и самораз-

вития с опорой на теорию ценностей [Metz, 2013]. Облик совершенного человека дополняется важным качеством – человеколюбия, где личностью движет подлинная человечность и альтруистичность. Человек должен любить и в равной степени уделять внимание другим, как и себе. По мнению D. Boonin, из всего многообразия смысложизненных установок следует выделить перспективы, связанные с душевными качествами, душевно ориентированные перспективы, необходимые для справедливой и осмысленной жизни [Boonin, 2012]. Тем самым фиксируется этико-практическая наполненность концепта смысл жизни.

В контексте практически ориентированной философии смысл жизни воспринимается в значении «искусства жить». Амплитуда трактовок этого понятия «искусства жить» огромная, от банальных радостей, до жизнеобразующих алгоритмов: семья, работа, дети, дом, друзья и пр. На наш взгляд, здесь полезен совет Цицерона: «Надо быть свободным от каких бы то ни было душевных треволнений – как от страсти и страха, так и от огорчений, наслаждения для души и гнева, чтобы достичь душевного спокойствия и безмятежности, приносящих нам как стойкость, так и чувство собственного достоинства» [Цицерон, 1993, с.75].

Весьма конкретное решение проблемы смысла жизни усматривается в позиции, связывающей подлинный смысл жизни с **поиском истины**, служением истине, свидетельствующем о подлинном предназначении человека. Поскольку само предназначение человека во многом акт интуитивный, то достаточно часто представления о смысле жизни оборачивались верой людей в **судьбу**. А если проинтерпретировать суждение П. Чаадаева, который уверен, что русский человек всю жизнь «только и делает, что ищет, чему бы подчиниться», что «перед человеческим разумом стоит только один вопрос: знать – чему он должен подчиниться» [Чаадаев, 1991, с. 357], тогда смысл жизни следует искать в подчинении.

Другое, индивидуальное измерение смысла жизни как альтернатива «смысловой пустоте» предстает в виде **субъективной оценки** прожитой жизни, оценки достижений человека в их соот-

ветствии первоначальным намерениям. В. Франкл в широко известной работе с примечательным названием «Человек в поисках смысла» утверждал, что смысл есть потребность, которую нужно реализовать. В качестве конкретного проявления смысла жизни Франкл полагал феномен счастья. Достижение цели изобретает причину для счастья, и «если есть причина для счастья, счастье вытекает из нее автоматически и спонтанно» [Франкл, 1990, с. 56]. Более того, Франкл был уверен, что жизненный смысл должен быть единым и в период благополучной жизни, и в страдании, и в смерти [там же, с. 240].

Реестр конкретных ответов на вопрос, в чем смысл жизни, которые содержат в себе стремление к выделению «Я» как автономно существующей единицы, можно продолжать и далее. Несомненно то, что смысл неотделим от существования человека, проявления его таланта, умений и способностей, (что близко понятию самоосуществление и самореализация); а также то, что смысл воспринимается как **эмоционально приемлемая цель**, которая и объективно целесообразна, и субъективно утверждена. Обретший смысл будет вести себя так, словно «он сам себе закон», – эта образная и емкая фраза производит неизгладимое впечатление.

Вместе с тем, в тематике, спроецированной на смыслы и смысловосферу личности, присутствуют предельно **широкие коннотации** смысла жизни. Они возникают, исходя из следующих оснований. Во-первых, если смысл жизни рассматривать в отношении существования всего человеческого рода. В этом случае содержание смысла жизни связывается с эволюцией человечества, с формированием человеческого сознания. В общецивилизационном измерении смысл жизни устремлен к поддержанию справедливого мирового порядка, уменьшению социальной энтропии, созданию ненасильственного общественного устройства. Все чаще звучат голоса об острой необходимости решения глобальных проблем современности, что свидетельствует о надындивидуальном бытии смысла, о том, что смысл человеческой жизни направлен на то, чтобы оправдать само человеческое существование – существование в модусе «**быть человеком**».

Во-вторых, предельно широкая постановка вопроса о смысле жизни ставится в контексте понимания конечности человеческого существования, причем, как отдельного индивида, так и всего человеческого рода. Сквозь призму отношения людей к смерти высвечивает их отношение к жизни и радостям земного существования, показывая, что человеку следует дорожить отведенным ему временем. Важно подчеркнуть, что осмысленность жизненного пути принадлежит этой реальности и не может быть редуцирована к потусторонним целям. Здесь смысл жизни обретает новое значение, сфокусированное на наследии личности.

В-третьих, в сферу предельно широких коннотаций смысла жизни входят религиозные коннотации, отождествляющие смысл человеческой жизни со служением Богу, его познанием и исканием. В них заключены попытки выделить вечный смысл жизни, который является верным во все времена и для всех людей. И, как то утверждал Августин Блаженный, только духовный отец может помочь человеку отыскать истинный смысл жизни, когда же человек живет «по человеку», а не по Богу, он подобен дьяволу» [Августин, 2016, с. 8]. В высшем напряжении деятельной любви к Богу, человек должен вести борьбу против темных сил. Человек падший и человек божественный, добрый и злой, светлый и темный, благородный и низкий – вот бинарии, иницирующие мысль в поисках разрешения извечной загадки смысла человеческого существования. Важно подчеркнуть, что «монотеизм предлагает путь обретения смысла собственного существования через внутреннее преображение на пути единения с Богом» [Шрейдер, 2001, с. 576].

Любопытны уточнения предельно широкой трактовки смысла жизни в контексте русской философской традиции. Так, Вл. Соловьев в известном предисловии, названном «Нравственный смысл жизни в его предварительном понятии», подводит к пониманию того, что «смысл жизни не может совпадать с произвольными и изменчивыми требованиями каждой из бесчисленных особей человеческого рода» [Соловьев, 1990. с. 85]. Не сводим смысл в жизни и к ее эстетической стороне. «Всемирный смысл жизни, или внутрен-

няя связь отдельных единиц с великим целым, не может быть выдумана нами, она дана от века» [там же, с. 88]. Вл. Соловьев приходит к выводу, что «смысл жизни заключается в ее добре...» [там же, с. 88].

Е.Н. Трубецкой видит смысл жизни в соединении божественного и человеческого, он утверждает, что смысл постигается «Мировым оком» и связан с «безусловным сознанием», о котором свидетельствует совесть. Гермами на пути смысложизненного поиска являются: чувства, интуиция, эмоциональная сфера, первые сигнализирующая о правильности выбранного пути. Для Е.Н. Трубецкого, «вера в смысл жизни неразрывно связана с верой в человека, как носителя этого смысла, в безусловное, царственное достоинство человека» [Трубецкой, 1994, с. 61].

Вместе с тем, **рациональный анализ** концепта «смысл жизни» имеет своим результатом некую **тавтологию**. Смысл жизни оказывается смыслом, заключенным в самой жизни, а, следовательно, смысл жизни в том, чтобы жить. Таким образом, поиски смысла жизни становятся имманентны самому жизненному процессу. В пучине обстоятельств человек оказывается смыслопорождающим и смыслоизвлекающим существом. А, следовательно, смысл жизни – это не только искомое проектируемое свойство, но и субстанциональное. Смыслополагание в результате осознанных действий воплощается в действительность. Из всего многообразия проявлений человек выбирает лишь то, что связано с его самоосуществлением, находится в фокусе его сознания. Он сам задает конфигурацию своих поступков. Важность правильного действия уподобляется попаданию в цель, в связи с чем, необходимо думать об уместности и своевременности поступка в перспективе гуманистического мироотношения.

Сопоставляя имеющиеся подходы, мы предлагаем оценивать смысл жизни как важнейший экзистенциал, указывающий на самовоплощенное существование, выступающее внутренней потребностью человека. Смысл противостоит бессмыслице, он связан с интенсивной работой сознания, направленной на его обнаружение, нуждается в понимании и выговоренности, опоре на разум. Как

справедливо отмечает Н. Лобковиц, на поверхности оказывается, что смысл – это то, что мы как люди делаем, где Я конституирует самую себя. Образно выражаясь, смысл «не бросает на произвол судьбы» свое бытие [Лобковиц, 1999, с. 349].

Вряд ли можно представить смысложизненную проблему исключительно как нарративную, сведенную к историям. По большей части она связана с проработкой внутреннего опыта, глубинами внутреннего мира. Смысл жизни воспринимается как нечто сугубо личное, интимное, опирающееся, однако, на незыблемое основополагание, которое и позволяет понять смысл как спроецированный на Я-всеобщее. А, следовательно, субстанционально понимаемый смысл человеческой жизни, изначально связан с сущностным измерением, это некая данность Я-бытия – «сущее через себя». Субстанциональное измерение смысла исходит не от индивидуального субъекта и его самовосприятия, здесь поиск смысла жизни – это попытка проникнуть в тайну человеческой миссии.

Диалектика единичного и всеобщего позволяет говорить о том, что смысл проглядывает в спрессованном виде во всех формах поведения человека, просматривается в его суждениях и решениях. Имматериальный по существу, он материализуется в делах и поступках. И по логике вещей все, совершаемое человеком, должно исходить и соответствовать схваченному в фокусе осознания смыслу его жизни.

Однако несмотря на то, что постижение смысла жизни является внутренним и неотъемлемым стремлением каждой личности, акт смыслопостижения не отличается **прозрачностью**. Возникают чрезвычайно значимые, но не нашедшие ответа вопросы, как например, вопрос о возрастании качественности смысла персонального бытия, проблема демаркации совершенного смысла жизни от несовершенного? И насколько смысложизненная рефлексия должна быть в соответствии только с внутренним планом бытия или она находится под прессом внешних обстоятельств, испытывая на себе давление извне идущих сил и тенденций?

2.3. Смысложизненная рефлексия – ретроспектива и значение фигуры Другого

Философский анализ смысложизненной рефлексии позволяет выявить ее особенности. Во-первых, как уже было сказано, рефлексия следует понимать как «челночное движение» мышления, обращенное к выявлению исходных предпосылок с последующим проецированием их содержания на ось настоящего. Важен акт обращения Я на самое себя, результаты собственной деятельности, обстоятельства жизненного пути, межличностные отношения. Во-вторых, смысложизненная рефлексия, не останавливаясь на расшифровке генезиса события, распространяет свое влияние на последствия и ситуационное значение всего событийного ряда. Значимыми объективациями мышления являются те, которые не только расшифровывают коды настоящего, но и содержат в себе смысловую инвестицию в будущее. В-третьих, рефлексия, внося ценностные и целевые коррективы, предполагает переориентацию действий и осмысливает результаты происходящих изменений в человекоразмерной перспективе. Таким образом, рефлексивная модель смысложизненных регуляций не является пассивной, в ней присутствует **активность**, согласно которой важно не просто размышлять, но предпринимать усилия, полагающие выход за пределы заданных обстоятельств. Стремление «быть человеком разумным» связано с исходящей отсюда интенцией к самонормированию, обогащенному целостным пониманием человека в его предметно-деятельностном и духовном измерениях.

Человек рефлексирующий становится «субъектом – дарителем смысла». Это позволяет заключить, что рефлексивная модель личностно ориентирована и свидетельствует о мере разумности человека. Она нацелена на то, чтобы приносить ценностно-целевые ориентиры в многообразные жизненные коллизии, делать осознанным выбор индивида, наполнять жизненные практики проявлениями подлинно человеческих качеств.

Следует отметить, что при исследовании данной проблемы эвристически верно использовать **рефлексию-ретроспективу**, позволяющую сопоставить смысловые регуляции в рамках восточной мудрости и античности. В первом направлении мы обнаруживаем актуальный ответ, который опирается на конфуцианскую формулу: «люби семью», «люби людей», «люби все твари». Этим выражен императив, которому должен следовать индивид. Во втором, обнаруживается иной универсальный императив, присутствующий в античной доктрине «Золотой Середины» и меры во всем. Обращаясь к античной **«доктрине Середины»**, (что правомерно, так как античность мыслится колыбелью европейской цивилизации), мы встречаемся с императивом, требующим меры во всем, постулирующим, что мера – это золотая середина [Аристотель, 1983, с.703]. А, следовательно, античность оставляет нам в наследство вывод, что мера во всем и есть та золотая середина, которой должен руководствоваться человек во всех своих проявлениях, и это составляет смысл жизненного пути. В поисках смысложизненных ориентиров обращает на себя внимание и другой совет Аристотеля: «Три вещи мы избираем и трех избегаем, – пишет он, – первые три – это прекрасное, полезное и доставляющее удовольствие, а вторые противоположны этому – постыдное, вредное, доставляющее страдание [там же, с.82]. Смысложизненный каркас существования человека основывается на его добродетелях, и в этом прослеживается взаимосвязь смысла жизни и образа жизни.

Архиважный императив смысложизненной рефлексии сформулирован вопросом И. Канта: «Совместим ли тот или иной поступок с идеей человечества как цели самой по себе?» [Кант, 1965, с.277]. Человек – это цель, и, чтобы каждодневное существование человека наполнить смыслом, оно должно отвечать достойному образу жизни и мыслей. При этом важно понять, что достоинства человека – это его внутренняя ценность, свидетельствующая о личном, персональном смысле существования, но которая обращена вовне и проявлена с очевидностью. Кант совершенно справедливо полагал, что эмпирическая часть этики могла бы называться практической антропологией, которая максимально приближена к

реальному бытию человека. Смысложизненная рефлексия способствует добровольному самоподчинению нравственному закону, а отсутствие смысла жизни часто проявляется именно в «нехватке» Другого.

Отталкиваясь от вывода С.Л. Рубинштейна, настаивающего на том, что «специфика человеческого способа существования заключается в мере соотношения самоопределения и определения другим (условиями, обстоятельствами)» [Рубинштейн, 1973, с. 261], подчеркнем следующее. На наш взгляд, зоны подпитки процесса смысложизненной рефлексии связаны не только с актом «отнесения к ценности», но и со значимостью достижений человека в перспективе **Другого и Других**. Выступая как «вызов», Другой во многом побуждает к интенсивным размышлениям о собственных достоинствах и предназначении, обнаруживает очевидную несамодостаточность Я и запускает механизм самопреобразования.

Фундаментальная потребность в Другом обусловлена многими факторами. Другой выступает в качестве возможности и «площадки» для собственной самопрезентации и самореализации. Он дополняет и расширяет жизненный и ментальный миры. Признает необходимость открытости Я для воплощения индивидуального жизненного проекта. Деятельная общность с Другим расширяет границы автономного существования Я, обогащает жизненные практики новыми смыслообразующими слоями. Не случайно Г. В. Ф. Гегель, в отношении Другого говорил: «свое иное», т. е. свое, но иное или иное, но свое.

Смыслополагание в соотнесении с персоной Другого – достаточно специфическая грань проблемы смысложизненной рефлексии. Ее историко-философская проекция указывает на целый ряд весьма значимых и интересных находок, среди которых особый интерес вызывает концепция Э. Гуссерля. Согласно размышлениям Гуссерля, Другой не может быть объектом сущности, он вне первопорядкового (primordial) мира Я. Как данность Другой присутствует в восприятии, но обитает в следующем за первопорядковым слоем объективности. Первopядковое Я во многом конституирует Другого, «придает ему смысл», «мнит», «полагает» Другого. Я как

первопорядковая сущность всегда остается самим собой, оно суверенно, автономно и независимо, полагая смыслы в своей душе.

Чтобы понять смыслодеятельность Я, необходимо учесть его многослойность и полифонию. Я-эмпирическое понимается как самоочевидность переживания, поток переживаний. В отличие от него Я-монадическое как раз и является **смыслонесущим** центром. Я-эйдетическое есть некая общая форма и чтойность, без которой Я не может существовать как Я. И, наконец, Я-трансцендентальное – это Я, очищенное от личных качеств [Гуссерль, 2010]. Таким образом, Гуссерль, обосновывая многослойность Я и его хорошо различимые формообразования, имеющие порой заверченный вид, выявляет **смыслонесущий** центр Я. Другой, образно говоря, может как бы «плыть вместе» со мной, может перенять все смыслы моего Я, стать его некоей модификацией со своим собственным стилем подтверждения.

Полифоничность концепции Э. Гуссерля оттеняет позиция М. Хайдеггера, для которого истинная общность с Другим, в конечном счете, невозможна [Хайдеггер, 2005]. Иными словами, положена непреодолимая граница между Я и Другим, Другой открыт только проживанию (бытию). Я сам – это мое личное существование, мое «бытие-в-мире». Для Я важен процесс обретения собственного бытия, некоего уникального Dasein. А для того, чтобы возникла ситуация со-бытия, (т. е. совместного бытия), по Хайдеггеру, необходима «затейливость», которая увлекает Я и Другого одним потоком.

Заметим, что введенное Хайдеггером многозначное понятие «das Man» означает безличного, лишеного самоидентификации Другого или Других, которые анонимны, взаимозаменяемы и равнозначны. Я не желает погружаться в обезличенный мир существования лишенных самости Других. Для Я важна спонтанность и свобода, собственный жизненный проект Dasein. Однако область «das Man» – это еще и область жестких регламентаций, ограничивающих самостоятельность личности, препятствующих возможности следовать «зову бытия». В конечном счете, это ведет к «потере себя».

Тем самым Хайдеггером поднимается острейшая проблема подлинного и неподлинного присутствия в мире, имеющая непосредственное отношение к смысложизненной рефлексии.

В отличие от Хайдеггера, Ж.-П. Сартр полагает, что встреча с Другим только в столкновении, поэтому суть отношений Я – Другой есть противоборство. Другой – источник опасности, виновник несвободы Я. Он всегда готов к атаке. Отношения Я – Другой ассиметрично, и «бытие с» Другим – это всегда проблема. Другой есть радикальное отрицание Я, он вносит элементы дезинтеграции в собственный универсум Я. Он символизирует собой опасность «попасть в ловушку». Взгляд Другого постигает и оценивает меня, тем самым мои возможности ускользают к Другому. Происходит отчуждение возможностей, и Я престаёт быть хозяином ситуации. Поскольку под взглядом Другого Я становится всего лишь пространственно-временным объектом, ситуации «глаза в глаза», т. е. встреча с Другим невозможна. Сартр усиливает противостояние Другого суждением, что Другой «относится в принципе к феноменам, расположенным вне всякого возможного для меня опыта» [Сартр, 2000, с. 252].

В «Логике смысла» Ж. Делез радикально расходится с вводами Ж.-П. Сартра, предлагая рассматривать смысл в логике парадоксов. Это парадокс регресса к тому, что подразумевается; парадокс раздвоения, где «смысл осуществляет приостановку» [Делез, 2011, с. 48]; парадокс нейтральности; парадокс модальности и парадокс абсурда. Делез уверен: «смысл безразличен к универсальному и единичному, общему и частному, личному и коллективному, а также к утверждению и отрицанию, и так далее» [там же, с. 52]. При этом у Делеза можно встретиться с трактовкой смысла, как того, что проявляется «на поверхности», имеет поверхностный эффект, лишенный глубины, высоты и трансцендентности. Событие и есть смысл как таковой. Форма бытия смысла не укоренена в ментальности Я, не сводятся к личным верованиям, универсальным и общим понятиям. Я находит себя на дне Другого, собирая себя и разворачивая смысловое поле. Но при этом автор подтверждает возможность глубинной связи между логикой смысла, этикой, нравственностью и моралью [там же, с. 40].

Трудно не согласиться с П. Рикером, который переносит акцент на коммуникативный план отношений Я и Другой и сопровождающие этот акт ментальные состояния. Автор весьма убедительно показывал, что «ограниченность моего положения и моей информированности, моих встреч, круга моего чтения заранее очерчивает конечную перспективу моего постижения истины» [Рикер, 2002, с. 68], а следовательно, и возможность осмысления подлинности выбранной жизненной стратегии. Рикер уверен, что осмысление напрямую связано с повествованием и поправкой на то, что «я могу рассказать о себе» [Рикер, 2008, с. 26]. Он оценивает крайне негативно существование, вынуждающее субъекта пребывать в условиях скрытности, невозможности оглашения «суждений первостепенной важности». При объяснении смыслообразования особым значением наделяется концепт «направленности ожидания», и именно дружба и любовь образуют нечто вроде социальных каналов, по которым идет душевный обмен в частной жизни [Рикер, 2002, с. 125].

Экзистенциальным опосредованием между Я и Другим, согласно Рикеру, выступает симпатия, «управляющая нашими практиками». Осознает то субъект или нет, но симпатия сквозит в речи и действиях, истолковывается как начало «интеллектуального приближения», как «вовлеченное мышление» или изначальная близость к объекту. Она способствует признанию, перерастающему в человеческую взаимность. Симпатию можно оценить как механизм преодоления ментальных границ. Другой значим, он участвует в конституировании жизненного смысла. Практики Другого указывают на его способ присутствия в моем бытии, репертуар его поведенческих реакций влияет на мой строй мировосприятия и мое месторасположение. Для возникновения эффекта осмысленности, по Рикеру, большое значение имеют состояния непринужденности, согласия, милосердия, «даро-приношения», которые добавляют значимый и новый оттенок смыслообразования. Автор уверен, что мы все чаще и чаще надеемся на настоящую встречу и ищем теплоту и душевность подлинных личных контактов по ту сторону труда и социальных обязательств...» [Рикер, 2002, с. 124].

Принципиально иная грань смыслополагания, граница которой ощутима лишь в одиночестве, прописана Э. Левинасом. Одиночество возникает вследствие лишенности Других. Однако, Я есмь монада, и именно благодаря моему акту-существования у меня нет ни окон, ни дверей. Поэтому, характеризуя существование индивида, Левинас задается вопросом: может ли сущий вступить в отношение с другим так, чтобы другое не раздавило его? И отвечает, что «проблема сохранности Я в трансцендировании» [Левинас, 1998, с. 78]. Он отмечает, что отнесенность к Другому, встреча с Другим лицом к лицу – одновременно открывающая и скрывающая. Сущностная другость прикрыты приличиями. Множественность не допускает слияние в единство. Другой познается в сопереживании как мое другое я, как *alter ego* ... Выводом, гласящим: «Другое, взятое на себя, есть Другой» [там же, с. 79], Левинас подчеркивает внеположенность и объективную ипостась Другого. «Присутствие будущего в настоящем определяется лицом к лицу с другим» [там же, с. 80]. Тем самым и само будущее, по Левинасу, получает свои конфигурации через Другого, что подчеркивает непреходящую значимость отношений между людьми.

Таким образом, полифония воззрений на проблему Я и Другой делает ее открытой для поисков и постижения новых граней смыслообразования. Смысложизненная рефлексия, выступающая в модус рефлексии–ретроспективы, позволяет интегрировать потенциал философской мудрости, выявить явные и скрытые императивы, содержащиеся в рефлексивной модели смысловой регуляции.

Глава 3. Векторы трансформации смысложизненной рефлексии

3.1. Смыслосфера повседневно-обыденных регуляций

Размышления по поводу, могут ли смысловые регуляции повседневности быть причислены к основополагающему слою смыс-

ложизненной рефлексии, представляет собой поле дискуссий. Разделяя оценку А. Щюца, закрепляющего за миром повседневного существования статус «верховой» и «первопорядковой реальности», программирующим воздействиям **повседневных регуляций необходимо присвоить весомое значение.** Однако, понимая всю мощь и влияние цифровой детерминации, ограниченность паттернов традиционного доцифрового обыденно-повседневного существования представляется очевидной. В нынешних условиях действие прежних традиционных механизмов недостаточно, затруднено или отменено, и речь идет о резкой переориентации способов регулирования и координации человеческой деятельности. Человечеству, образно говоря, вручен «цифровой ключ», которым заперто пространство человеческого существования. Не случайно цифровую эру называют эпохой программ, во многом не соответствующих традиционным характеристикам повседневного-обыденного существования.

Какие же характерные особенности свойственны модели повседневного-обыденной смысловой регуляции? Во-первых, к их числу следует причислить обладающее привычным постоянством целеполагание, когда все вращается вокруг насущных ежедневных потребностей, варьируемых лишь с незначительными изменениями. Эти последовательности воспроизводят набор материальных запросов, опираются на стереотипы, традиции, образцы жизненного опыта и характеризуются слабо отрефлексированными схемами. Обобщение не идет дальше суммирования известных примеров, тяготеет к формам непосредственного *наивного* непонимания. Здесь, если воспользоваться словарем М.К. Петрова, значимы все основанные на привычке навыки, все виды автоматизации. Важна сопричастность и ориентация на сохранение целостности, «самодовлеющая связь стабильности» [Петров, 1992, с. 42]. Во-вторых, обыденная «самопонятность» повседневного существования связана с тем, что с необходимостью включает в себя режимы трудовой деятельности, отдыха и свободного общения. Они предстают как элементарные, но завершённые смысловые единства. Смысловые регуляции повседневности нацеливают на решение первостепенных

насуточных задач: обустройство быта, будничные акты потребления, заботы о материальном благополучии. Суть «обыденной самопонятности» в том, что она опирается на готовые образцы, устоявшиеся правила, набор типичных приоритетов, которые обладают «привычностью», сохраняются в схожих обстоятельствах и всегда располагают ответом на вопрос: «Что делать?» Постоянная рутинная череда дел и забот поглощает индивида, ввергая его в пучину прекращающегося только со смертью круговорота. Пребывая по большей части в до-рефлексивном, безрефлексивном или не сопряженном с высокой степенью рефлексии состоянии, повседневные практики не оставляют люфта для полета духа. Считается, что источник подлинного смысла жизни находится за пределами повседневности.

В-третьих, следует особо подчеркнуть, что именно **стереотипы** выступают регуляторами повседневного поведения и выполняют роль формообразующих конфигураторов повседневного существования. Являясь устойчивыми образованиями, стереотипы предстают как упрощенные, эмоционально окрашенные образы-схемы, которые оказывают «нормативное давление». Они во многом определяют программы ближайших практических действий. При этом распространяются и на групповые представления, транслируя принятые и закрепившиеся стандарты жизнедеятельности. Акты порицания или одобрения выполняют миссию подкрепления или разрушения сложившихся стереотипов.

Рутинность повседневности – это «болевое место» этого типа практик» [Лешкевич, 2014, с. 60]. Иными словами, обыватель не мучает себя размышлениями о смысле жизни, а если такие интенции закрадываются в его повседневное существование, то они корректируются семейно-родовым самосознанием, ориентированным на семью и потомков. И здесь как никогда подходит максима конфуцианства: «люби семью», «люби людей», «люби все твари».

Действительно, вслед за А. Шюцем, обыденно–повседневное существование можно определить как «первопорядковую» реальность развертывания бытия человека, содержащую в себе совокупность элементарных завершённых представлений о жизни и обес-

печивающую первичные связи с миром. Онтологическим основанием паттернов обыденно–повседневного существования выступает характерная бытовая цикличность, связь повторяющихся моментов природной и человеческой жизни. Это хорошо иллюстрируется словами В. Розанова, «если это лето – чистить ягоды и варить варенье; если зима – пить с этим вареньем чай» [URL: https://lawbooks.news/istoriya-jurnalistiki_852/rozanov-tsikla-embrianyi.html]. Время сфокусировано на типичных бытовых ситуациях и эпизодах, а пространство центрируется вокруг понятия «домашний очаг», во многом определяющее самоформирование индивида. Дают о себе знать механизмы ролевого подчинения, дисциплинарные практики, основанные на мерах поощрения и наказания, которые, как правило, представляют собой сочетание «кнута и пряника». Схемы домашнего ритуала составляют ядро устойчивости, они активно отрицают или избегают всякого внешнего вмешательства, внешнего регулирования сложившихся в рамках «домашнего ритуала» отношений. Данная модель характеризуется стабильностью и имеет иммунитет против давления случайного опыта. Стабильность предстает как значимая ценность. Мы солидарны с выводом М.К. Петрова, обнаруживающим, что стабильность «мыслится как особые состояния объекта, в которых процессы регулирования возникают только как ответные реакции на нарушение этих состояний и направлены к их восстановлению по отрицательной обратной связи» [Петров, 1992, с. 22].

В силу того, что смысловые регулятивы отождествлены со стереотипами и обычаями, запретами и позволениями, их характеризует уверенность в унифицированном, интерсубъективном понимании событий и действий. Мир в глазах «человека повседневности» представляется подобным тому, каким он должен являться и для Другого.

«Человек повседневности», которого часто именуют «среднестатистическим индивидом», предстает как обыватель с «ожидаемым сходным опытом», который не настроен на интенсивные внутренние преобразования. Он ведет свою приватную жизнь, его дей-

ствия и стремления, как правило, отвечают здравому смыслу, а активность направлена на то, чтобы культивировать рациональность, нацеленную на достижение обыденных благ. События общественно-политической жизни наделяются значением лишь в связи с их отношением к событиям частной жизни. А события приватной жизни не подлежат публичному и всенародному разглашению и разнообразным формам самоопубликования.

Именно события приватной жизни, обладая огромной жизненной силой, демонстрируют зависимость человека от повседневных нужд и забот. Даже если субъект стремится преодолеть ограничения обыденности, он не может быть свободен от неё. Приватная жизнь по природе своей закрыта. М. Бахтин образно и в очень мрачных тонах охарактеризовал эту жизнь: «Быт – это преисподняя, могила, где и солнце не светит, и звездного неба нет. Поэтому быт здесь дается как изнанка подлинной жизни» [Бахтин, 1975]. Серая зона повседневности, а также сравнение повседневности с миром «нор и складок» – становятся базовыми метафорами при ее описании. И хотя обыденный дискурс и состоит из разнородных фрагментов, а обыденная мысль опирается на явления, логикой не охватываемые (предрассудки, рутинные образцы действий, предзнаменования), особое значение в нем отведено экономической тематике. В ней присутствует своя повседневная рациональность, поддерживающая совместимые формы прагматического поведения. Максимы обыденности часто заслуживают критического отношения. В них не стоит искать утонченных смыслообразований, служения высоким идеалам. Индивид конструирует новые смыслы, которые, однако, не выходят за рамки обыденного и повседневного существования. Здесь новые смыслы имеют черты сходства и становятся переинтерпретацией того, что уже задавалось и провозглашалось ценностями повседневности, скорее всего, вследствие удачных актов коммуникации или под влиянием потребностей. О смысловых регуляциях повседневности, которые «вращаются в воронке обыденности» можно сказать, что в них перетасовывается, присваивается, переинтерпретируется опыт типического.

К типичным смысловым ориентациям повседневности относится размеренное существование, некая умеренность или «серединность», а также неистребимое стремление к комфорту. Смысл обретает поверхностный эффект адаптации к реальности с поправкой на погружение в локально-региональные этнические измерения. В пространстве повседневности смысловые регулятивы во многом зависят от биографического и индивидуального разрешения системы противоречий. На вопрос стремится ли человек повседневности к социальному признанию, или он побеждает в себе авантурный дух и склонен к растворению в будничной повседневности, напрашивается принятие второго. Однако, обратим внимание на вывод М. Серто, указывающего на то, что в повседневности также имеют место импровизация, «уловки», «процедуры повседневной изобретательности» тех, кого «обычно считают обреченными на пассивность» [Серто, 2013]. А следовательно, для повседневной модели характерна бытовая креативность, нарушающая ритм повторений типического.

Обратим внимание, что с точки зрения традиционных оценочных формул повседневность лишена весомого интеллектуально потенциала, ментальности повседневности не все доступно, не все понятно. Отметим, что в дигитальном мире эту, во многом квази рефлексивную и объяснительную функцию берут на себя масс медиа, задавая, а чаще навязывая фреймы понимания ситуации. Можно констатировать, что при этом уровень рефлексии замещается интенсивностью инфомесседжей, сопровождаемых эмоциональной на них реакцией, одобрением, негодованием, удивлением и пр. В связи с чем исследователи отмечают, что «задача рецепции шока беспредельно возросла, благодаря масс медийному расширению наших чувств» [Большц, 2015, с. 167].

3.2. Цифровой поворот и технологическое расщепление смысловых регуляций повседневности

Но если смыслообразующие регуляции обыденного в целом направлены против нового как некоего отклонения, и демонстрируют его отторжение, а иногда и активное подавление, то цифровой поворот ориентирует на другое. Он предполагает постоянное обновление программ, в связи с чем происходит срыв старых и возникает острая потребность перехода к новым «навыко-образующим формам». Это требует как психологической переориентировки, так и освоения внешних семиотических опор. Тем самым фиксирует некий эффект несовместимости модели повседневно-обыденного существования и запросов цифровой среды. Тем не менее, человеческая активность все больше перемещается в трехмерные виртуальные миры, наполненные остротой ощущений, визуальных и эмоциональных удовольствий. И задаваясь вопросом, какие коррекции вносит цифровая среда в мир повседневного существования, обратим внимание на следующие соотношения.

Если обыденно-повседневная модель смысловой регуляции сталкивается с многочисленными границами, то Интернет, выполняя функции иллюзорного их преодоления, предлагает своеобразную открытость информационного пространства. Добавим и то, что в период пандемии Интернет-программы воспроизводит себя во все новых и новых формах повседневных практик, которые не нуждаются в непосредственной материально-физической локализации, материально-вещественных артефактах. Так программы, обслуживающие онлайн обучение, создают как виртуальное пространство школьного класса, так и вузовской аудитории или онлайн конференции. Интенсивное развитие цифрового мира ведет к расширению привычных границ повседневности, к сдвигу рутинных нормативных границ обыденного существования. Режим вовлеченности может быть различным, бесспорным остается то, что благодаря Интернету в повседневную жизнь встраиваются многочисленные события, которые ранее оказались бы незамеченными и лишенными

значения. Внедрение в мир повседневности многочисленных цифровых интерфейсов ведет к размыванию границы между офлайн и онлайн средой.

Поскольку в цифровую эру ценность потребления медиа-контента становится ощутимым приоритетом, и в практики повседневности в качестве их неотъемлемого компонента встраивается регулярное просматривание контента, предлагаемого социальными сетями и интернет каналами, то можно зафиксировать несколько сопутствующих эффектов. Во-первых, это эффект «калейдоскопичного» образа мира, который «собирается», наполняясь каждый раз все новыми и новыми значениями. Во-вторых, это эффект фрагментарности, когда повседневность, переставая быть единой и монолитной, свидетельствует о неустойчивости паттернов приватной жизни. Различные локусы и селективные выборки информации обуславливают индивидуальные различия в образе мира и делают уже невозможным общее о нем представление с характерной унифицирующей репликацией.

В-третьих, это эффект разрушения стабильности и преодоление закрытости повседневной реальности. В цифровой перспективе она предстает как постоянно трансформирующаяся, динамичная и хаотомная. В-четвертых, поскольку масштабная цифровизация навязывает продолжительное блуждание по Сети, то даже для обывателя становится актуальным выбор между пассивным восприятием транслируемого контента и активной ролью просьюмера – т. е. создателя собственного пользовательского контента. В первом случае особое значение приобретает «узнавание собственного опыта в новой форме материала» [Больш, 2015, с. 164]. Во втором, происходит конструирование новых форм опыта, что на самом деле не снимает проблему утраты собственного «Я» или его расщепления на симулятивный и реальный образы.

Иллюстрируя первый выбор, можно воспользоваться словами М. Маклюэна, уверяющего, что «для разумных существ заново видеть или узнавать свой опыт в новой материальной форме – высшая радость в жизни. Опыт, переведенный в новое средство коммуника-

ции, дарит чарующее возвращение прежнего переживания, в самом буквальном смысле» [Маклюэн, 2003, с. 240–241]. Для него важна идея расширения опыта и нервной системы человека на основе симуляций Медиа. На наш взгляд, ключевым здесь оказывается сфера переживаний, вызванная распрямлением поданной информации и свидетельствующая о типологической схожести внешних, достаточно далеких обстоятельств, реалиям индивидуального существования.

Соотнося этот вывод с актуальными ситуациями на примере удаленного доступа и онлайн обучения, обратим внимание на актуальную информацию о том, что «студенты Гарвардского университета и Массачусетский технологического института подали иск против администрации США в связи с изменением политики выдачи студенческих виз». Это произвело большое впечатление на очень широкий круг людей как в статусе преподавателей, студентов, родителей, руководителей образовательных учреждений, так и всех здравомыслящих личностей, эту информацию воспринявших. «Иностранные студенты теперь могут утратить свой легальный статус, если их учебное заведение не будет проводить занятий в зданиях факультетов этой осенью. Иностранные студенты, поступившие в американские университеты по визе F-1, могут лишиться визового статуса в случае, если программа их обучения полностью переведена в онлайн-режим. Чтобы сохранить свой визовый статус, студенты должны перевестись в университет, предлагающий очное обучение, или покинуть страну». Гарвард и МТИ подали иск против ужесточения правил выдачи студенческих виз, но ряд стран закрыли свои границы на фоне пандемии [URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/mit-and-harvard-sue-trump-administration/5495644.html>]. Такая информация, нашедшая отклик у многочисленных слоев, охваченных сферой образования, преподавания и обучения, как студентов, так и преподавателей, расширяет амплитуду всех аналогов предшествующего опыта и порождает гамму волнений, переживаний, обсуждений, игнорируя далекие расстояния от непосредственного места событий. Действительно в современных условиях человек, активно вписываясь в онлайн-культуру, во многом исключает

или вынужден исключить ситуацию «лицом к лицу» (т. е. офлайн контакт), столь характерную для доцифровой повседневности.

Настоящее, стремительно принимающее социотехнологические конфигурации, с очевидностью демонстрирует **технологическое «расщепление» повседневности**. В связи с чем происходит и своеобразная «пересборка» самого концепта «повседневность». Технологическое расщепление повседневности осуществляется по линии наличия интернет-оборудования, цифровых устройств, доступа к Сети. О технологическом расщеплении повседневности свидетельствует ситуация, когда принципиально иной набор ставших жизненно важными цифровых навыков способствует активному пребыванию в интернет-пространстве, отторгая всех тех, кто этими навыками не владеет. Это несет собой «эффект разложения сопричастности» домашнему очагу и задает новую форму неравенства. Вместе с тем, дистанция между стремительным разбегом современной цифровой цивилизации и личным навыком каждого индивида принципиально непроходима. Пока человек прикован к месту подле компьютера, находясь в условиях «информационного заочения», технологии осуществляют все новые и новые стремительные рывки.

Восприятие человека цифровой повседневности опосредовано тем, насколько агрессивно и масштабно технологии репрезентируют мир. При этом анализ глобальных цифровых досуговых «общих благ» показывает, что «не все соцсети имеют одинаковое влияние и зону власти. Фейсбук и Твиттер, к примеру, представляют собой виртуальные командные центры цифровой эпохи» [Паяль, 2019, с. 90]. Другие, надо полагать, такой властью обладают в меньшей степени. Однако, новая максима цифровой повседневности указывает на то, что именно «доступ к технологиям означает и доступ к миру!» Таким образом, технологии становятся не только неотъемлемой частью повседневного существования, они оказываются медиатором, опосредующим восприятие мира, как такового. Человек, лишенный доступа к сети, теряет связь с современностью. Однако, если вести речь о базовом значении доступа, то нельзя

упускать из виду, что его конечной причиной является «способ, каким государство распределяет доступ к качественной цифровым инфраструктурам среди населения, предоставляя привилегии одним зонам в ущерб другим» [Паяль, 2019, с. 109]. Здесь также намечаются ареалы и зоны цифрового неравенства.

Технологическое расщепление повседневности происходит и на границе, которую можно образно обозначить метафорами **«лицом к лицу» vs «лицом в экран»**. Именно пандемия, заставившая страны и народы перейти на удаленный режим работы и учебы, четко конституировала эту новую форму взаимодействия людей, устремленных **«лицом к устройству»**. Такой режим во многом реформатировал все повседневное существование. Если в традиционной повседневности **«мы-отношения»**, как правило, осуществлялись **«глаза в глаза»**, то вынужденный новый тип отношений девальвировал значимость непосредственного физического взаимодействия. Он не только во многом заместил, но и вытеснил потребность реального взаимодействия. Цифровая репрезентация действительности девальвировала и значение пространства, столь значимое для традиционного мира повседневного-обыденного существования. Совершенно очевидно, что виртуальное соприсутствие совсем не означает совместного расположения в пространстве, напротив, соприсутствие **«лицом к устройству»**, расходясь пространственно, тем не менее сходятся во времени. А учитывая темпоральный аспект, а именно сколько времени обыватель проводит за экраном монитора и гаджета, можно говорить о некоей **«превращенной форме»** повседневности и своеобразном цифровом отчуждении в эпоху цифровых перемен.

Однако, следует отметить и то, что некоторые типичные черты повседневных практик **«проросли»** в цифровые. Так, например, из-за предлагаемых сервисами алгоритмизированных механизмов и в цифровой среде обнаруживается определенная стереотипность, столь свойственная доцифровой повседневности. Дает о себе знать и родственная повседневной повторяемости процедура визуального и коммуникативного тиражирования, которая переводит информа-

ционный посыл на язык видимых сообщений и рекомендаций. Более того, большая часть рекламной продукции, обращенная именно к массовому потребителю, свидетельствует о его роли в значении актора цифровой эпохи, который не может существовать без поддержки технологиями.

Своеобразной нормой повседневности стала необходимость справляться с информационной перегрузкой, отстраняться от мира информационного хаоса, защищаться от него, возводя спасительные конфигурации привычного закрытого мира доцифрового существования, даже если это состояние будет названо «комфортным оцепенением». Примечательно, что такой поворот предвидел М. Маклюэн, который в свое время писал: «Когда наша центральная нервная система расширяется и ставится под удар, мы вынуждены вводить ее в оцепенение, иначе мы умрем. Таким образом, эпоха тревоги и электрических средств является также эпохой бессознательного и апатии. Но, что удивительно, это вдобавок еще и эпоха осознания бессознательного» [Маклюэн, 2007, с. 59].

По всей вероятности, такая реакция нервной системы характерна и для вступившего в жизнь «поколения Z», социализация которого проходила в период высокотехнологической культуры [Голубинская, 2016]. Это «сетевое поколение» характеризуют избыточные цифровые связи, совершенные навыки быстрой обработки информации, большой опыт в работе с сетью Интернет и, как следствие, высокий уровень зависимости от цифровых технологий. Как отмечают исследователи, его защитная реакция на информационную перегрузку оборачивается «клиповым» мышлением [Старицина, 2018]. Многие отечественные исследователи, среди которых Ф.И. Гиренок, С.В. Докука, А.Н. Исаева и С.А. Малахова, В. Кошель и А. Сегал, Т.В. Семеновских и другие обращали внимание на острую актуальность изучения феномена клипового мышления, направленного на восприятие только отдельных «пазлов» действительности и не стремящегося к постижению взаимосвязей целого. Как известно, слово клип («clip») в переводе означает «отрезать», «отсекать». Но что же отсекает и обрезает клип, какую смысловую компоненту он уничтожает? Возможна ли и к чему ведет сборка

представленных клипами разрозненных фрагментов? Если клип-культуре удастся сохранить и передать значимые, смыслополагающие образы, то в этом случае налицо ускоренная обработка информации. А если фрагменты случайны и разрозненны, то современник вынужден жить, будучи погруженным в дискретную, разорванную и калейдоскопичную картину мира. Он свыкается с тем, что не существует причинно-следственных связей и зависимостей, нет целостного восприятия взаимодействий и логики развития, исчезла необходимость и обусловленность событий.

В свое время своеобразный приговор клип-культуре вынес Э. Тоффлер, подчеркивая, что «на личностном уровне нас осаждают и ослепляют противоречивыми и не относящимися к нам фрагментами образного ряда, которые выбивают почву из-под ног наших старых идей, обстреливают нас разорванными, лишенными смысла «клипами», мгновенными кадрами» [Тоффлер, 2009, с. 160]. Ф.И. Гиренок диагностировал клиповое мышление как монтаж. Оно не обобщает, а выдумывает [Гиренок, 2015]. Темпоральная кратковременность содержащегося в клипе сообщения, с одной стороны, и интенсивность его воздействия, с другой, порождают сиюминутный реактивный способ восприятия. Мышление «урывками» сопровождается стремительным реактивным откликом. Особой проблемой представляется то, что постоянное потребление клиповой продукции не ведет к удовлетворению данной потребности, а, напротив, порождает тягу ко все новому их потреблению, хотя условия интенсивных информационных перегрузок, в которых вынужден пребывать современник, способствуют появлению особого типа усталости, так называемому Интернет выгоранию. Это сопровождается массой валеологических деформаций, о которых свидетельствует не только отсутствие концентрации и рассеянность внимания, ментально-психологический стресс и раздражимость, но и физиологические расстройства.

Подчеркнем, что, согласно определению ВОЗ, здоровье – это такое состояние психического, физического и социального благополучия человека, в котором отсутствуют расстройства органов, функций и систем организма и обеспечена максимальная адаптивность.

Но если фокус внимания направлен именно на благополучие и максимальную адаптивность, то окутавшая человека Всемирная паутина всячески этому препятствует. Интенсивный и хаотический поток информации приводит к трудностям в переработке информации, принятии адекватных решений и ведет к дезориентации в жизненных ситуациях. В нормальном режиме мозг человека работает с учетом 5 %, а 95 % обеспечивают стабильное состояние нервной системы и всего организма в целом. Человек, поставленный в условия обработать, как можно больше разномастной информации, сталкивается с тем, что «мозг бунтует», а функции нервной системы нарушаются.

Эпоха цифры заставляет забыть о природе, действительном естественном мире, заменяя его компьютерной визуализацией. На место теряющей свое значение физической мускульной силы заступают тренировки по совершенствованию «цифровых навыков» и освоения новых IT- возможностей. Недостаток мелкой моторики, который очевиден при общении с компьютером, «погашается» сложностью трехмерных визуальных объектов и якобы компенсируется развитием образного мышления. А поскольку человеческое тело требует и физических движений, и физической нагрузки, а максима «движение есть жизнь» действительна для всех эпох, то ситуация обездвиживания может быть оценена как «новая зона риска». А, следовательно, вся привлекательность виртуальных транзакций оборачивается угрозой человеческому здоровью и его телесности. Вследствие компьютерных симуляций, снимающих противопоставление иллюзорности и реальности, человек может оказаться на пороге «пограничных ситуаций» смещения реального и иллюзорного. И оказывается, что в ситуации технологического расщепления повседневности на одной чаше весов информационные перегрузки, на другой, привлекательность предоставляемой Интернетом визуализации. Поэтому валеологическое измерение должно сопутствовать анализу всех трансформаций, вызванных цифровой средой.

Таким образом, коррекция смысловосферы повседневного существования в цифровой перспективе обусловлена расширением и открытостью доступа к инфопространству; размыванием границ

между офлайн и онлайн средой; появлением новых форм повседневных практик, которые не нуждаются в непосредственной материально-физической локализации, материально-вещественных артефактах; изменившимся эффектом «присутствия» человека в мире – а именно присутствия «лицом к экрану». Ценность потребления медиа контента, становясь повседневной потребностью и своеобразным приоритетом, обуславливает сдвиг всех нормативных рамок обыденного существования. Интернет, будучи «искусственным» технологическим артефактом, обретает статус естественного и постоянного запроса практик повседневности, что инициирует процесс «разложения сопричастности» домашнему очагу, который в доцифровой эпохе наделяется статусом ядра повседневного существования. При достижении предельной степени «сращенности» жизненного мира повседневности с цифровой средой, потребление сетевых ресурсов оттесняет поиск смысложизненных ориентаций в зону безрефлексивности. В целом повседневно-обыденную модель цифрового существования характеризует заниженный уровень персональной смысложизненной регуляции.

3.3. Смысловая регуляция в рамках прагматической модели

Анализируя паттерны прагматической смысловой регуляции, столь распространенной в наше время, следует задаться вопросом: можно ли усмотреть в них позитивные рефлексивные опоры? Если стать на точку зрения, что прагматического смысла жизни не существует, то активность и инициативность человека, стремящегося превратить рациональность в целесообразность, направленную на достижение полезного результата, ее опровергает. В семиосфере прагматики реальность воспринимается сквозь призму опыта успешных действий. Когда речь идет о практическом преобразовании мира, в этом уже можно усмотреть мотивы прагматизма. И если человек – «мера всех вещей», как утверждал еще Протагор, то его обустройство в мире должно соответствовать человекообразности, а, следовательно, мерой мира становится его полезность для человека.

Обсуждая философские основания паттернов прагматической регуляции следует подчеркнуть, что прагматизм, зарекомендовавший себя как влиятельное направление американской мысли, имеет этическую ветвь. К постулатам прагматизма относятся: упорство, доверие и согласие (или соглашение), о которых упоминают представители прагматизма на всех стадиях его развития. Важна оправданность действий и его практических приложений. Еще со времен Ч. Пирса ведущим стремлением прагматизма было избежать «отрыва от жизни», повернуться к решению жизненных проблем, разрабатывать планы действий, способствующие успешному функционированию в социальной среде. Особую значимость получают эмпирические наблюдения, направленные на учет реальных обстоятельств, обоснованные и доказуемые утверждения. Репрезентация фактов подкрепляется упорным стремлением в направлении достижения цели, осуществления намеченного плана действий. Поведенческие установки должны быть освобождены от парализующего их сомнения. Метафора «замок с подходящим к нему ключом» как нельзя кстати характеризует этот тип мировосприятия.

Следует подчеркнуть, что данная модель, обладая устойчивостью и жизненной силой, имеет иммунитет против экзистенциально-дезориентированных и рефлексивных погружений. Здесь важны действия практического порядка и вытекающие из них следствия. Как правило, прагматические паттерны смысловой регуляции содержат в себе специфические внутренние интенции, которые иллюстрируются различными формами. Например, как отмечают исследователи, У. Джеймс выделил два типа прагматического темперамента: «мягкий» и «жесткий» [Джохадзе, 2018, с. 233], в соответствии с которыми предпринимаются практические действия. Важно и то, что в моделях прагматического поведения различима структура, включающая в себя следующие компоненты: поиск слабого места или затруднения; формулировку проблемы; построение проекта, задающего направленность действий; сопоставление его с возможными альтернативными вариантами и само действие.

К числу особенностей паттернов прагматической регуляции можно отнести то, что в них царит каузальность, сопровождаемая

установками на получение практической пользы. К симптоматике «смысложизненного» прагматизма относится состояние удовлетворения как признак успешности действий, либо эмоционально ощущаемая нехватка благополучия. Ярким симптомом является и обыденный **дискурс**, детерминированный экономической проблематикой. Его особенностью является «игра в обмен доводами» с учетом их нормативной валидности. Для прагматической модели смысловой регуляции, системосозидающим компонентом которой является нацеленность на успешное практическое действие, ситуация **неопределенности** оказывается труднопереносимой.

Помещая паттерны прагматических регуляций в контекст смысложизненной рефлексии, становится понятно, что смыслопогружение замещается обладанием, и смысл обретает стремление извлечения пользы из любой ситуации и любого взаимодействия. Для социокультурных постулатов прагматизма характерна, во-первых, достаточно жесткая практическая детерминированность всех действий, и, во-вторых, ориентация не просто на получение выгоды, но на ее максимизацию. Паттерны прагматизма нацелены на то, чтобы «пересобрать» реальность под свои цели. В этом отношении иллюстративны новые формы просьюмеризма как «совместного создания благ», предполагающего взаимодействия в открытом цифровом контенте, совместную работу.

Поскольку в моделях прагматического поведения значение имеет выгода в ее привязке как к текущим задачам, так и на перспективу, негодование вызывают технологии, связанные с утечкой персональных данных. При этом стоит подчеркнуть, что этические и правовые ограничения отстают от развития цифровых технологий, подчиняющих человека алгоритмам, ограничивающим степень его свободы и креативности.

В современной мировоззренческой системе находит отражение двойственного отношения к прагматизму. Если прагматизм — это жизненная позиция, сфокусированная на практической пользе, то доминируют в ней не глубинные поиски смысла жизни и размышления об истине, добре и красоте, а расчет, стремление к вы-

годе, выбор кратчайших путей к успеху. Вряд ли речь пойдет о бескорыстной самоотдаче и милосердии, и это склоняет к негативной оценке прагматизма. Вместе с тем, косвенная апология прагматизма усматривается уже в первичной предпосылке материалистического понимания истории – необходимости удовлетворения нужных для жизни потребностей в пище, питье, жилище, одежде. Первым историческим актом названо «производство средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей, производство самой материальной жизни» [Маркс, Энгельс, 1955, с. 19]. И уже в самом пожелании благополучия, что является свидетельством высокой духовно-нравственной ступени развития человека, содержится скрытый мотив прагматизма, указывающий на ценность получения благ. Амбивалентность прагматизма проявляется и в том, что нацеленность на успешное практическое действие наполняет жизненный процесс достижательными и конкурентными сценариями собственной жизни, а иногда и агрессивной борьбой за получение максимальной выгоды. Это приводит к краху жизненных проектов, связанных с самореализацией задатков и способностей человека, того самовоплощенного существования, которое наполняет человеческую жизнь смыслом. Тем более, что поле стратегических возможностей развития находится за пределами прагматической модели, характеризуемой заниженным уровнем персональной смысло-жизненной рефлексии. Таким образом, ответ **прагматизма**, толкающий субъекта на путь получения выгоды, диктующий необходимость нарастить «социальные мускулы», обеспечить карьерное продвижение, «выжать из ситуации» все возможности, неверен. Он приводит к краху жизненных проектов, связанных с подлинным самоосуществлением. Противостояние таких смысловых регуляций как прагматизм и рефлексивность указывает на разбегающиеся векторы смысло-жизненных трансформаций, так как в рамках прагматической модели смысловой регуляции происходит характерное замещение смыслопогружения обладанием.

Глава 4. Адаптивность и дегуманистические обертоны смыслового самоопределения

Мы отталкиваемся от признания того факта, что в XXI веке система смысло-жизненных координат значительно трансформируется. Масштабная цифровизация, задающая новый вектор развития человеческой истории, естественно-исторического процесса, перераспределила приложение усилий и активности человека. В цифровой среде расширение опыта означает умение ориентироваться в виртуальном, в заданных цифровых алгоритмах. Сегодня, когда бытие демонстрирует свою небывалую сложность и информационную перегруженность, когда происходит всеобъемлющая «компьютеризация» человеческой жизни, становится очевидной острая и жизненно важная потребность вписаться в средовые факторы с целью адаптации к стремительно меняющимся условиям. Цифровая реальность, воспринимаемая как нечто данное, нарушает самоидентичность реальности. В силу того, что уход или дистанцирование от цифровой среды становится принципиально невозможным, а сетевой охват превышает возможности сопротивления каждого конкретного индивида, особую актуальность обретают механизмы «обживания» сложившейся ситуации. На переднем плане оказывается тип трансформаций с **целью адаптации**.

Обратим особое внимание на то, что понятие адаптация следует интерпретировать не просто в его примитивном значении, указывающем на приспособление. Процесс адаптации проявляет себя как свойство саморегулирующейся системы, состоящее в способности вписываться в изменяющиеся внешние условия и свидетельствующее о ее определенной жизнестойкости. Адаптация предполагает быстрое и адекватное реагирование на возникшие вызовы, позволяет системе обеспечить свое жизнеспособное функционирование. Современное значение адаптации объяснимо высокой турбулентностью цифровой среды, которая отменяет традиционные скрепляющие связи, реальный опыт и сложившиеся приспособительные реакции. В силу интенсивного развития цифровизации речь может идти об **ускоренной реакции** для выживания и тем

более для захвата или сохранения лидерства. И по логике вещей, радикальные изменения условий среды должны породить «сумасшедшие» когнитивные и биологические реакции.

Адаптация к цифровому миру сопряжена с теми или иными необходимыми смысловыми регуляциями. Но раз среда цифровая то, логично предположить, что адекватный ответ на ее вызовы будут состоять в том, чтобы «нарастить» цифровые компетенции. Ну а, если среда гибридная, с наложенными друг на друга онлайн-овыми и офлайн-овыми взаимодействиями, то здесь потребуется достаточно гибкая адаптация, включающая в себя некий симбиоз ориентаций. И хотя требование скорости реагирования выступает одним из основных, главным критерием здесь будет выступать показатель удовлетворенности или неудовлетворенности достигнутым состоянием.

Эффект адаптации к «упрямыми фактам» современности задает формы и алгоритмы существования человека в заданных обстоятельствах, объединяя и саму ситуацию, и находящегося в ней субъекта в купе с его эмоциональными и интеллектуальными переживаниями. И если проследить индивидуально-субъектный план адаптации, связанный с проблемой идеального, то высвечивается неожиданный эффект виртуальной адаптации, порождающей дополнительную энергию, инициативность и усилия по репрезентации тех или иных личностных предпочтений. Это, в свою очередь, может способствовать энергетической мобилизации и переходу от погружения в чувственно-сверхчувственный мир грез, надежд и несуществующего к определенным действиям в значении «аварийного разрешения ситуации» в реальности. Таким образом, в виртуальном моделировании можно усмотреть определенный индикатор, свидетельствующий о той или иной степени успешности адаптации. Виртуальные образы могут содержать в себе многообразные проекты выхода за пределы ограничивающих параметров сложившейся ситуации и в этом отношении, могут рассматриваться как определенное расширение смысловых зон. В качестве поисковой стратегии может быть задействована онтология воображения,

влияющая на формирование актуального бытия человека, захватывающая его наличное существование, но уходящих своими генетическими корнями в сферу виртуального.

Поскольку цифровая среда выводит человека за пределы эмпирического, речь может идти о возможностях **надэмпирической трансляции опыта**, которая вводит сознание индивида в мир отношений, актуализируемый посредством воображения. Надэмпирическая трансляция опыта обладает мощным ресурсом **эмоциональной «аргументации»** и позволяет соорудить особый канал воздействия на психо-ментальный строй личности. Обратим внимание, что человечеству известен способ проникновения во внутреннюю лабораторию сознания и духовного склада личности со стороны художественного образа, который предлагает внедриться в определенную смысловую сферу. Речь идет о проникновении в психо-ментальную сферу индивида тропами искусства. Человек получает опыт проживания тех многообразных ситуаций, в которых он не мог оказаться в силу объективной конечности своего бытия.

Это специфический аспект проблемы, который можно охарактеризовать, используя слова Деррида о «неприсутствующем присутствии», направлен на выявление новых обертонов смысла. Вместе с тем сокровищница произведений искусства всегда открыта тем, кто желает постичь человеческую индивидуальность, смысловые глубины внутреннего мира и движущие силы души. В компетенции искусства «вторжение» в психический строй человека, влияние на его мироощущение, ориентирование его сознания на те или иные ценности. Наделяя человека дополнительным объемом опыта, оно расширяет смысловой континуум его психосферы, выводя за границы стереотипов, пронизывающих реальное существование. Отражения мира посредством галереи личностно-эмоциональных художественных образов, предлагаемых искусством, сопряжено с их своеобразной суггестией – внушением психологически значимой информации. Посыл и импульс, спрятанный в переживании при восприятии высоко художественного произведения, приводит к становлению новых жизненных стратегий, актуализации качествен-

ных выборов, переосмыслению и переоценке предшествующего существования. Иными словами, искусство предлагает своеобразный «поход внутрь сознания» к смыслопостижению человека.

Надэмпирическая трансляция опыта снабжает человека запасом возможных вариантов ответа на вызовы, брошенные реальными обстоятельствами. Это «лаборатория» моделирования жизненных систем и смысложизненных стратегий, напрямую затрагивающая психо-энергетический уровень. Смысложизненная составляющая подается подлинными произведениями искусства наглядно, зримо, образно, и она постигается всем человеческим существом. Исследователи отмечают, что «в театральное переживание зрителя как раз заложена «тренировка» особого настраивающего аппарата, что позволяет воспринимать целостные миры на уровне добровольного вхождения, ощущения себя в этих мирах и мышления по их законам» [Левченко, 2012, с. 474]. Причем акт воссоздания или высвобождения смыслов происходит многократно.

Существует интересная гипотеза, согласно которой фундаментальные программы человеческого поведения в снятом виде воспроизводятся художественными сюжетами. Так, сюжеты об Орфее, Прометее, Одиссее, Фаусте и пр. тематизируют человеческий выбор и задают матрицы мироотношения. Исследователи, увлеченные психоанализом, видят в сюжетных линиях архитипически «повторяющиеся модели человеческого опыта». В этой связи встает проблема предрасположенности той или иной личности к тем или иным моделям человеческого поведения, ведущим к особой личностно-событийной онтологии. В ней происходит достраивание ментального мира индивида в той мере, в какой ему доступна смысловосфера художественного произведения. По мнению Е.Л. Файнберга, «суперфункцией» искусства является внедрение в сознание индивида норм и правил, которые не могут быть обоснованы логически, но жизненно необходимы для выживания человека [Файнберг, 1992]. Таким образом, запечатленный художественный образ являет собой концентрацию психоэмоциональных ресурсов человека. В образе присутствует уникальное сочетание определенности

и обобщенности, единичного и типического, спонтанного и закономерного. Внедренный в художественный образ смысл обладает своеобразной аттрактивной мощью, наделен силой притяжения, свидетельствует о духовном сопряжении стремлений человека с контекстом событийного пространства-времени. И поскольку художественный образ содержит в себе паттерны поведения, то его аттрактивная природа имеет ярко выраженную практико-поведенческую направленность, а выразительные возможности преодолевают эмоциональное равнодушие и противостоят обесцениванию слов.

Обратим внимание на интереснейший культурологический факт. Как отмечают специалисты, в древнеиндийской эстетике было зафиксировано девять основных эмоций: любовь, радость, удивление, печаль, недовольство, возмущение, и, наконец, умиротворение, возвышенное духовное состояние и отрешенность. В каждой эмоции различали 33 оттенка, а общий регистр чувств достигал 297 типов эмоционального отношения [Тюляев, 1968, с. 64]. Как правило, эта иерархия была поляризована, любовь сопровождает ненависть, счастье – горе, радость – уныние, восторг – разочарование. Художественно-психологическая интерпретация разворачивается в плоскости оппозиции «эпическое-лирическое», где первое уделяет внимание описанию событий, а второе – чувствам. Привлечь внимание, удержать внимание, переключить внимание на смыслы, содержащиеся в произведении – таковы «магические пассы» сферы художественного. Воссозданию картины жизненного мира человека вплоть до пограничных ситуаций способствуют оппозиции: гармония – дисгармония, прекрасное – безобразное, трагическое – комическое, реальное – фантастическое и пр. Своеобразной «встрече» полярных сознаний служит действенный прием гиперболизации, которому под силу воспроизвести и сферу человеческих патологий, бессознательные инстинкты, уродливые, низменные проявления человеческой природы, деструктивные стремления человеческой психики, тестирующие всю меру эмоционального нездоровья.

Особый интерес представляет возникновение особого состояния, получившего название «двуколейности переживаний», когда

стресс оказывается столь силен, что человек по-новому воспринимает моменты своей прошлой жизни как поток переживаний, сопровождающий непосредственно текущее настоящее. Прошлое перемещается в настоящее, вызывая сожаления и угрызения совести, сострадание и потрясение. В результате, смысловая сфера, порожденная произведением искусства, вызывает весомые трансформации во внутреннем мире «здесь и сейчас» живущего человека.

В порождении новых обертонов смысла большую роль играет **интонационная природа** образно-звукового восприятия действительности. Речевой сигнал как основополагающий вид сигналов обладает определенной высотностью, громкостью и тембром. Комплекс звуковых интонационных воздействий несет собой дополнительную значимую информацию и участвует в формировании смысла. Интонационная природа звука – это особый канал воздействия на психо-ментальный строй личности, она кодирует и поставляет особую эмоциональную информацию. За интонацией, которая маркирует быстро схватываемые и различимые оттенки смыслового потенциала, стоит реальность многообразия человеческих отношений, мир человеческих чувств. По-своему близко и неотъемлемо интонация связана с этническим и национальным духом, здесь в интонации сохраняется нечто устойчивое, свидетельствующее о психотипе этноса. Уникальность этнического – это модус существования культурного смысла. В этом тематическом ареале возникает самостоятельная проблема, предполагающая исследование соотношения интонации и смысла как взаимосвязанных, влияющих друг на друга компонентов воздействия, обуславливающих интенсивность переживаний.

Относятся ли все эти размышления к доцифровой эпохе или они универсально охватывают весь транслируемый цифрой контент, обладающий виртуальной природой? Отключает ли электронная культура зоны воображения, запрещая мыслить «в цифровом строю», или виртуальное сродни идеальному и также богато смысловыми напластованиями? Это вопросы, требующие особого междисциплинарного изучения. Однако адаптация к новой форме тех-

нологического бытия указывает на сужение зазора для размышлений, а происходящие сдвиги ведут к тому, что в социальную память интегрируются не импульсы гуманитарных и рефлексивных потребностей, а алгоритмы технологических взаимодействий. Причем, если ранее зоной взаимодействия считалась схема человек-персональный компьютер, то теперь отследить все многообразные варианты такого взаимодействия очень сложно: это и мобильные гаджеты, и системы типа «умный дом», которые структурируют наше личное пространство, и интерактивные системы, с которыми человек невольно взаимодействует, передвигаясь в транспорте и общественном пространстве, и голосовые помощники, и вживленные в тело человека микрочипы. Широкое распространение получил процесс коньюмеризации, направленный на широкое внедрение как в корпоративные системы, так и в приватный мир человека различного рода пользовательских устройств. Все большую обязательность приобретает виртуальный стиль потребительского поведения, вместе с которым множатся и виртуальные рабочие места, во многом ограничивающие возможности активного физического взаимодействия людей. И эта тенденция обременена негативными экзистенциальными последствиями, так как отсутствие возможности реального общения с окружающими людьми отрицательно сказывается на сущностной характеристике человека как существа социального. Причем растущая техно-зависимость – это не только наша зависимость от компьютерных технологий, но и зависимость этих технологий друг от друга, которая проявляется по мере усложнения их функций и увеличения автономности. Фиксируется некая «гипервзаимосвязанность» [Sellen, Rogers et al, 2009], которая требует новых и новых способов адаптации к существованию в дигитальном мире.

И поскольку цифровая эпоха реализует программы **экономоцентричного развития**, а ключевым основанием становится максимизация функции полезности, экономизация проявляет себя как своеобразная форма узурпации, которой по своей силе уступает даже политизация. Ее доминирование пагубно влияет на рефлекс-

сивные процессы, направленные на противопоставлении экономизации иным, гуманитарным приоритетам. Можно даже говорить об **анти-рефлексивной** природе экономизации, наполненной обманчивыми клише, стереотипами, рекламными слоганами. Экономоцентричная эпоха заставляет индивида стремиться «выгодно продать себя рынку» или «сдать себя в аренду». И совершенно справедливо З. Бауман критикует современность за торговлю «жизненными смыслами», подчеркивая, что «это самый конкурентоспособный из рынков», имеющий «предельную полезность», «спрос на который никогда не исчезнет» [Бауман, 2005]. Вместе с тем, следует констатировать, что для любых современных условий лозунг: «Адаптируйся или проиграешь!» свою актуальность не теряет.

Навязанная адаптация к доминирующей ценностной шкале цифровой эпохи ориентирована на манипулятивный сетевой охват. Современный человек оказывается в ситуации **тотального навязывания смыслов**, в связи с чем исследователи утверждают, что цифровизация общества побуждает воспринимать виртуальные миры как области, преобразующие конечные смыслы существования, и прежде всего деформации подвергается мир труда [Ollinaho, 2018]. Тем не менее, приоритетом современных смысловых ориентаций стало «широкое признание эффективности как конечной ценности, несмотря на то, что это может создать общество, в котором разрушены ранее сохранённые ценности...» [Huesemann and Huesemann, 2011, p. 113].

На вопросы – сводим ли смысл человеческой жизни к успешному освоению рыночных ниш? и можно ли отождествлять смысл всей жизни с погоней за выгодой в пределах того короткого отрезка времени, на который приходится жизнь конкретного человека? – мыслящий человек, не задумываясь, даст отрицательный ответ. Человек как представитель *Homo Sapiens* нуждается в отношениях, ориентирующих на воплощение высших, подлинно человеческих идеалов и ценностей, где есть милосердие, любовь, справедливость, отзывчивость и все то, что выходит за рамки сугубо прагматических, экономически выгодных целей. Для него важна сфера само-

реализации, глубина и свобода человеческого общения, самовоплощенное существование. Современные философы опровергают потребительский стиль жизни, подчеркивая, что в потреблении без самоосознания и корректного самопонимания люди находят поддельное счастье. Главной проблемой становится отсутствие рефлексии над жизнью, потеря настоящего измерения жизни. Исследователи подчеркивают, что наполнение человеческой жизни различного рода потребительскими благами, фальшивками и иллюзиями не достаточно для поиска трансценденций, таких, как смысл жизни [Cheng, 2008].

Гуманистические коннотации смыслового самоопределения личности состоят в осознании границ между сферой социальной энтропии, с одной стороны, и основанных на позитивных ценностях и целях способах существования человека, ориентированных на упорядоченность, целесообразность, самореализацию, с другой. Нам близка идея, что именно гуманистические установки могут выступить иницилирующим фактором смысложизненной рефлексии, критериями выбора смысла и путей его достижения при решении встающих перед личностью задач. **Экзистенциальной парадигме** смысложизненного выбора, направленной на определение качественной жизненной программы, противопоставлен ей процесс **экзистенциальной дезориентации**. В современной ситуации инфоцентричный мир, усиливая стрессогенные нагрузки и рост депрессивных расстройств, предлагает многообразные тому иллюстрации. Общей тенденцией является то, что в ситуации неопределенного и неравновесного мира происходит диффузия и утрата ощущения смысла существования. Примечательно, что исследователи вынуждены декларировать бессмысленность жизни от имени первого лица, т. е. имея в виду стрессы, абсурды, потерю мотивации и прочие условия собственной жизни [Oakley, 2010].

Дефицит смыслов и то, что В. Франкл называл «экзистенциальным вакуумом», предстает острейшей проблемой современности. Причем уже В. Франклу было очевидно, что на вопрос о смысле жизни человеку приходится ежедневно и ежечасно отвечать «не

словами, а действиями» [Франкл, 1990, с. 11]. И этот, безусловно, правильный вывод находит свое подтверждение у современных исследователей, которые показывают, что от ощущения бессмысленности больше страдают именно конформисты, уклоняющиеся от принятия решений и совершения выбора, предполагающего новые способы действий. С. Мадди констатирует: «потеря смысла – одно из вероятных проявлений конформизма» [Мадди, 2005, с. 95].

И если Л.Н. Толстой в своем автобиографическом произведении «Исповедь» показал, что потерю смысла жизни можно приравнять к смерти человека, то в нынешней ситуации выход видится в ином. В поисках положительного эмоционального фона, в попытках преодолеть давление окружающих обстоятельств человек осознанно или безотчетно стремится выстроить личную траекторию экзистенциального эскапизма – побега из некомфортной, информационно перегруженной, стрессогенной действительности. Если внешний порядок жизни оказывается тождественен состоянию хаоса, то сценарий побега приобретает значение спасительного выхода из сложившейся ситуации и к нему прибегает большинство.

Сейчас уже невозможно игнорировать ситуацию, состоящую в том, что компьютерные интеракции внедряются в пространство самоформирования индивида, демонстрируя его поглощенность аттрактивными технологиями. Механизм виртуальной аттрактивности свидетельствует об отсутствии принуждения, но в то же время показывает притягательную силу визуально оформленных онлайн-образцов для подражания. Как отмечают исследователи, массмедиа-пространство сплошь заполнено «гламурными киборгами», которые задают новые зоны смысла, конструирующие описание современности и переустраивающие жизненный мир [Митрофанова, 2018]. Причем срабатывает своего рода формула, «чем более обезличен контент, тем более онлайн-действие склоняется в сторону эстетического» [Гвоздиков, 2019, с. 6]. А в современных условиях наибольшим аттрактивным потенциалом обладает не понятийная смыслопорождающая культура, а информационные меседжи, активно ее вытесняющие.

Сам «эскейп» в виде погружения в сферу виртуального также присваивает себе статус альтернативной ценности, генерируя другую антиценность виртуализированного жизненного мира – солипсизм. Появляется класс хикки – компьютерных людей, предпочитающих добровольную и полную изоляцию, блокирование реального мира и пребывание исключительно в виртуальной среде. В виртуальном заточении, в общении на порталах и форумах, в погружении в пространства видеоигр они находят привлекательный смысл своей жизни. Однако вряд ли постоянное присутствие в виртуальной среде, асоциальный образ жизни и пренебрежение реальными отношениями может свидетельствовать о полноценном активном и деятельном человеке. Скорее, напротив, аддитивный механизм, обращенный к ресурсу технологического замещения в виртуальном мире, запускается в целях компенсации переживания собственной недостаточности, свидетельствуя о ценностной дезориентации.

Типичными сценариями современного существования становятся дауншифтинг, фрилансерство, цифровое бродяжничество и кочевничество. Этим постулируется независимость от мира, якобы потерявшего смысл и ценность. Виртуальный же мир, воспринимается как сфера, где нет норм, социальной ответственности, обязанностей и контроля, он трактуется как область свободы.

Таким образом, жизнь оказывается «незавершенным проектом», в котором присутствует состояние постоянного транзита, где рефлексивная модель, акцентирующая стремление к пониманию подлинного смысла событий, сталкивается с многочисленными барьерами, указывающими на прямую корреляцию стремления к самореализации с успешным освоением технологических новшеств. И если в рамках рефлексивной смысловой регуляции **онлайновые возможности квалифицируются как один из дополнительных каналов**, связывающих индивида с современностью, то цифровая детерминация закрепляет доминирующее значение за аналоговой реальностью, в которой воспроизводится зависимость самореализации от доступа к сети, скорости трафика и прочих атрибутов цифровой эры. Таким образом, самореализация индивида вынесена в виртуальный мир, а слабо отрефлексированные модели

смысловой регуляции коррелируются с ценностной системой Инфомира. Между тем, возможности человеческого рефлексивного осмысления мира превосходят контент аналоговой алгоритмизированной реальности, не сводимы они и к ценностям цифровой среды. Глубинная работа рефлексии может быть обращена как к внешнему, так и к внутреннему миру, позволяя человеку сосредоточиться на своих мыслях, оценить их интеллектуальный и нравственный потенциал. В этом отношении именно рефлексия является механизмом самосовершенствования человека, перестройки его сознания, основанием, направляющим его действия. Именно паттерны рефлексивного мироотношения ставят запрет процессам и действиям, попадающим в разряд «не ведаем, что творим».

Вместе с тем, обращаясь к «анатомии современности» с учетом ее масштабной диджитализации, подчеркнем, что цифровая эра сузила понимание рефлексии до состояния, при котором система может всего лишь отслеживать свои транзакции. Еще М.К. Петров в свое время был обеспокоен тем, что кибернетики «изыскивают способы разгрузки человека от обязанности думать, выбирать, решать и отвечать за свои поступки» [Петров, 1992, с. 103]. Он боялся появление мира, в котором «мы будем освобождены от необходимости мыслить» [там же, с. 115]. Опасения были не напрасны, борьба за возможность мыслить продолжается и сейчас. Современная смысло-жизненная рефлексия предполагает не только независимое осмысление происходящего с выявлением его негативных для человеческого существования последствий. Она обуславливает образ жизни, сконцентрированный на поиске и воплощении соответствия между осознанием личностью самой себя и осмыслением внешнего бытия, как пространства собственного самореализации. Отличие рефлексивной модели состоит в том, что она направлена на обнаружение подлинного смысла событий в сопряжении со смыслами разумного и полноценного существования человека.

Глава 5. Информационная парадигма смысложизненного выбора: новые зоны смысла или расширение ареала безрефлексивности

В условиях заявившей о своих «парадигмальных правах» цифровизации важной смысловой детерминантой современного существования становится **сопричастность инфособытиям**. Нуждающийся «в тяжелой работе думания» рефлексивный поиск смысложизненных ориентаций оттесняется на периферию, а на поведение системы и его преобразование оказывают влияние информационные сигналы и возмущения. В этой связи можно говорить о своеобразной информационной коннотации, трансформирующей понятие «смысл», и, соответственно, о своеобразии информационной парадигмы смысложизненного выбора, обусловленной вмешательством информационных технологий в воспроизведение образа мира, востребованного в рамках той или иной ситуации.

Уже стало притчей во языцех, что приоритет в оформлении современной смысловосферы захвачен средствами массовой информации. Смысл обретает и смыслом наделяется та информация, которая преподана СМИ, несмотря на то что зачастую информационные меседжи приобретают квази-реальный характер. Это, в свою очередь, помещает индивида в калейдоскоп имитаций и симуляций, затрудняет понимание реально существующих обстоятельств, формирует мозаичное и эклектичное мировоззрение, которое рушит привязанность к реальности.

В связи с этим заметим, что еще в конце прошлого века Й. Масуда подчеркивал эффект, состоящий в том, что череда открытий в сфере информационных технологий превращают абсолютно всех людей в потребителей информации вне их желания и воли [Масуда, 1997]. Тем самым, информация предстает как навязываемый потребительский ресурс, а на авансцену выдвигается «человек, потребляющий информацию». Любопытно и то, что современного человека называют «человеком кликающим». Иногда его величают как «*Homo Zapiens*» (от «зэппинг» – переключение каналов), для ко-

того в настоящее время все более и более важным становится бесконтактное общение, (т. е. переключение голосом, при помощи часового таймера, «машинного зрения» и пр.), при том, что и сам индивид становится быстро переключаемым.

Информационная парадигма, контуры которой задаются нарезками остроактуальной информации, символическим языком инет-коммуникации, сетевым взаимодействием, демонстрирует постоянное стремление ко все более маневренной сетевой архитектуре. Акт освоения новаций информационных технологий (сопровожаемый определенным типом удовольствия!) воспринимается как **акт создания краткосрочных смысложизненных ориентиров**. А поскольку технологическое совершенствование все ускоряет свой бег, то погоня за краткосрочными технологическими смысложизненными ориентирами-приманками не прекращается, а собственное бытие человека его пониманием не сопровождается.

Вспомним предельно широкое и одновременно безразличное к человеческому существованию онтологическое определение информации как меры неоднородности. В эпоху постнеклассики оно дополнилось пониманием информации как случайно запомненного выбора. И эта особенность, связанная со случайным запоминанием выбора, обнаруживает многослойность процесса распрямления и сугубо личностную «распаковку» актуального смыслового содержания. В условиях, когда стремительное технологическое развитие сделало ставку на освоение новых цифровых компетенций с их угнетающим воздействием на мышление, индивидуальная и личностная «распаковка» смыслового содержания остается в отложенном состоянии. Период пандемии, завершивший перевод всех типов коммуникации на онлайн-платформы, до минимума сократил живые межличностные контакты и люфт смыслообразования. Таким образом, подвижки в смысложизненных ориентациях были инициированы еще и сокращением возможности живых межличностных контактов. Коммуникация в Сети, общение лицом к экрану превратились в доминирующий тренд современности, оставаясь, вместе с тем, своего рода неким подобием, замещающим живое и непосредственное общение. В то время как рефлексивная,

ценностно-гуманистическая модель смысложизненного поиска обязывает строить политику внутренних преобразований, основываясь на том, что любой акт мысли сопровождается появлением смысла.

Поднимая проблему **гуманизации** современных технологических взаимодействий, на наш взгляд, важно подчеркнуть следующее. Поскольку современное поколение и открывает этот мир, и моделирует свою реальность посредством IT-технологий, то вслед за развитием цифровых навыков ему необходимо осваивать такие **зоны смыслов**, которые бы фиксировали потребность и значимость гуманизации цифровых взаимодействий. И уже не просто человек – технология, но триединство человек – технологии – смысл должны стать узловыми моментами информационной парадигмы, ни отменить, ни запретить которую невозможно. Средоточие информационных потоков и продуцируемых ими миромodelей может вступать в конфронтацию с системой гуманитарных ценностей, однако рефлексивная модель мироотношения должна отстаивать возможность и правомерность вмешательства человеческого разума «на правах регулятора». Для пошагового становления нового качества-смысла мышление должно «пребывать в готовности» интерпретировать и отражать в логике понятий наличную реальность, «схватывать» ее проблемный ряд.

В этой связи не теряет статус важного смыслового и гуманитарного приоритета опыт персонального межличностного общения, та самая коммуникативная рациональность, о которой писал Ю. Хабермас, с включением практики размышления, обсуждения, критики, аргументации, цепочек мотиваций, потребностей, целей и ценностей. Сообщающиеся между собой идеи и общий план содержательной коммуникаций, тестирующей ситуацию, разделяемая участниками общая ценностная система – значимые зоны пространства формирования смыслов существования. Именно взаимопонимание, основанное на общности смыслов, есть и будет выступать основополагающим элементом человеческой социальности.

Между тем, в условиях, когда «новая нормальность» цифрового существования предстает доминирующей формой бытия человека, образ мышления нашего современника оказывается перед

неизбежной альтернативой. Сохранять подлинно человеческие качества или, стремясь к отождествлению с быстрыми технологическими инновациями, переходить на стадию **интеграции** человеческого и компьютерных технологий? На повестке дня оказывается вопрос о границах «нормальности» в век стремительно развивающихся технологий, для обсуждения которого так и хочется напомнить принцип Гиппократов «Не навреди!»

Обсуждая эту актуальную альтернативу, воспользуемся введенными А. Cranny-Francis тремя метафорами, помогающими концептуализации взаимодействия человека с высокими технологиями. Они обозначают «расширение» (extension), «развитие функциональных возможностей» (enhancement) и аугментацию (augmentation), т. е. их увеличение. И если первая и вторая метафоры относятся к использованию инструментов, приспособлений и артефактов, расширяющих человеческие возможности восприятия и функционирования, (например, при помощи средств конструирования виртуальной реальности), то третья – аугментации обозначает принципиально иную трансформацию. Речь идет о переходе цифрового в физическое, о гибриде человека и машины, где технологический артефакт становится физической частью тела. Эта метафора концептуализирует переход физического и материального в цифровое. Автор приводит в пример Нео – главного героя фильмов «Матрица», который физически взаимодействует с технологиями через нейронный разъем на шее [Cranny-Francis, 2008]. Направление, обозначенное третьей метафорой как увеличение возможностей организма в значении их технологического «улучшения», предполагает серьезные разработки высокотехнологичных имплантатов, которые способны считывать физиологические показатели жизнедеятельности тела, стимулировать работу головного мозга электро-импульсами и пр.

Такие исследователи, как L. Britton и B. Semaan, анализируя практику аугментации, приходят к выводу, что супертехнологическое расширение возможностей человека заключается в **выходе за пределы** того, что можно было бы считать «нормальным». В связи с чем возможно и смелое предположение, что в скором времени

люди захотят предпочесть естественным органам те артефакты, функционал которых будет неизмеримо шире [Britton, Semaan, 2017]. Не исключено, что новые технологические системы будут сами обновляться и смогут сами себя перепрограммировать. Возможности технологического совершенствования повлекут за собой проблему доступа к ним, новых властных рычагов и ограничений. Однако главный вопрос, приведет ли это к безусловному улучшению, остается открытым? Не окажется ли так, что в этом расширении, увеличении и улучшении, направленном на то, чтобы не зависеть от природной необходимости и по своему произволу генерировать новый ряд явлений, принадлежащий технологическому бытию, под угрозой окажется автономия человека? Бесспорно одно, в цифровой технологической среде действие природы заканчивается.

Задумываясь об интеллектуально значимых реалиях века высоких технологий, важно не выпускать из виду то, что процесс цифровой детерминации – это процесс, как считают современные исследователи, в значительной степени управляемый. Причем «бенефициарами» данного процесса являются обитатели Кремниевой долины – глобальные корпорации, существование которых приобретает форму экономического господства и агрессивного подчинения других сфер экономики и социальной жизни своим интересам [Ossewaarde, 2019]. И этот вывод в той или иной степени подготовлен исследованиями, указывающими, что Кремниевая долина создает свои собственные фальшивые мифы, чтобы узаконить свой статус, свою роль в цифровой эпохе – роль, при которой сама Кремниевая долина является правящей олигархической державой, которой принадлежит монополия на информацию [Noble, 2018]. Исследователи не устают подчеркивать, что управление информацией стало прерогативой технологических олигархов, таких как Google и Facebook [там же, 2018]. Такие экспертные оценки во многом усложняют рефлексивный процесс переосмысления будущего, в которое надо будет включить многофакторные иницилирующие стратегии, порожденные цифровой детерминацией, «новые» нормы и новые отклонения.

Вместе с тем, образ будущего и мышление о будущем всегда входили в поле философской рефлексии. А согласно подходу, обозначенному F. Berkhout, J. Hertin, A. Jordan, именно мышление о будущем способствует выявлению вызовов и угроз, которые могут возникнуть в ближайшие годы и десятилетия [Berkhout et al, 2002]. На наш взгляд, акцент должен быть перенесен на обоснование координирующих параметров смысложизненного выбора под доктрину **«человекоразмерного будущего»**. Должна быть найдена прочная цивилизационная основа, восстанавливающая статус и значение рефлексивного осмысления и понятийного строя мышления. Необходима корреляция стремительно развивающихся информационных технологий и человекоразмерных ценностей. Это позволило бы как наметить необходимые действия в настоящем в соответствии с гуманистическими целями, так и показать значимость **«детерминации будущим»**.

Однако реалии дня сегодняшнего свидетельствуют о другом. Смысложизненные ориентации цифровой эры ведут к «открытым дверям» в пространство, затянутое Всемирной паутиной, к поглощению в «черной дыре» монитора. И хотя глубины рефлексии, включающие в себя понимание мира, осмысление персонального намерения и внутреннюю систему ценностей, указывают на направление, которое может служить своеобразным маршрутизатором в цифровой реальности, происходящие повсеместно трансформации смысложизненных ориентаций связаны с переносом цели самореализации в информационное виртуальное пространство. Здесь имеют место три вектора: первый служит распределению виртуальной активности в коммерческих целях; второй вектор направлен на удовлетворение потребности в имитации «самовоплощенного существования»; третий служит получению виртуального удовольствия. Анализ сценариев **виртуальной самореализации** показывает, что человек в условной **символической форме** при помощи имитационного моделирования стремится подчинить себе отношения и ситуации, задать желаемые цепочки событий. Проект «самовоплощенного существования», который, по сути, нуждается в сопровождении глубокой рефлексии, переносится в виртуальную

плоскость. Цели самореализации также устремлены в виртуальное пространство. Теперь именно стремление к виртуальной самореализации составляет значимое притязание в континууме смысло-жизненных поисков.

Таким образом, в настоящее время острой проблемой является то, что цифровая детерминация, задав технологические алгоритмы и присвоив себе функции контроля, значительно сужает пространство для рефлексии и расширяет ареалы безрефлексивности. Цифровизация изменяет правила жизни, по-разному деформируя ту или иную модель смысловой регуляции. Поскольку для подпитки рефлексии важно оборачивание вспять к предпосылкам и причинам анализируемого состояния в прошлом с последующим проецированием их содержания на настоящее, то сужение зоны рефлексивности объясняется весьма очевидным фактом. А именно тем, что цифровая цивилизация пытается отстраниться и **«забыть»** прошлое. Происходит, выражаясь языком постнеклассики, **«потеря системной памяти»**. Жизнеосмысляющий слой предельно уплощается и утончается.

Следует обратить внимание и на другие причины, способствующие сужению ареала рефлексивности и, соответственно, расширению пространства безрефлексивности. **Первая** из них связана с широко распространившимся под влиянием трансформаций, приносимых цифровой средой, **новым типом инструментальной рациональности**, допускающей заимствование и компиляцию информации. Специфика инструментальной рациональности в том, что она задействует все технологические средства, обеспечивающие скорейшее достижение поставленной цели. Субъект, по большей части, лишь имитирует свою деятельность, связанную с пониманием, осмыслением того или иного содержания и тяжелой работой рефлексии. На самом деле он всего лишь арендует сетевой ресурс, некритически заимствуя найденный там контент. Однако, содержание, наличествующее в Сети, как мы отмечали ранее, не становится автоматически содержанием, находящимся в голове индивида, оно не сохраняется в кладовых долговременной памяти. И поскольку обнаруженный в Сети content не является персональным

достоянием человека, то фиксируется не эффект овладения знанием и обогащение личностного опыта, а эффект, как уже было показано, «аренды знания», делающий ставку на быстрый поиск в Интернете нужной информации, причем с любого доступного устройства. При этом происходит блокировка рефлексии и пышным цветом расцветает псевдоинтеллектуальность – суррогат мышления и разума.

Обеспокоенность за нашего современника, имея в виду его глубокие персональные знания и ответственность, выражают многие зарубежные авторы. Так, М. Барбер, К. Доннелли и С. Ризви в эссе «Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция» отмечают, что нам нужны граждане, готовые нести личную ответственность, как за себя, так и за мир вокруг; способные и готовые применить свое знание, лучшего из того, что было придумано, сказано и сделано человечеством, для решения проблем настоящего и будущего [Барбер и др., 2013].

Ко второй, характерной для цифрового существования причине расширения пространства безрефлексивности, следует отнести подверженность сферы смыслополагания **манипулятивным стратегиям**. В цифровой месседж «вшить» манипулятивные стратегии, препятствующие независимому смысложизненному выбору. Визуально привлекательно оформленные сообщения производят селекцию фактов, «приклеивание ярлыков», конструируют личностную позицию. Исследователи полагают, что мощный механизм доминирования над личностью, лишение ее выбора и власти, подчинение иерархическим структурам цифровых взаимодействий и эксплуатации личных данных от имени пользователя проявляется именно в коммерческих целях [Dainow, 2016]. Воздействие манипулятивных стратегий, обращенных к смысложизненному выбору, основывается на передаче и навязывании внешней цели субъекту и использовании скрытых принуждающих механизмов влияния. Срабатывает процедура замещения и условие включенности в «иллюзию». Отличительной чертой манипулятивного воздействия является асимметричность, которая опровергает взаимовлияние и указывает на власть и воздействие, идущие из одного центра.

Работа современных технологий, сконцентрированных на сборе огромного объема данных о том или ином человеке, означает, что мы «продолжаемся» в технологиях, а технологии «продолжаются» в нас. И эта нарушающая приватность личной жизни манипулятивная стратегия оценивается как «новая нефть», приносящая огромные доходы, когда данные оказываются в руках манипуляторов. Исследователи считают, что эта ситуация достаточно опасна, так как ведет к возникновению того, что может быть названо системой «цифрового империализма» [Krug, 2014]. Ситуация, в которой сопоставляются данные, и то, что я знаю о себе, знает обо мне, к примеру, Гугл, – это ситуация нашего времени. Ученые бьют тревогу, ибо доступ к нашей личной информации посредством технологий оценивается как прямое вмешательство не только в нашу личную жизнь, но и нарушение границ нашей сущности [Balkan, 2016]. Это не только создает риски для неприкосновенности приватной жизни, но может разрушительно влиять на будущее.

Дает о себе знать и другая манипулятивная стратегия – стратегия «цифрового наследия» (digital legacy), эксплуатирующая цифровой контент, оставшийся после ухода пользователей из жизни с вторжением в обстоятельства их личного пространства [Kasket, 2013]. В целом в манипулятивных стратегиях кроется реальная опасность тотального информационного **контроля** как публичной, так и приватной жизни.

Третьей причиной, усиливающей эффект безрефлексивного отношения к собственной жизни, выступает уже упомянутый поворот, связанный с «даннофикацией», переводящей социальные действия в онлайн-количественные данные. Ситуация, когда «данные решают все», не позволяет вести речь ни о каком рефлексивном осмыслении персональной онтологии с позиций индивидуального целеполагания и точки зрения субъекта. В количественном измерении «Я» – индивидуальное становится «прозрачным» и манипулируемым [Clough et al, 2015].

Удобной почвой для манипуляции является ментальное состояние «**многозадачника**». Оно именуется как «сосредоточенная от-

влеченность» и характеризуется перегруженностью памяти и сознания разношерстной информацией при отключении способности ее критического осмысления и отделения главного от второстепенного. Эффективным механизмом манипулирования оказывается использование аттрактивных развлекательных элементов, присутствующих во всех категориях медиа контента [Leshkevich, Motozhanets, 2019]. Они снижают «градус напряжения» вокруг проблемных тем реального существования и ведут к состоянию безрефлексивного потребления. «Вшитые» в цифровой месседж манипулятивные стратегии высвечивают значение фигуры ньюсмейкера, проектанта или «модератора». Человека за компьютером побуждают к переживанию определенных состояний, навязывают желания, принятие тех или иных решений. Визуально оформленный месседж конструирует в зависимости от поставленных целей как толерантность, так и оппозиционность, осуществляет «приклеивание ярлыков», производит селекцию фактов, их переозначение, дискредитацию или искажение. Согласно мнению современных исследователей, вся система моральных норм и принципов может оказаться под угрозой того, что будет вычисляема в измерении информационных технологий [Sullins, 2018], что в значительной степени влияет и на формирование смысложизненных ориентиров человека.

И хотя социальность сети – это **отключаемая социальность**, так как пользователь Сети может в любое время заблокировать возникшее взаимодействие, тем не менее зависимость от Интернета признана одной из мощных технологий манипуляции, которая названа основным злом XXI века.

Подытоживая сказанное, зададимся вопросом, что можно сказать о структуре смысложизненной рефлексии? Ответ, на наш взгляд, будет состоять в следующем. Ядром смысложизненной рефлексии выступают антропологические константы, сочленяющие систему общечеловеческих ценностей и идеалы подлинной человечности. Ядро окружено поясом смысложизненных ориентаций, которые прочерчивают векторы жизненного выбора, инициирующего тот или иной поступок и деятельностный акт индивида. Смыс-

ложизненные ориентации пронизывают антропосферу существования человека, обуславливая тип саморегуляции. Пояс смысложизненных ориентаций достраивается персональными моделями смыслополагания, которые включают в себя оценку существования человека, учитывающую меру его самореализации и самовоплощенности. Следует подчеркнуть, что смысложизненная рефлексия, управляя нашими практиками, вбирает в себя смысловые регулятивы, смысложизненный поиск и самоопределение. Способствуя обретению смыслов настоящего, она участвует в созидании конфигураций проекта будущего, сопротивляясь тотальному духу неопределенности.

О каких же векторах трансформации смысложизненной рефлексии в условиях цифровой эры можно говорить? Во-первых, трансформация смысложизненной рефлексии наблюдается в связи с выносом самореализации индивида в план виртуального, имитационного и символического. Во-вторых, вектор трансформаций смысложизненной рефлексии смещается в сторону потребления контент-ресурсов, что в радикальных случаях ведет к своеобразному типу цифрового одиночества, цифрового солипсизма, к серьёзным валеологическим деформациям.

В-третьих, трансформация смысложизненной рефлексии просматривается в связи с полной вовлеченностью индивида в обстоятельства внешнего характера, «вживание» в ситуацию своего времени, с активностью, направленной на борьбу за жизненные ресурсы. В-четвертых, трансформация смысложизненной рефлексии происходит в направлении стремления к карьерному росту, окрашена соревновательными стратегиями и стимулируется потребностью в достижении успеха. Смыслопогружение замещается обладанием, а смысл обличается в намерение извлечь пользу из любого взаимодействия. Разновидностью этих агональных стратегий является актуальное стремление к власти. В-пятых, в условиях цифровой детерминации обнаруживается тенденция к расширению пространства безрефлексивного существования, своеобразной «смысловой пустоте» или же к состоянию, фиксирующему удовлетворенность краткосрочными смыслами.

Вместе с тем, смысложизненная рефлексия должна содержать в себе смысловую инвестицию в будущее, сконцентрированную на сохранении приоритетов существования в модусе «быть человеком разумным». Зоны подпитки смысложизненной рефлексии состоят в значимости достижений человека в перспективе Другого, а глубинная работа рефлексии должна быть обращена к совершенствованию жизни во Благо всего человечества.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

В условиях цифровой эпохи, сделавшей ставку на развитие технологий, о человекообразном будущем приходится говорить лишь в сослагательном наклонении с рефреном: вот если бы социально-гуманитарная экспертиза, коллективный общественный разум, объединенные усилия сообщества ученых посредством некоей интеллектуальной инициативы пришли бы к взаимопониманию науки, власти и лиц, принимающих решения в отношении стратегии развития технологий, то гуманистическая программность будущего приобрела бы весомые основания. Фактом остается то, что цифровая эра, утверждая свое доминирование, существенно меняет и самого человека, и способы его бытия. Цифровая детерминация, продуцируя аналоговую реальность, задает новое измерение, в котором властвует технологический алгоритм и все поставлено под контроль. Это процесс направленного влияния, определяющий функционирование систем и поведение людей в соответствии с заданными данной стадией развития цифровыми алгоритмами. Тем самым среда обитания обретает социотехнологический ландшафт, что сопровождается как настроениями алармизма, так и настроениями, близкими к технологическому эвдемонизму.

Цифровая детерминация осуществляет оптимизацию всех областей жизни посредством Big Data, очередность и направленность которых, однако, зависит от установок заинтересованных сторон. В этой ситуации ощущается актуальная потребность в новой профессии – «data scientist», специалиста, отвечающего за качествен-

ную теоретическую интерпретацию Больших данных и мировоззренчески настроенного на создание субъектно-ориентированной информационной платформы.

Анализ долгосрочных последствий цифровой детерминации выявляет ряд негативных эффектов. Во-первых, это тенденция, ведущая к диктатуре Больших данных. Во-вторых, это цифровое отчуждение, обусловленное тем, что имитационная аналоговая реальность навязывает себя как самодостаточная форма бытия, вытесняющая реальные связи и отношения. Событийная данность физического мира замещается его симулятивными проекциями, которые берут верх над породившей ее фактической реальностью. В-третьих, это эффект самоотчуждения, отказ от понятийной культуры, гипердоверие к технологическим алгоритмам, состояние беспомощности перед все усложняющимися компьютерными интеракциями.

Цифровой полионтологии присущ эффект «множественного рождения» квазиреальных событий, существующих как символический универсум с иными пространственно-временными измерениями. Делается вывод, что в результате виртуализации мы больше не можем приравнивать первостепенную реальность – физический мир конкретных объектов, к зоне первостепенной актуальности. Виртуализация общества побуждает нас воспринимать виртуальные миры как области, преобразующие конечные смыслы существования.

Трансформации субъектности происходят в условиях социальности Сети, которая обеспечивает «точку пересборки» социального. Линии разделения социального и сетевого теряются. Для «социальности Сети» характерен высокий порог чувствительности и своеобразная демократическая эквивалентность, где пользователи ограничены лишь своими цифровыми компетенциями, а не запретами Сети. Поэтому постоянный запрос на развитие базовых для XXI века цифровых навыков является константой цифровой детерминации. При этом представителям поколения «Z» свойственно не столько запоминать содержание полученной информации, сколько путь и место в киберпространстве, откуда информацию можно из-

влекать. Такая ситуация оценивается как **новая ступень** антропо-технологической эволюции, характеризуемая **«сращенностью» человеческих способностей с Интернет-средой**.

Действительно сегодня техносоциализация выступает как «исходная территория», на которой происходит встреча индивида с современной цивилизацией. Однако, не будучи подпитана потенциалом рефлексии и понятийной культуры, она ведет к «черной дыре» монитора, с огромной силой поглощающей наших современников. Поэтому уже в краткосрочной перспективе очевидны негативные эффекты доминирования цифровых навыков над всеми прочими значимыми компетенциями с акцентом на преимущества способности критически и творчески мыслить от имени «человека разумного». Цифровая детерминация, обуславливая поведение людей алгоритмизированными решениями, воссоздает профиль человека как агента сетевых практик, нацеленного на быструю реакцию на возникающие вызовы. В «цифровом строю» мыслить не положено. Актор цифрового мира всецело полагается на информационную систему ценностей и заданные ею приоритеты. Уход в сферу виртуальных симуляций генерирует угрозу утраты способности к существованию в реальной культуре, деструкцию когнитивно-понятийных процессов и формирование различного рода зависимостей, порожденных дигитальным миром.

«Картографирование» цифровой реальности наталкивает на целый ряд феноменов, которых не знала прежняя эпоха. Помимо цифровых навыков, это еще и «цифровая тень», «двойное обновление», даннофикация, «просмотрщики контента», многозадачники, «аренда знаний», культура «прокси» (доверие информационному контенту), «амплификация» как множественная онтологическая репликация и пр. Потенциал цифровой среды активно демонстрирует свою избыточность. Многообразные компьютерные интеракции, ведение чатов и посещение форумов, серфинг по Сети, лайки в инстаграмах, смайлики и сленговый символизм становятся привычной каждодневной процедурой и неотъемлемой составляющей жизни нашего современника. Такой образ жизни сопровождается

увеличением пространства безрефлексивного существования и распространением слабо отрефлексированных моделей поведения, инфляцией ценностно-целевых регулятивов. Все это задано необходимостью адаптации к сложившимся условиям цифровой среды. Цифровые ценности состыковываются с безудержным стремлением к новым цифровым показателям успеха, связанным с количеством лайков и подписчиков, рейтингом и количеством цитирований, двойным обновлением в инстаграмах и полифункциональной идентичностью и пр. Однако в отношении этой энергоемкой деятельности и конструируемого Инет-образа под вопросом остается и степень самосознания автора, и уровень осмысленности запущенного цифрового меседжа. Амбивалентность стремлений прочитывается в противоположных намерениях. С одной стороны, оставить свой «сетевой след» вне зависимости от его ценности и содержания, а с другой, в нацеленности на программы ближайшего практического действия в направлении запроса на удовлетворение насущных потребностей.

Авторы приходят к обоснованному выводу, что именно смысловое измерение личности задает вектор направленности её развития и магистраль самореализации человека. С опорой на достижения современной философско-методологической мысли обнаруживается зависимость проективных стратегий жизненного самоутверждения от интенсивности цели и ценностно-целевых регулятивов; выявляется системосозидающее значение качественного выбора человека как своеобразного «типа саморегуляции».

Вместе с тем, увеличение технического и алгоритмизированного ведет к снижению интенсивности работы сознания, к утончению слоя рефлексивного жизнеосмысления. Сопоставление оценок цифровизации как закономерной ступени техноэволюции сталкивается с ее критикой, основанной на потере собственно человеческого и вступлении в эпоху постчеловеческого будущего, диктующего новые нормы и приоритеты. Настораживает интеллектуальная ситуация, в рамках которой вопрос о том, является ли цифровая стадия восходящей ветвью роста или ощутимой точкой перегиба, не имеет однознач-

ного решения. И дабы человечество не оказалось на грани человеческого, необходимо решить проблему соразмерности человеческой субъектности стремительному технологическому развитию.

Вряд ли кто-либо возьмется оспаривать простую истину, что технонаука и современные технологии в массе своей должны развиваться во благо человечества. Однако эта простая истина требует существенной корректировки целей современной науки с ориентацией не на коммерческую валидность и прибыль, а на идеалы человечности, ответственности, этики, на запреты нанесения ущерба личности. Вместе с тем, антропотехнологические преобразования, направленность которых еще М. Хайдеггер определил как «технологизацию самого человека», в нынешний период располагают расширенными возможностями вмешательства в человеческую жизнь. Биотехнологическое влияние простирается, начиная от момента зарождения при помощи методов искусственной репродукции и кончая стадией ее завершения, активным воздействием на процессы старения, заменой пораженных суставов, органов и тканей. На смену гомотрансплантации (прижизненное изъятие органов, допустимое только при обоюдном согласии от ближайших родственников) приходит ксенотрансплантация (т. е. межвидовая пересадка от животных клеток, тканей и органов), а также технологии пересадки органов умерших людей. И хотя вмешательство в лечение ряда наследственных болезней оценивается позитивно, как и экологический эффект использования геной инженерии (например, создание микроорганизмов для очистки сточных вод, отходов и отбросов предприятий), последствия этих процессов осмыслены лишь в краткосрочной перспективе и не прогнозируемы с точки зрения рисков отдаленных последствий. Тем не менее, методологический подход обязывает держать в фокусе внимания системное сопоставление всех аргументов «за» и «против». И данный методологический императив универсален, он может быть применен ко всем аспектам изучаемой проблемы.

Стоит особо отметить, что существует некое противоречие между идеями цифровой современности и фактической «текучей» современностью. Действительно, дигитальный мир претендует на

то, чтобы составить ядро современности, отбросить, «забыть» или вытеснить на периферию связи с культурно-антропологическими приоритетами предыдущего «доцифрового» этапа развития. Вместе с тем, нынешнее состояние маркируется исследователями как гибридный мир, сочетающий и накладывающий друг на друга цифровые и физические формы взаимодействий. Еще в силе носители понятийной культуры, способные к глубинному рефлексивному осмыслению происходящего и стремящиеся передать ее приоритеты следующему поколению. Они активно призывают к объединенным усилиям общественного разума для сохранения человекообразной реальности. Еще значимы требования, апеллирующие не к репродукции, а к содержательной, творческой эвристической деятельности. Ученый с широким кругозором, высокой гуманитарной культурой, способный осознать как позитивные, так и негативные последствия и своей узкоспециализированной деятельности, и общей магистрали развития – вот значимые характеристики облика современного ученого.

Парадигмальный сдвиг в осмыслении смысловых ориентиров «цифровой эры» указывает на амбивалентность смысложизненной рефлексии XXI века. В ней сопрягаются ориентации на прагматизм и рыночную максимизацию функции полезности и стремление к ценностно-целевым приоритетам человеческого существования в направлении воплощения качественных целей гармонизации бытия; имеет место утверждение цифровых норм и ценностей, и дает о себе знать система аргументов критического опровержения инфляции смысложизненных установок. Перефразируя известный тезис о том, что «бытие определяет сознание», можно сказать: «технобытие детерминирует сознание поколения Z». При этом степень насыщения приватного пространства технологическими новшествами воспринимается как критерий современного качества жизни и соответствия приоритетам эпохи. Мобильные устройства не только берут на себя функции навигатора в жизненном мире, но еще и маркируют статусные отличия индивидов, свидетельствуя о социальном неравенстве.

Виртуализация жизненного мира, обеспечивая ускорение всех транзакций и использование преимуществ Интернет-ресурсов, сопровождается трансформацией всей системы связей и отношений. Возникновение субонтологии, замещающей фактическую реальность её имитационными проекциями, ведет к амбивалентным оценкам жизненного мира. Расширение объёма компьютерной памяти, скорость и эффективность онлайн-взаимодействий приветствуется, однако, расколотость индивидуального Я, вынесение деятельных способностей человека в имитационный план бытия, неоправданность ожиданий виртуального успеха, рост различных форм зависимостей оцениваются негативно. К негативам отнесено и активное воздействие масс-медиа, рекламы, шопинг индустрии, новостных каналов, направленных на подчинение взаимосвязи фактов тем или иным манипулятивным целям, навязывающим «новые нормы» существования в цифровом мире и использующим скрытые механизмы принуждения. Манипулятивные стратегии, «вшитые» в цифровой месседж, препятствуют независимому смысло-жизненному выбору. Они производят селекцию фактов, «приклеивание ярлыков», внедрение в бытие человека внешних для него целей и установок, включенность его в «иллюзию». Исследователи полагают, что мощный механизм доминирования над личностью проявляется в коммерческих целях и в целях контроля над личностью с осуществлением вмешательства в её публичную и частную жизнь. Манипулятивная стратегия, сконцентрированная на сборе данных о том или ином человеке, предстает как приносящая доходы «новая нефть» и как элемент возникающей системы «цифрового империализма».

Таким образом, цифровая детерминация в своих многообразных обликах изменяет правила жизни и деформирует модели смысловой регуляции. В эпоху современной пандемии массовая вовлечённость людей в сферу онлайн-практик свидетельствует о выносе деятельных способностей в виртуальный, имитационный план бытия. Изменение ландшафта жизненного мира сопровождается негативными воздействиями на интеллект, телесность, психику че-

ловека. Особое беспокойство вызывает смещение в сторону создания «гибрида» человеческого и артефактного. Ситуация, когда «мы продолжаемся в технологиях», а «технологии продолжают в нас», поднимает вопрос о границах «нормальности» в век стремительно развивающихся технологий и нуждается в пристальном философско-методологическом анализе.

Совокупность названных проблем вызывает к рефлексивному осмыслению условий цифровой детерминации, наделяя потребность в смысложизненной рефлексии значением первостепенной актуальности. Однако в то же время ощутимо повсеместное расширение пространства безрефлексивности. Этому способствует широко распространившийся тип инструментальной технологической рациональности, допускающей заимствование и компиляцию информации, минуя фильтр ее рефлексивного осмысления. Субъект, по большей части, лишь имитирует свою деятельность, связанную с пониманием той или иной проблемы, с «тяжелой работой думания». На самом деле он использует все средства технологического поиска, обеспечивающие быстрое формальное достижение поставленной цели. Происходит блокировка рефлексии. В то время, как в процессы современного цифрового развития должны быть изначально встроены приоритеты рефлексивного осмысления его многообразных последствий.

Рефлексивному осмыслению персональной онтологии препятствует «даннофикация», переводящая социальные действия в онлайн-количественные показатели и порождающая ситуацию, когда «данные решают все». Сужение зоны рефлексивности происходит вследствие ментального состояния «многозадачника», в роли которого оказывается наш современник, перегруженный разношерстной информацией и не способный к ее критическому осмыслению.

Авторы обосновывают идею гуманистической коннотации смысложизненной рефлексии, состоящей в осознании границ между сферой социальной энтропии, с одной стороны, и созданием качественной жизненной программы, основанной на позитивных ценностях

и целях, с другой. Смысложизненная рефлексия превосходит цифровой контент аналоговой реальности и не редуцируется к ценностям цифровой среды. Человек как представитель Homo Sapiens ощущает острую потребность в отношениях, воплощающих высшие и подлинно человеческие идеалы, где есть милосердие, любовь, справедливость, дружба, отзывчивость и все то, что выходит за рамки сугубо прагматических и монетаристских целей. Для него важна сфера самореализации, глубина и свобода человеческого общения, самовоплощенное существование.

Смысложизненная рефлексия, выступая в модусе рефлексии –ретроспективы, позволяет интегрировать потенциал философской мудрости, проецируя его на реалии дня сегодняшнего. В программности будущего необходимо насыщение всего социотехнологического ландшафта ориентирами человекообразности, где точкой отсчета становится идея благополучия человека в его психическом, физическом и социальном измерениях. Нужна жизнеутверждающая идеология, несущая собой энергию гуманных ценностно-целевых устремлений. Такая перспектива оборачивается настоятельной необходимостью «редактирования потока возможностей» с тем, чтобы исключить возможность злоупотребления новейшими технологическими достижениями. В качестве антропологической константы смысложизненной рефлексии в будущее должны быть транслированы подлинно человеческие ценности как главный выбор человечества.

ЛИТЕРАТУРА

---

1. Августин Блаженный. О граде Божиим. Книга 2. М.: Книга по требованию, 2016. 664 с.
2. Алексеева И. Ю., Никитина Е. А. Интеллект и технологии. М: Проспект, 2016. 96 с.
3. Антипов М.А. Категория «жизненный мир» в интерпретации воздействия сетевых компьютерных игр на сознание индивида // *Kultura, psychologie a člověk. Sociologie člověka*. 2016. № 1. С. 68–71.
4. Ардашкин И. Б. Смарт-технологии как феномен: концептуализация подходов и философский анализ. Являются ли смарт-технологии действительно умными? // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 43. С. 55–68.
5. Аристотель. Никомахова этика // *Сочинения в 4 томах. Т. 4*. М.: Издательство Мысль, 1983. 830 с.
6. Аршинов В.И. Сложностной мир и его наблюдатель // *Философия, методология и история науки*. 2015. Т. 1. № 1. С. 86–99.
7. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Социотехнические ландшафты в оптике семиотически-цифровой сложности // *Вопросы философии*. 2020. № 8. С. 106–116.
8. Асмолов А.Г. Психология личности: Принципы общепсихологического. М.: Смысл, 2001. 416 с.
9. Баева Л.В. Электронная культура: опыт философского анализа // *Вопросы философии*. 2013. № 5. С. 75–83.
10. Барбер М., Доннелли К., Ризви С. Накануне схода лавины. Высшее образование и грядущая революция / пер. с англ. Н. Микешиной // *Вопросы образования*. 2013. № 3. С. 152–222.

11. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2005. 390 с.
12. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. Лит., 1975. С. 234–407.
13. Беляков Н.С., Кургачева К.Д. Интернет-технологии в условиях современного политического процесса // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2019. 25 (1). С. 162–174.
14. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995. 323 с.
15. Бовыкин В.И. Философия искусственного интеллекта: проблемы терминологии и методологии // Философия и культура. 2012. № 8 (56). С. 96–105.
16. Богданов, А.А. Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х книгах: Кн.1. М.: Экономика, 1989. 304 с.
17. Бодрийяр Ж. Войны в заливе не было // Художественный журнал. 1994. № 3. С. 10–37.
18. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М.: Рипол классик, 2017. 288 с.
19. Больц Н. Ваше внутреннее вовне и ваше внешнее внутри. Мифический мир электронных медиа // Логос. 2015. Т. 25. № 2 (104). с. 162–172.
20. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 490 с.
21. Бурдые П. О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры»; Институт экспериментальной социологии, 2002. 159 с.
22. Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I. № 2. С. 40–58.
23. Бырашников П.Н. Философские проблемы информационных технологий и киберпространства // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXIV. № 4. С. 230–236.

24. В середине XXI века нас ждёт или прорыв, или провал / Интервью с А.П. Назаретяном. 27.06.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.2045.ru/expert/123.html>.
25. Вахштайн В.С. Пересборка повседневности: беспилотники, лифты и проект ПкМ-1 // Логос. 2017. Т. 27. № 2. С. 1–45.
26. Величковский Б.М. От исследований сознания к разработке когнитивных технологий // Субъективный мир и современные когнитивные науки. М.: ИФРАН, 2012. С. 37–57.
27. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
28. Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М.: Юрист, 1995. 687 с.
29. Войскунский А.Е. Актуальные проблемы психологии зависимости от Интернета // Психологический журнал. 2004. Т. 2. № 1. С. 90–100.
30. Войскунский А.Е. Распределенность содействия в информационном обществе // Государство и граждане в электронной среде. 2017. Вып. 1. С. 308–314.
31. Волков В.Н. Человек и его жизненные миры // Контекст и рефлексия: философия о человеке и мире. 2012. № 1. С. 7–27.
32. Володенков С.В. Особенности Интернета как современного пространства политической коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. 2017. № 4. [Электронный ресурс]. URL: www.evestnik-mgou.ru.
33. Гвоздиков Д. Схоластика для инстаграма: к цифровой антропологии современности // Логос. 2019. Т. 29. № 6. С. 1–19.
34. Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30-ти томах. Т. 16. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 529 с.
35. Гиренок Ф.И. Клиповое сознание. М.: Изд-во Проспект, 2015. 534 с.
36. Гиренок Ф.И. О двух философских стратегиях в исследовании человека // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 457. С. 66–71.

37. Голубинская А.В. Нейрокогнитивный подход к исследованию поколения z // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1. С. 161–167.
38. Гримов О.А. Цифровая реальность: социальная онтология и методология эмпирического изучения // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2019. № 3. С. 42–50.
39. Гуров Ф.Н. Опыт социально философского осмысления проблемы «фейков» и «пузырей фильтров» в Сети // Проблемы современного образования. 2019. № 3. С. 9–20.
40. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. I: Прологомены к чистой логике. М.: Академический Проект, 2011. 253 с.
41. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Гуссерль Э. Избранные работы. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 464 с.
42. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 136–176.
43. Гуссерль Э. Картезианские медитации. М.: Академический проект, 2010. 229 с.
44. Декарт Р. Рассуждение о методе с приложениями. Диоптрика, метеоры, геометрия. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. 656 с.
45. Декомб В. Современная французская философия. М.: Весь мир, 2000. 344 с.
46. Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я.И. Свирского. М.: Академический Проект, 2011. 472 с.
47. Десять мифов об искусственном интеллекте. [Электронный ресурс]. URL: <https://hr-portal.ru/article/10-mifov-ob-iskusstvennom-intellekte>.
48. Джохадзе И. Д. Прагматизм // Философская антропология. 2018. Т. 4. № 2. С. 231–243.
49. Докука С.В. Практики использования онлайн-социальных сетей // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 137–145.

50. Дроздова А.В. Концептуализация повседневности в эпоху цифровой культуры // Вестник Гуманитарного университета. 2018. № 2 (21), С. 96–104.
51. Ершова Т.В. Друг наш, цифра // Информационное общество. 2019. № 6. [Электронный ресурс]. URL: http://infosoc.iis.ru/old/content/2019/201906_01.html.
52. Жданов А.А. Автономный искусственный интеллект. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2015. 359 с.
53. Журавлёва Е.Ю. Вызовы технологий «больших данных» для современных социогуманитарных наук // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 50–59.
54. Закс Л. А. К исследованию аксиологии Интернета // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2016. Т. 11. № 3 (155). С. 11– 24.
55. Зацаренный А.А., Колин К.К., Ильин Н.И, Лепский В.Е., Малинецкий Г.Г., Райков А.Н., Славин Б.Б. Сборка стратегических субъектов развития на основе системы распределительных ситуационных центров // Рефлексивные процессы и управление: сб. материалов XI Междунар. симпозиума «Рефлексивные процессы в управлении». М.: Когнито-Центр, 2017. С. 105–109.
56. Иванов Д.В. Радикальный конструктивизм и проблема субъективности // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 60–69.
57. Иванов Д.И. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб: «Петербургское востоковедение», 2002. 224 с.
58. Исаева А.Н., Малахова С.А. «Клипное мышление» психологические дефициты и альтернативы (пространственный фокус) // Мир психологии. 2015. № 4. С. 177–191.
59. Иоселиани А.Д. Особенности повседневной жизни человека в цифровом мире // Манускрипт. Тамбов: Грамота, 2020. Т. 13. Вып. 4. С. 115–119.
60. Каган М.С. Философская теория ценностей. СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1997. 205 с.
61. Казанцев А.К., Киселёв В.Н., Рубвальтер Д.А., Руденский О.В. NBIC-технологии. Инновационная цивилизация XXI века. М.: Инфра-М, 2012. 383 с.

62. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения в 6 томах. Т. 4 (1). М.: Мысль, 1965. 544 с.
63. Карпинский К.В. Поиск смысла жизни как познавательная деятельность субъекта // Познание в деятельности и общении: от теории к практике и эксперименту. Под ред. В.А. Барабанщикова, В.Н. Носуленко, Е.С. Самойленко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 57–63.
64. Карпинский К.В. Автономия смысложизненного выбора и психологическое благополучие // Теоретическая и экспериментальная психология. 2012. Т. 5. № 2. С. 5–21.
65. Касавин И.Т. Мир науки и жизненный мир человека // Эпистемология & философия науки. 2005. Т. V. № 3. С. 5–11.
66. Касавина Н.А. Человек и техника: амбивалентность электронной культуры // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 4. С. 129–142.
67. Касавина Н.А. Экзистенциальный опыт как проблема философии и социально-гуманитарных наук: автореф. дис... докт. филос. наук. М.: Институт философии РАН, 2017. 30 с.
68. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
69. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.
70. Катаева О.В. Виртуалистика в контексте синергетической парадигмы: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д., РГУ, 1999. 31 с.
71. Князева Е.Н. Энактивизм: концептуальный поворот в эпистемологии // Вопросы философии. 2013. № 10. С. 91–105.
72. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. СПб.: Изд-во Алетейя, 2002. 414 с.
73. Колмаков В.Ю. Номо semanticus – начало дифференциальной семантики человека. Красноярск: Изд-во КрасГМУ им проф. Ф.В. Войно-Ясенецкого, 2016. 190 с.
74. Корнеев М.С. История понятия «Большие данные» (Big Data): словари, научная и деловая периодика // Вестник РГГУ. Серия:

- История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 1 (34). С. 81–85.
75. Косилова Е.В., Миронов В.В., Сокулер З.А., Фролов А.В., Шапошников В.А. Бытие, познание и человек в цифровую эпоху. М.: Издатель Воробьев А.В., 2019. 184 с.
76. Кошель В., Сегал А. Клиповое мышление как форма обыденного сознания // Международный академический вестник. Междисциплинарный научный журнал. 2015. № 4 (10). С. 15–23.
77. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Языки славянских культур, 2008. 232 с.
78. Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека / пер. с фр. А.В. Парибка. СПб: Высшая религиозная школа, 1998. 266 с.
79. Левченко Е.Г. Практики современного искусства в системе постнеклассических практик // Постнеклассические практики: опыт концептуализации. СПб: Издательский дом МПРЪ, 2012. С. 470–481.
80. Лем С. Системы оружия двадцать первого века // Библиотека XXI века. М.: Издательство АСТ, 2003. С. 550–551.
81. Ленкевич А.С. Биополитика медиа и техника тела в компьютерных играх // Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий. Вологда: ВоГУ, 2017. С. 162–165.
82. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2007. 472 с.
83. Лепский В.Е. Проблема субъектов российского развития // Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке. М.: ИФРАН, 2010. С. 5–30.
84. Лефевр В.А. Рефлексия. М.: Когито-Центр, 2003. 496 с.
85. Лешкевич Т.Г. Концептуальная презентация действительности в синергетике // Философские проблемы социального, политического, экономического развития: реалии современности. Ростов-на-Дону: РИО РТИСТ ФГБОУ ВПО «ЮРГУЭС», 2013. с. 144–151.
86. Лешкевич Т.Г. Наука, когнитивные практики. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮРИУ РАНХ и ГС, 2014. 103 с.

87. Лешкевич Т.Г. Амбивалентность смысложизненной рефлексии: российский контекст // Научная мысль Кавказа. 2015. № 4. С. 12–18.
88. Лешкевич Т.Г. Мировоззренческие итоги современной науки: инфомир и Homo Interneticus // Философия науки и техники в России: вызовы информационных технологий. Вологда: ВоГУ, 2017. С. 165–168.
89. Лешкевич Т.Г. Вектор модификации методологии: социогуманитарное знание конвергирует с постнеклассикой // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 427. С. 71–78.
90. Лешкевич Т.Г. Философско-методологическое осмысление виртуальной субонтологии // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки СКАГС. 2015. № 1. С. 146–152.
91. Лешкевич Т.Г. Цифровые трансформации эпохи в проекции их воздействия на современного человека // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 439. С. 103–109.
92. Лешкевич Т.Г., Катаева О.В. Постчеловеческие перспективы виртуализации // Научная мысль Кавказа. 2013. № 3. С. 17–23.
93. Лешкевич Т.Г., Корытько М.Е. Жизненный мир и теория коммуникативной рациональности // Научная мысль Кавказа. 2013. № 1. С. 16–22.
94. Лобковиц Н. К вопросу о «внутреннем мире» // Разум и экзистенция. Анализ научных и вненаучных форм мышления. СПб.: Изд-во Русского Христианского Гуманитарного института, 1999. С. 340–360.
95. Лотце Р.Г. Основания практической философии. СПб: тип. М.И. Румша, 1882. 87 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003595479#?page=7>.
96. Луман Н. Реальность массмедиа. М.: Праксис, 2005. 256 с.
97. Лэнгле, А. Жизнь, наполненная смыслом: прикладная логотерапия / пер. с нем. А. Лэнгле. 2-е изд. М.: Генезис, 2004. 127 с.
98. Мадди С.Р. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 6. С. 87–101.

99. Майер-Шенбергер В., Кукьер К. Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живём, работаем и мыслим / пер. с англ. И. Гайдюк. М.: Манн, Иванов, Фербер, 2014. 240 с.
100. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М.: «Гиперборей», «Кучково поле», 2007. 464 с.
101. Максименко Л.А. Орехов С.И. О виртуальной реальности: актуальная повестка // Гуманитарные исследования. 2019. № 1 (22). С. 18–22.
102. Малинецкий Г.Г. Субъектность, целеполагание и инновационные среды в евразийском контексте // Рефлексивные процессы и управление. М.: Когито-центр, 2015. С. 143–147.
103. Малинецкий Г.Г., Посашков С.А., Скурлягин А.А. Гуманитарно-технологическая революция, кризис совести, риски и проекты будущего // Стратегические приоритеты. 2019. №1(21). С. 48–76.
104. Манович Л. Как следовать за пользователями программ? // ЛОГОС. 2015. Т. 25. № 2 (104). С. 189–218.
105. Маркс К. Экономическо-философские рукописи // К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М.: Госполитиздат, 1956. С. 517–642.
106. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М.: Политиздат, 1955. С. 7–544.
107. Масленникова О.Н, Шальнова Е.С. Homo solus: человек одинокий // Известия высших учебных заведений. Серия: «Гуманитарные науки». 2011. Т. 2. № 2. С. 131–139.
108. Масуда Е. Информационное общество как постиндустриальное общество. Москва: Изд-во Академия, 1997. 587 с.
109. Менский, М.Б. Сознание и квантовая механика: Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания – из квантовой реальности) / пер. с англ. В.М. Ваксмана. Фрязино: Век 2, 2011. 320 с.
110. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Изд-во Наука, Ювента, 1999. 602 с.
111. Меськов В.С., Мамченко А.А. Мир информации как тринитарная модель универсума. Постнеклассическая методология

- когнитивной деятельности // *Философия и наука*. 2010. № 5. С. 57–68.
112. Мид М. Культура и преемственность: исследование конфликта между поколениями // *Культура и мир детства*. М.: Наука, 1988. С. 322–361.
113. Миронов В.В. Платон и современная пещера big-data // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2019. Т. 35. Вып. 1. С. 4–24.
114. Митрофанова А. Киборг как код новой онтологии. Политические и эпистемологические аспекты гибридных тел // *ЛОГОС*. 2018. Т. 28. № 4. С. 109–128.
115. Моисеев Н.Н. Расставание с простотой. М.: Аграф, 1998. 480 с.
116. Моисеев Н.Н. Восхождение к разуму. М.: ИздАТ, 1998. 480 с.
117. Морен Э. Метод. Природа Природы. 2-е изд. М.: Канон+, 2013. 487 с.
118. Мотрошилова Н.В. Учение о жизненном мире и «кризис европейского человечества» // *История философии: Запад-Россия-Восток (книга третья: Философия XIX–XX в.)*. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1998. 448 с.
119. Налимов В. В поисках иных смыслов. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 464 с.
120. Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Академический проект, 2011. 399 с.
121. Новикова О.Н. Виртуализация жизненного мира человека в игровых практиках современности // *Вестник Вятского государственного университета*. 2016. № 12. С. 9–13.
122. Орехов С.И. «Хоровое начало» Internet, или Internet-соборность // *Вестник Омского университета*. 2002. № 2. С. 49–52.
123. Пан А.С. Укрощение цифровой обезьяны. Как избавиться от интернет-зависимости. М.: Изд-во АСТ, 2014. 320 с.
124. Паяль А. Переосмысление досуговых цифровых сетей с помощью глобальных городов: метафорический взгляд // *Логос*. 2019. Т. 29. № 1. С. 86–129.

125. Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1992. 272 с.
126. Петрунин Ю.Ю., Рязанов М.А., Савельев А.В. Философия искусственного интеллекта в концепциях нейронаук. М.: МАКС Пресс, 2014. 84 с.
127. Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 605 с.
128. Поспелов Д.А. Где исчезают виртуальные миры? // Новости искусственного интеллекта. 2003. № 3. С. 5–10.
129. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
130. Пригожин И., Стенгерс И. Время, хаос, квант. М.: Прогресс, 1994. 265 с.
131. Пронин, М.А. Технологии «редактирования сознания»: технологий виртуальной, дополненной и заместительной реальностей. Философско-антропологическая постановка проблемы. О предмете гуманитарная экспертизы технологий виртуальной и дополненной реальности. 2018. [Электронный ресурс]. URL: http://www.virtualistica.ru/red_sozn.html.
132. Пшегусова Г.С. Коммуникация: социальное и виртуальное измерения. Ростов на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. 224 с.
133. Рикер П. История и истина. СПб.: Изд-во Алетейя, 2002. 400 с.
134. Рикер П. Я-сам как другой. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008. 416 с.
135. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998. С. 44–128.
136. Розанов В.В. Из цикла «Эмбрионь». [Электронный ресурс]. URL: https://lawbooks.news/istoriya-jurnalistiki_852/rozanov-tsi-kla-embrianyi.html.
137. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 508 с.
138. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. 424 с.

139. Рябченко Н.А., Шестакова А.А. Цифровой человек: границы коммуникативных практик в сетевом взаимодействии // Век информации. 2018. № 2 (2). С. 121–122.
140. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с.
141. Свирский Я.И. Самоорганизация смысла: (опыт синергетической онтологии). М.: ИФ РАН, 2001. 181 с.
142. Семеновских Т.В. Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде // Наукоеведение. 2016. Вып. 5 (24). [Электронный ресурс]. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf>.
143. Сёрль. Дж. Разум мозга – компьютерная программа? // В Мире Науки (Scientific American. Издание на русском языке). 1990. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://psychosearch.ru/teoriya/psikhika/338-searle-john-razum-mozga-kompyuternaya-programma>.
144. Серто М. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
145. Скарантино Л.М. Насилие и великодушие: эпистемный подход // Этическая мысль. 2011. Вып. 11. С. 120–139.
146. Создавая Бога из машины: Энтони Левандовски о своей религии поклонения ИИ. [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/turbo/hi-news.ru/s/technology/sozdavaya-boga-iz-mashiny-entoni-levandovski-o-svoej-religii-pokloneniya-ii.html>.
147. Сол Дж. Р. Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. М.: АСТ: Астрель, 2007. 895 с.
148. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.
149. Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. Т.1. М.: Мысль, 1990. 892 с.
150. Спичева Д.И. Формирование имиджа в процессе виртуальной межличностной коммуникации как проблема обретения идентичности человеком цифровой эпохи // Социальные сети как

- площадка организации межличностных коммуникаций и перформанса идентичности цифрового поколения. Сборник материалов исследования. Томский государственный университет. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2016. С. 99–111.
151. Старицина О.А. Клиповое мышление vs Образование. Кто виноват и что делать? // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 2 (23), С. 270–274.
152. Степин В.С. Исторические типы научной рациональности: проблемы демаркации и преемственности // Философия, методология и история науки. 2015. Т. 1. № 1. С. 6–27.
153. Степин В.С. Философия и методология науки. Избранное. М.: Академический проект; Альма Матер, 2015. 716 с.
154. Тест «Смысло-жизненные ориентации» (методика СЖО), Д.А. Леонтьева. [Электронный ресурс]. URL: <https://psycabi.net/testy/256-test-smyslozhiznennye-orientatsii-metodika-szho-d-a-leontev>.
155. Тищенко П.Д. Технологии улучшения человека: двойная социобиологическая спираль // Концепции постчеловека в философии и технонауке. Материалы V Международной научной школы для молодежи. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. С. 70–74.
156. Тоффлер Э. Третья волна. М.: Изд-во АСТ, 2009. 784 с.
157. Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. 432 с.
158. Тюляев С.И. Искусство Индии. Архитектура, изобразительное искусство, художественное ремесло. М.: Наука, 1968. 295 с.
159. Тюменцева Г.А. Интерактивное одиночество // Научный альманах. 2014. № 2. С. 5–18.
160. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731>
161. Фейгенберг И.М. Человек Достроенный и этика. Цивилизация как этап развития жизни Земли. М.: ООО «Медицинское информационное агентство», 2011. 128 с.

162. Файнберг Е.Л. Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке. М.: Наука, 1992. 251 с.
163. Финк Э. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в Западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 357–403.
164. Финн В.К. Искусственный интеллект // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон +, 2009. С. 316–318.
165. Финн В.К. Искусственный интеллект: методология, применения, философия. М.: URSS, КРАСАНД, 2011. 447 с.
166. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
167. Фролов А.В. Феноменология в цифровую эпоху: обзор проблем // Философия и общество. 2019. № 1. С. 18–38.
168. Фролов А.В. Экзистенция и мир в цифровую эпоху // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2018. № 3. С. 18–30.
169. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб: Наука, 2000. 377 с.
170. Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2010. № 1. С. 3–14.
171. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: «Фолио», 2003. 512 с.
172. Харман Г. Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда // Логос. 2017. Т. 27. № 3. С. 1–34.
173. Хоружий С.К. К феноменологии аскезы. М.: Изд-во Гуманитарной литературы, 1998. 352 с.
174. Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1993. 245 с.
175. Чаадаев П.Я. Полн. Собр. Соч. и избранные письма в 2-х т. Т. 1. М.: Наука, 1991. 801 с.
176. Чеклецов В.В. Гибридная реальность. НБИКС как интерфейс «человек – машина» // Экология мышления. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://ecologyofthinking.ru/ekologiya-myshleniya/trans-i-nauka/5248.html>

177. Человеческая субъективность в свете современных вызовов когнитивной науки и информационно-когнитивных технологий. Материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2016. № 10. С. 5–35.
178. Шахрай С.М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник РАН. 2018. Т. 88. № 12. С. 1075–1083.
179. Щедровицкий Г.П. Мышление. Понимание. Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005. 800 с.
180. Шестакова И.Г. Человеческий капитал в цифровую эпоху // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2018. № 1. С. 56–63.
181. Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. 368 с.
182. Шнуренко И. Искусственный интеллект на грани нервного срыва // Эксперт. 2018–2019. № 1–3. С. 38–41.
183. Шпицер М. Антимозг: цифровые технологии и мозг. М.: АСТ, 2013. 288 с.
184. Шрейдер Ю. Смысл // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 2001. С. 576–577.
185. Шюц А. О множественности реальностей / пер. с англ. А. Корбута // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 2. С. 3–34.
186. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира. М.: Изд-во Института Фонда «Общественное мнение», 2003. 390 с.
187. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. Т. 2. С. 120–136.
188. Эльконин Д.Б. Психология игры. М.: Книга по требованию, 2013. 228 с.
189. Эриксон Э. Идентичность, юность, кризис. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. 334 с.
190. Юдин Б.Г. Технонаука, человек, общество: актуальность гуманитарной экспертизы // Век глобализации. 2008. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5936>

191. Balkan A. The Nature of the Self in the Digital Age. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://ar.al/notes/the-nature-of-the-self-in-the-digital-age/>
192. Bard A., Soderqvist J. Netocracy - The New Power Elite and Life After Capitalism. Pearson Education, 2002. 269 p.
193. Bauerlein M. The Dumbest Generation: How the Digital Age Stupefies Young Americans and Jeopardizes Our Future (Or, Don't Trust Anyone under 30). N. Y.: Jeremy P. Tarcher / Penguin, 2009. 272 p.
194. Beinsteiner, A. Cyborg agency: The technological self-production of the (post-)human and the anti-hermeneutic trajectory. // Thesis Eleven. 2019. No. 153 (1). P. 113–133.
195. Belli L. Network Self-Determination and the Positive Externalities of Community Networks. [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliotecadigital.fgv.br/dspace/handle/10438/19924>
196. Bennett W.L., Segerberg A. The logic of connective action digital. Media and the personalization of contentious politics // Information Communication and Society. 2013. Vol. 17, Issue 15 (5). P. 1–30.
197. Berkhout F., Hertin J., Jordan A. Socio-economic futures in climate change impact assessment: using scenarios as “leaning machine” // Global Environmental Change. 2002. No. 12. P. 83–95.
198. Boonin, D. Better to be // South African Journal of Philosophy. 2012. No. 31. P. 10–25.
199. Boudon R. Effets per vers et ordre social. Paris: Presses universitaires de France, 1977. 286 p.
200. Britton L.M., Semaan B. Manifesting the Cyborg via techno body modification: from human computer interaction to integration // Proceedings of the 2017 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. Association for Computing Machinery 2017. P. 2499–2510.
201. Cege C. Digital Culture. London: Reaction Books, 2008. 248 p.
202. Ceri S. On the big impact of “Big Computer Science” in informatics in the future // Proceedings of the 11th European Computer Sci-

- ence Summit (ECSS 2015). Vienna. October 2015. P. 17–18. [Электронный ресурс]. URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-319-55735-9>
203. Clark A. *Natural-Born Cyborgs: Minds, Technologies, and the Future of Human Intelligence*. Oxford, England, Oxford University Press, 2004. 240 p.
204. Clough P., Gregory K., Haber B., Scannell J. *The Datalogical Turn in Nonrepresentational Methodologies: Re-Envisioning Research* / ed. P. Vannini. Oxford: Taylor & Francis, 2015. P. 182–206.
205. Clowes R. Immaterial engagement: human agency and the cognitive ecology of the internet // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2018. No. 18 (1). P. 259–279.
206. Cranny-Francis A. From extension to engagement: mapping the imaginary of wearable technology // *Visual Communication*. 2008. Vol. 7 (3). P. 363–382.
207. Dainow B. Digital alienation as the foundation of online privacy concerns // *ACM SIGCAS Computers and Society*. 2016. No. 45 (3). P. 109–117.
208. Evelyn R., Law J., Savage M. Reassembling social science methods: the challenge of digital devices // *Theory, Culture & Society*. Special Issue on The Social Life of Methods. 2013. No. 30 (4). P. 22–46.
209. Floridi L. *The Fourth Revolution: How the Infosphere Is Reshaping Human Reality*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 248 p.
210. Haraway D. Anthropocene, Capitalocene, Plantationocene, Chthulucene: Making Kin // *Environmental Humanities*. 2015. Vol. 6. P. 159–165.
211. Haraway D. Manifesto for Cyborgs: science, technology, and socialist feminism in the 1980s // *Socialist Review*. 1985. No. 80. P. 65–107.
212. Heersmink R. A Virtue epistemology of the Internet: search engines, intellectual virtues and education // *Social Epistemology*. 2018. Vol. 32. No. 1. P. 1–12.

213. Herther N.K. Digital natives and immigrants: what brain research tells us // *An Anthology of Arguments. Digital Literacies*. Minneapolis, MN: University of Minnesota Libraries, 2009. P. 419–425.
214. Hildebrandt M. Defining profiling: a new type of knowledge? // *Profiling the European Citizen*. New York: Springer, 2008. 374 p.
215. Huesemann M.H., Huesemann J.A. *Technofix: Why Technology Won't Save Us or the Environment*. Gabriola Island: New Society Publishers, 2011. 464 p.
216. Hutto D., Myin E. *Radicalizing Enactivism: Basic Minds without Content*. Cambridge, MA: MIT Press, 2013. 232 p.
217. Ihde D. *Postphenomenology and Technoscience: The Peking University Lectures*. (SUNY Series in the Philosophy of the Social Sciences). Albany: State University of New York Press, 2009. 102 p.
218. James L. Activity and the meaningfulness of live // *The Monist*. 2010. No. 93 (1). P. 57–75.
219. Joy B. Why the future doesn't need us? // *Wired*. 2000. Vol. 8. No. 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wired.com/2000/04/joy-2/>
220. Kasket, E. Access to the Digital Self in life and death: privacy in the context of posthumously persistent Facebook profiles" // *SCRIPTed*. 2013. Vol. 10 (1). P. 7–18. [Электронный ресурс]. URL: <http://script-ed.org/?p=845>.
221. Kirby A. *Digimodernism: How New Technologies Dismantle Postmodern and Reconfigure Our Culture*. New York, London: Continuum, 2006. 282 p.
222. Korupp S.E., Szydlik M. (2005) Causes and trends of the Digital Divide // *European Sociological Review*. 2005. Vol. 21. No. 4. P. 409–422.
223. Krug S. *Don't Make Me Think, Revisited: A Common Sense Approach to Web Usability*. New Riders, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://file.allitebooks.com/20150707/Don't%20Make%20Me%20Think,%20Revisited,%203rd%20Edition.pdf>
224. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*. New York: Oxford University Press, 2005. 280 p.

225. Leshkevich T. Prospects of human being and technological turn of modern science // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 24–30 August, 2017. Vol II. P. 559–564.
226. Leshkevich T. Foresight education: semantic and value priorities of educational landscape // Proceedings of the 4th International Conference on Arts, Design and Contemporary Education, 2018. Vol. 232. P. 630–633.
227. Leshkevich T.G., Kirik V. A. The semantic shift in educational technologies in the digital age // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. 3rd International Conference on the Contemporary Education, Social Sciences and Humanities" (ICCESSH 2018). Atlantis Press, 2018. P. 93–96. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/iccessh-18/authors>
228. Leshkevich T.G., Motozhanets A.A. Digital determination and manipulative strategies // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Proceedings of the 4th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2019). Atlantis Press, 2019. P. 1660–1663.
229. Lovink G., Hui Y. Digital Objects and Metadata Schemes. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.e-flux.com/journal/78/82706/digital-objects-and-metadata-schemes/>
230. Mainzer K. Thinking in Complexity. The Computational Dynamics of Matter, Mind and Mankind. New York: Springer, 2007. 482 p.
231. Marwick A., Fontaine C., Boyd D. «Nobody sees it, nobody gets mad»: social media, privacy, and personal responsibility among Low-SES youth // Social Media+Society. 2017. No. 3 (2). P. 1–14. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/317251697_Nobody_Sees_It_Nobody_Gets_Mad_Social_Media_Privacy_and_Personal_Responsibility_Among_Low-SES_Youth
232. Mehdizadeh S. Self-Presentation 2.0: Narcissism and self esteem on Facebook. // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking.

2010. No. 13 (4). P. 357–364. [Электронный ресурс]. URL: <http://doi.org/10.1089/cyber.2009.0257>
233. Meteyard L, Cuadrado S.R., Bahrami B., Vigliocco G. Coming of age: a review of embodiment and the neuroscience of semantics // *Cortex; a Journal Devoted to the Study of the Nervous System and Behavior*. 2012. Vol. 48. No. 7. P. 788–804.
234. Metz T. *Meaning in Life: An Analytic Study*, Oxford: Oxford University Press, 2013. 288 p.
235. Miller V. New Media, Networking and Phatic Culture // *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*. 2008. Vol. 14. No. 4. P. 387–400.
236. Misra, S., Stokols D. A typology of people–environment relationships in the Digital Age // *Technology in Society*. 2012. Vol. 34. P. 311–325.
237. Miyawaki Y. et al. Visual image reconstruction from human brain activity using a combination of Multiscale Local Image Decodes // *Neuron*. 2008. Vol. 60. No. 5. P. 915–929.
238. Morin E. *Method: Towards a Study of Humankind. The Nature of Nature* / trans. and intro. by J.L.R. Belanger. New York: Peter Lang Publishing, 1992. 435 p.
239. Myachykov A., Scheepers C., Fischer M.H, Kessler K. Test: a tropic, embodied, and situated theory of cognition // *Topics in Cognitive Science*. 2013. No. 6 (3). P. 442–460.
240. Negroponte N. *Being Digital*. New York: Alfred A. Knopf, 1995. 243 p.
241. Noble S.U. *Algorithms of Oppression: How Search Engines Reinforce Racism*. New York: New York University Press, 2018. 229 p.
242. Noë A. *Out of Our Heads. Why You Are Not Your Brain, and Other Lessons from the Biology of Consciousness*. New York: Hill and Wang, 2009. 232 p.
243. Nowotny H. The increase of Complexity and its reduction: emergent interfaces between the natural sciences, humanities and social sciences // *Theory, culture and social sciences*. 2005. Vol. 22. P. 15–31.

244. Nutto D., Myin E. *Radicalizing Enactivism: Basic Minds without Content*. Cambridge, MA: MIT Press, 2013. 232 p.
245. Oakley. T. The meaning of life // *The Monist*. 2010. Vol. 93. Issue 1. P. 106–122.
246. Ollinaho O.I. Virtualization of the life-world // *Human Studies*. 2018. No. 41. P. 193–209.
247. Orben, A., Przybylski, A.K. The association between adolescent well-being and digital technology use // *Nature Human Behaviour*. 2019. No. 3. P. 173–182. [Электронный ресурс]. URL: https://www.amyorben.com/pdf/2019_orbenprzybylski_nhb.pdf
248. Ossewaarde M. Digital transformation and the renewal of Social Theory: unpacking the new fraudulent myths and misplaced metaphors // *Technological Forecasting & Social Change*. 2019. No. 146. P. 24–30.
249. Ronchi A. M. *E-Culture*. New York: Springer-Verlag, 2009. 486 p.
250. Peacock S.E. *Challenges to Modernity: The Digital Divide*. York University, 2007. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/268810392_Challenges_to_Modernity_The_Digital_Divide
251. Prensky M. *Digital Natives, Digital Immigrants* // *On the Horizon*. [Электронный ресурс]. URL: <https://marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf>
252. Quigley M., Ayihongbe S. Everyday Cyborgs: on integrated persons and integrated goods // *Medical Law Review*. 2018. Vol. 26. No. 2. P. 276–308.
253. Reim M.M.E., Kunst L.E., Steenbakkers F.D.F., Kir M., Sluijman A., Karreman A., Bekker M.H.J. Oxytocin reduces interpersonal distance: Examining moderating effects of childrearing experiences and interpersonal context of virtual reality // *Psychoneuroendocrinology*. 2019. No. 108. P. 102–109.
254. Reinares-Lara E., Olarte-Pascual C., Pelegrín-Borondo J. Do you want to be a cyborg? The moderating effect of ethics on neural implant acceptance // *Computers in Human Behavior*. 2018. Vol. 85. P. 43–53.

255. Rey P.J. Alienation, exploitation and social media // *American Behavioral Scientist*. 2012. No. 56 (4). P. 399–420.
256. Robinett W. The consequences of fully understanding the brain // *Converging Technologies for Improving Human Performance. Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science*. Dordrecht, Netherlands: Kluwer Academic Publishers, 2003. P. 167–170.
257. Roubal O. Fast-time digital age and lifestyle changes // *Marketing Identity. Digital Life. Part II. Conference Proceedings from International Scientific Conference 10th-11th November 2015, Trnava*. P. 206–219. [Электронный ресурс] URL: https://fmk.sk/download/konferencie/Marketing%20Identity/marketing-identity_digital-life_conference-proceedings-pt2-.pdf
258. Ruppert E., Law J., Savage M. Reassembling social science methods: the challenge of digital devices // *Theory, Culture & Society, Special Issue on The Social Life of Methods*. 2013. No. 30 (4). P. 22–46.
259. Rushkoff D. *Program or be Programmed. Ten Commands for a Digital Age*. New York: OR Books, 2010. 159 p.
260. Sellen A., Rogers Y., Harper R., Rodden T. Reflecting human values in the digital age // *Communications of the ACM*. 2009. Vol. 52 (3). P. 58–66.
261. Small G., Moody T., Siddarth P., Bookheimer S. Your brain on Google: patterns of cerebral activation during Internet searching // *American Journal of Geriatric Psychiatry: Official journal of the American Association for Geriatric Psychiatry*. 2009. Vol. 17. No.2. P. 116–126.
262. Small G., Vorgan G. *iBrain: Surviving the Technological Alteration of the Modern Mind*. New York: HarperCollins Publishers, 2009. 256 p.
263. Sparrow B., Liu J., Wenger D.M. Google effects on memory: cognitive consequences of having information at our fingertips // *Science*. 2011. Vol. 333. No. 6043. P. 776–778.

264. Stancuigelu S., Rusu I., Iacob D. A Digi-generation for a non-linear reality. The “old world” and the coming of a “two-dimensional reality” // Marketing Identity. Digital Life, Part II. Conference Proceedings from International Scientific Conference 10th-11th November 2015, Trnava. P. 264–272. [Электронный ресурс] URL: https://fmk.sk/download/konferencie/Marketing%20Identity/marketing-identity_digital-life_conference-proceedings-pt2-.pdf
265. Strauss W., Howe N. Generations: the History of America’s Future, 1584 to 2069. New York: William Morrow and Company Inc., 1991. 538 p.
266. Sullins J. Information technology and moral values // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2018 Edition). [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2018/entries/it-moral-values/>
267. Szecsi G., Koller I. Community and morality in the digital age // Coactivity: Philosophy, Communication. 2017. Vol. 25. No. 1. P. 18–25.
268. Tapscott D. Grown Up Digital: How the Net Generation is Changing Your World. McGraw Hill Professional, 2009. [Электронный ресурс]. URL: [http://socium.ge/downloads/komunikaciisteoria/eng/Grown_Up_Digital_-_How_the_Net_Generation_Is_Changing_Your_World_\(Don_Tapscott\).pdf](http://socium.ge/downloads/komunikaciisteoria/eng/Grown_Up_Digital_-_How_the_Net_Generation_Is_Changing_Your_World_(Don_Tapscott).pdf)
269. Thomä H., Kächele H. Psychoanalytic Practice: Principles. Berlin: Springer-Verlag, 1987.
270. Tolu H. Notes on Cyber-Luddism // Knowledge Cultures. 2014. Vol. 2 (3). P. 155–188.
271. Ungar S. 2003. Misplaced metaphor: a critical analysis of the “knowledge society” // The Canadian Review Sociology and Anthropology. 2003. No. 40 (3). P. 331–347.
272. Urry J. Sociology Beyond Societies. Mobilities for the Twenty-First Century. London and New York: Routledge, 2000. 255 p.
273. Uysal A., Yildirim I.G. Self-determination theory in digital games // Gamer Psychology and Behavior, International Series on Computer Entertainment and Media Technology. Springer International Publishing, 2016. P. 123–135.

274. Wajcman, J. *Pressed for Time: The Acceleration of Life in Digital Capitalism*. Chicago: University of Chicago Press, 2015. 224 p.
275. Ward A.F. *One with the Cloud: Why People Mistake the Internet's Knowledge for Their Own*. Cambridge, MA: Harvard University, 2013. P. 112.
276. Welsch R., von Castell C., Rettenberger V., Turner D., Hecht H., Fromberger P. Sexual attraction modulates interpersonal distance and approach-avoidance movements towards virtual agents in males // *PLoS ONE*. 2020. No. 15 (4). P. 1–19.
277. Zurawski N. *Virtual Ethnicity*. *Studies on identity, Culture and the Internet*. 2000. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uni-muenster.de/PeaCon/zurawski/ve.html>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Лешкевич Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук, профессор Южного федерального университета

Катаева Ольга Владимировна – кандидат философских наук, доцент Южного федерального Университета

Мотожанец Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент Южного федерального университета

Научное издание

**ЦИФРОВАЯ ДЕТЕРМИНАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИИ
СМЫСЛОЖИЗНЕННОЙ РЕФЛЕКСИИ**

Подписано в печать 07.12.2020 г.
Бумага офсетная. Формат 60×84 1/16. Тираж 300.
Усл. печ. лист. 11,39. Уч. изд. л. 9,32. Заказ № 7797.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел (863) 243-41-66.